

Вера, надежда, любовь - в сердце всегда.

Ромашка

[Дэвид Висман](#)

Глава 1

Июль 2005 г.

Ромка бежал так, как не бежал никогда за свои восемнадцать лет. Страх гнал его вперёд, под ногами хлюпала вода, ноги вязли в болотистой жиже. Несколько раз он спотыкался и падал, но вскакивал – и снова бежал. За спиной слышались матерки и тяжёлое дыхание гнавшихся за ним парней.

«Папочка, миленький, помоги! Папочка, помоги мне, пожалуйста!» Слёзы текли по щекам, а губы шептали одни и те же слова, как молитву. Как будто отвечая на его мольбу к отцу, небо загромыхало раскатом грома, и полил дождь. Вспышка молнии осветила заросли камышей, и он без сил рухнул в них. Вода накрыла его тело, и только голова оказалась на какой-то кочке.

Голоса слышались ближе. Ромка замер, боясь дышать. Только бы молнии больше не было, в темноте не должны заметить. Гнавшиеся за ним парни не решались заходить в камыши.

– Блядь, у меня все ноги промокли. Ну его, на хрен, поехали отсюда. Сейчас дорогу размоет, не выедем.

– А если он номера запомнил?

– Да ни хера он не запомнил. Он их даже увидеть не успел, мы же его сразу в машину запахали. Поехали, я уже вымок весь до нитки. Темнота, хоть глаз выколи, хрен его сейчас найдёшь. По камышам, что ли, лазить...

– Ладно, пошли.

Ромка, не дыша, ждал, когда всё стихнет. Его начало трясти. Закусив кожу на руке, приглушил вырвавшиеся наружу рыдания, удары колотящегося сердца отдавались в голове.

Дождь хлестал, заливая глаза и смывая болотную грязь с лица.

«Спасибо, пап». И он, уже не сдерживаясь, разревелился.

До самого рассвета Ромка просидел в воде в зарослях камыша. От холода трясло, ноги сводило судорогой. А когда забрезжил рассвет, заставил себя выползти из болота. Ноги и руки не слушались, встать никак не получалось. Полз на животе, обдирая кожу.

Сергей отвёз жену на работу в город и возвращался в деревню. Трасса была свободна. Сегодня суббота, у Маши выходной, но начальник попросил выйти её на работу. Шеф в такие дни оплачивал сотрудникам двойной тариф, и те не отказывались подработать в выходные.

Задумавшись о том, что в этом месяце нечем платить кредит за машину, он уже проскочил мимо стоящего на обочине человека. Но что-то резануло его взгляд, и он сдал машину назад. Стоявший парень даже не среагировал на звук тормозов. Сергей ошарашенно его разглядывал. На вид ему было лет шестнадцать. Худой, весь исцарапанный, грязный, с прилипшими к телу травинками и пухом от камыша, он стоял босиком, в мокрых и перепачканных болотной жижей трико.

Серёга вылез из машины и потряс парнишку за плечо. Тот наконец вышел из ступора. Глаза у него были красные и опухшие, а взгляд затравленный и какой-то дикий.

– Эй, парень, случилось что? Что ты на болотах делаешь?

Мальчишку била дрожь, при попытке что-то сказать из горла вырвался хрип, а губы задрожали. Он трясущимися руками полез в задний карман трико и вытащил оттуда мокрый и грязный паспорт. Сергей осторожно, чтобы не порвать мокрые листочки, разлепил странички документа. «Ворохов Роман Валерьевич, 1987 года рождения. Выдан Кузнецким РОВД г. Новокузнецка». Серёга присвистнул. Потом открыл страничку с пропиской. Так и есть, прописка тоже Новокузнецкая. В обложке паспорта заметил какие-то корочки. Достал и их.

«Абитуриент. Понятно. Поступать, значит, приехал».

– А как ты здесь-то оказался, да ещё в таком виде?

Парнишка вдруг осел и стал заваливаться на дорогу. Сергей успел его подхватить и аккуратно усадить на траву.

– Чёрт, что мне с тобой делать-то? В машину сесть сможешь?

Роман кивнул, сжимая зубы, чтобы они не стучали. Колени тряслись так, что он не мог их удержать руками. Кое-как, с помощью Сергея, поднялся и завалился на заднее сиденье новенькой «десятки».

До деревни доехали быстро. Оставив отключившегося парня в машине, Серёга забежал в дом. Мать хлопотала у газовой плиты, помешивая что-то в кастрюле.

– Мам, здесь такое дело, я пацана на дороге подобрал. Надо срочно баньку соорудить. Я воды натаascaю, а ты растопи, а?

– Какого пацана? Бомжа, что ли, притащил?

– Да нет. Парень из Новокузнецка, поступать в институт приехал. Я не знаю ещё, что случилось, но он на дороге стоял, невменяемый, весь мокрый и грязный. Босиком, в одном трико. Такое ощущение, что из болота вылез. Давай все вопросы потом.

Сергей схватил вёдра и начал таскать в баню воду. Пока мать её затопливала, он вытащил Ромку из машины. Ноги у паренька подкашивались, пришлось нести его в дом на руках. Стянув с него грязное трико и укутав в одеяло, налил полстакана самогона с перцем. Хотел уже было напоить Ромку этой бодягой, но мать выхватила стакан из рук.

– Ты что, совсем ополоумел? Кто перед баней самогон с перцем хлещет? Вот в бане напарится, потом дашь.

Она присела на корточки перед парнишкой, сидевшим на диване.

– Эко тебя трясёт-то, сердечный. Да что с тобой приключилось-то?

Ромка хотел ей что-то сказать, но вместо слов у него вырвался судорожный всхлип.

– Господи, дитяtko, да не хотела я тебя расстраивать. – Любовь Ивановна села рядом с ним на диван и прижала его голову к себе. Мальчишка вцепился в неё, как в родную мать. Она же гладила его по голове, ласково приговаривая: – Ну всё, успокойся. Жив, здоров, сейчас в баньку сходишь, поспишь, а потом уж расскажешь, что случилось.

Пацан всхлипнул ещё разок и обмяк в её руках. Так и сидели, пока баня не натопилась.

Сергей повесил Ромкин паспорт сушиться на верёвку, как носки, предварительно списав адрес прописки.

Когда после бани и выпитого через силу лекарства в виде самогона с перцем Роман заснул, Сергей, выйдя на улицу, попытался дозвониться до своего приятеля Володьки, у которого в Новокузнецке жили родственники. Но связь в деревне была ни к чёрту, дозвониться не получилось.

Вечером Серёга поехал забирать жену с работы. Уже в черте города ему удалось связаться с Владимиром. Обрисовав ситуацию, назвал адрес прописки парня. Владимир пообещал позвонить родственникам в Новокузнецк и попросить их съездить по этому адресу.

Маша ворчала всю дорогу:

– Тащишь в дом кого ни попадя. Обворуют когда-нибудь.

– А что у нас воровать-то? Денег нет, золота не нажили, чего ты боишься?

– Аппаратура дорогая, мало ли что.

– И как он эту аппаратуру до Новокузнецка потащит? И вообще, мальчишка вон на медика поступать приехал. А туда так просто хрен поступишь. Значит, родители обеспеченные, и на хрена ему наша аппаратура? Короче, Маш, не ковыряй мозг.

Выспавшийся Ромка сидел за столом в майке и трико Сергея. Любовь Ивановна потчевала его борщом и блинами. Парнишка смущённо ёрзал на стуле, не зная, куда себя деть. Но молодой организм требовал своё, и он с аппетитом умял тарелку борща и блины.

Выглядел он немного лучше, чем утром. Его уже не трясло, но он был весь красный, а глаза больные. Мать Сергея потрогала ему лоб.

– Да у тебя температура. Сейчас будем тебя малинкой с мёдом лечить...

Сергей, дождавшись, когда парень выйдет из-за стола, задал наконец не дающий покоя вопрос:

– Ну, рассказывай. Что случилось? Как тебя к нашей деревне занесло?

Роман был благодарен этим чужим ему людям, да и скрывать было нечего. Он приехал в Томск поступать в медицинский. Ему дали комнату в общежитии на время поступления. Студентов в общежитии почти не было, все разъехались по домам. Остались только те, кто подтягивал хвосты, и приезжие абитуриенты.

В комнате Роман жил один. Ему было скучно, к соседям он идти стеснялся. Спать не хотел. От занятий и подготовки к экзаменам уже мутило и болела голова. Очень хотелось курить, но сигареты закончились. Промаявшись до двенадцати ночи, решил спуститься в киоск, который стоял метрах в пятидесяти от общежития. Сунул ноги в сланцы и, как был, в домашней одежде вышел на улицу. Паспорт он оставлять не стал, положил его в задний карман спортивных брюк. Телефон же и деньги были в руке.

Не успел отойти от подъезда, как возле него тормознула машина с тонированными стёклами. Он даже вскрикнуть не успел, как его в неё запихнули. В машине было четверо: шофёр, пассажир на переднем сиденье, и двое уселись по бокам Романа на заднем.

Телефон и деньги забрали сразу и, открыв окно, выкинули на дорогу. На вопрос Романа, куда его везут и что им надо, он тут же получил хороший удар под дых. За всю дорогу похитители не проронили ни слова. Роман понимал, что везут его, скорее всего, убивать. Наверное, в карты кто-то из них проигрался.

«Мать с ума сойдёт – не так давно отца похоронили. Мне нельзя умирать. И не найдёт ведь никто. Хоть бы сразу убили, не издевались» – такие мысли мелькали в Ромкиной голове.

Ехали минут сорок. Машина остановилась, и его, схватив за шиворот майки, стали вытаскивать наружу. Он сопротивлялся, как мог, но силы были неравны. Когда его, вытащив за шкурку, поволокли к болоту, вывернулся из футболки и побежал. Сланцы слетели сразу, но босиком бежать было даже удобней. Ну а потом ночь в болотной воде в камышах. Как вышел на дорогу, он не помнил.

Жутко было от рассказа Ромки. Может, он не первый на этих болотах побывал. Что с ним собирались делать, даже думать не хотелось. В общем, чудом пацан жив остался. И действительно поверишь, что есть какая-то сила, что помог ему покойный отец.

Машка и мать давно шмыгали носом. Любовь Ивановна гладила парнишку по голове, притянув его к себе как родного.

– Господи, натерпелся страху, горемычный. Надо родителям твоим весточку дать. Весь день, поди, на телефон звонили. Мать, наверное, с ума сходит.

И тут же спохватилась, что не родителям, а матери одной. Отца-то нет. Совсем сердце от жалости к Ромке зашло.

– Отец молодой был? Что с ним-то стряслось? Отчего помер?

– В шахте завалило. Тридцать пять ему было, он уже три года, как погиб. Мама с дядь Серёжей живёт. Он хороший мужик, я к нему хорошо отношусь. Ну и он к нам с братом. Моему братишке десять лет.

Роман с охотой рассказывал о себе – эти простые люди были отзывчивы и участливы к нему. Как будто он всю жизнь знал эту семью, так ему было с ними уютно.

В одиннадцать вечера зазвонил наконец телефон. Номер был незнакомый. Сергей ответил на звонок. В трубке раздался встревоженный мужской голос:

– Алло, это Сергей?

– Да, я вас слушаю.

– Это из Новокузнецка звонят. Мы родители Романа. Что случилось? Что с Ромой? Ваш знакомый приезжал, но мы толком ничего не поняли.

– Всё уже в порядке, сейчас он спит. Правда, у него температура поднялась. Вы, если можете, лучше приезжайте.

Сергей вкратце рассказал Ромкину историю. Телефон отчима, по-видимому, был на громкой связи, было слышно, как плачет женщина.

– Говорите адрес, мы сейчас же выезжаем. Мы на машине, к утру, наверное, приедем. И спасибо вам огромное.

Сергей отключил трубку и зашёл в комнату, где спал Роман. Хотелось сказать ему, что родичи утром приедут. Было такое ощущение, что приезжают не совершенно чужие люди, а родня. Ромка спал, тяжело дыша. Серёга наклонился к нему и потрогал лоб. Потом пошёл в комнату матери.

– Мам, надо ему таблетки дать. Он весь горит.

– Я сейчас простынь в уксусе смочу, а ты его закутай. Ну и аспирина дай.

От прикосновения холодной ткани к горячему телу Романа опять начало трясти. Всю ночь Сергею пришлось менять парню простынь, никак не удавалось сбить жар. Тазик с разведённым в воде уксусом стоял тут же в комнате. Под утро температура наконец немного спала, и они, вымотавшиеся за ночь, вырубались на одном диване.

Утром приехали Ромина мама и отчим. Мать была маленькой, худенькой, похожей на девочку-пятиклассницу, а отчим здоровым мужчиной лет пятидесяти. Чувствовалось, что женщина за таким, как за каменной стеной. Ромка краснел и смущался от материных ласк.

– Мам, ну чего ты меня как маленького тискаешь.

– А ты для меня и есть маленький. – И обняла ещё крепче.

Любовь Ивановна первым делом усадила их за стол.

– Так, дорогие мои, все расспросы потом. Жив-здоров, простуда – тьфу, вылечим, так что сначала почаёвничайте с дороги.

Потом Ромка снова рассказывал всё, что с ним произошло. Мать плакала, не сдерживаясь, а у отчима желваки ходуном ходили. Было видно, что он переживает за пасынка, как за родного.

– Всё, никакого Томска, дома на кого-нибудь поступишь, успеешь ещё. – Мать решительно вытерла слёзы и устала на мужа, чтобы он её поддержал. Но отчим молчал и смотрел на Ромку. А Роман даже с дивана подскочил:

– Мам, ты чего? Не поеду я домой. Я что, зря всю зиму в медучилище на подготовительные ходил? Я врачом быть хочу, а не кем-то там.

– Анют, пусть парень поступает. А чтобы его не нашли эти говнюки, мы ему квартиру снимем, всё лучше, чем в общежитии.

– Да ты пока её снимешь, экзамены кончатся. Да и на что ты ему её сейчас снимешь? Мы же не взяли денег с собой, вылетели из дома как ненормальные. И потом, он ведь простывший весь.

В разговор вступила Любовь Ивановна:

– В общем, я так думаю, мой сын теперь вроде как крёстный вашему. Кто знает, может, молодчики бы эти вернулись и нашли Ромку, если бы Серёжка его не забрал. Так что вы нам теперича вроде родни. Не чужие люди. Пусть Роман у нас, пока экзамены идти будут, останется. Серёжа каждое утро Машу на работу возит и Ромку будет до города подкидывать. Ну и подлечим его как раз. Возражения не принимаются. Вещи только Ромины из общежития заберите.

Мама Романа смотрела на Любовь Ивановну как на святую. Заикнулась было, что неудобно как-то, но тут уже сам Сергей и Маша наперебой стали уверять её, что они только рады будут. Что Ромка им хлопот не доставит, пусть погостит.

За вещами Ромы отчим съездил один. И заодно в городе снял с карты оставшиеся от полочки деньги, которые отдал Любовь Ивановне. Та брать ни в какую не хотела и с обидой бросила:

– Мы что, нищие? Хлопца прокормить не сможем, что ли? У нас всё своё. Деревня же. И птица, и мясо – всё есть. Голодным не останется.

Но отчим выкрутился: объяснил, что деньги Ромке пригодятся. Мало ли что купить, или на проезд. Что он на хранение Любви Ивановне их отдаёт, чтобы та Ромке выдавала, если надо будет. Ещё сунул ей пакет с лекарствами от простуды. А она чуть «всю эту химию» в мусорку не запульнула.

С пустыми руками новым «родственникам» уехать не дали. В качестве гостинцев – ведро кедровых орешков и самогон, настоящий на них же. Оба Сергея распрощались, крепко пожав друг другу руки. А Анна и Любовь Ивановна – горячо друг друга обняв.

Роман жил у Захаровых уже почти неделю. От простуды не осталось и следа. Сергей каждый день топил баню и натирал Ромку мёдом с солью. Сначала Роман жутко стеснялся этих прикосновений Сергея к своей спине и груди, но потом становилось больно от такого массажа, и было уже не до стеснения. Кожа горела огнём, казалось, позвоночник выскочит наружу. Шлепки по телу становились невыносимыми, непонятно откуда бравшаяся грязь летела ошметками. А Серёга делал эту процедуру с удовольствием, приговаривая:

– Во гадости сколько летит. Сейчас ты у меня как новенький будешь.

Была суббота. Маша и Любовь Ивановна уехали на выходные в город к Серёгиному старшему брату.

К Сергею пришёл сосед, и они устроили застолье, выпив почти литр самогонки. Ромке тоже налили пару стопок, хоть он и отнекивался. Но после слов соседа «Ты что как целка ломаешься?» выпил. И конечно же, опьянел с непривычки. Как только сосед ушёл домой, пьяный Серёга потащил такого же пьяного Ромку в остывшую уже баню. Когда он намазал Ромкину спину мёдом и стал не шлёпать, как обычно это делал, а нежно растирать мёд по спине, Ромка неожиданно почувствовал возбуждение. С этими экзаменами и подготовкой к ним он уже не помнил, когда занимался сексом. Он понимал, что нужно остановить Сергея, встать и

уйти, но пьяный ум медленно переваривал эту информацию, а пьяное тело наслаждалось неожиданной лаской.

Лёжа на животе и повернувшись лицом к стене, Ромка Сергея не видел, но слышал, как у того участилось дыхание. Руки гладили уже настойчивее. Расслабившись и поддавшись этим прикосновениям, парень слишком поздно понял, что гладил Сергей уже не спину, а ягодичы и ноги. Рука мужчины нырнула под бёдра к паху, и Роман совсем потерял контроль. Серёга лёг на него сверху, прижавшись всем телом, его каменный член упирался в ложбинку между ягодиц, рукой он ласкал член Романа. Он не стал проникать в Ромку, а просто тёрся своей плотью о его тело, вжимаясь в него и покусывая кожу спины, слизывая с неё солёный мёд.

Потом, не глядя друг на друга, они смыли с себя следы греха. После бани Сергей взял бутылку самогона и ушёл к соседу, а Ромка, уткнувшись носом в подушку, думал, как он объяснит Любове Ивановне, что ему нужно съехать от них. И как он теперь будет смотреть им всем в глаза.

Роман не заметил, как уснул. Проснулся от того, что кто-то пытался стянуть с него одеяло. Пьяный Сергей навалился на него всей массой. Роман к этому времени уже проспался и протрезвел. Все попытки сбросить с себя Серёгу ни к чему не привели. Деревенский парень был в несколько раз сильнее хрупкого Ромки. Серый присосался к губам парнишки, шаря по его телу руками. И у Романа снесло крышу: он стал отвечать на эти пьяные ласки. Дальше всё происходило как во сне. Грубые, но горячие прикосновения, укусы и засосы. Рваное дыхание и неразборчивый шёпот у уха. Внезапная боль отрезвила на короткое время, но следом вновь пришло безумие. Роман уже ничего не соображал, он просто отдавался этому сумасшедшему сексу.

Утром пришло похмелье и ужас от содеянного. Сергей не представлял, как будет смотреть Роману в глаза. Первым желанием было убежать из дома, пока парнишка не проснулся. Но, взглянув на расслабленного, спящего парня, он понял, что не раскаивается, а, напротив, хочет ещё.

К приехавшим вечером из города хозяйкам Роман не вышел. Серёга сказал, что он спит. Сам же он льнул к жене – обнимал её, словно они не виделись долгое время и он страстно соскучился. Маша была приятно удивлена такой пылкостью и отвечала на мужнины ласки.

Ночью Серёга кое-как уговорил супругу попробовать анальный секс. Но как только он проник в заветную дырочку, она заорала в подушку и начала сбрасывать его с себя. Это было почти изнасилование. Маша потом долго плакала и сказала, что ненавидит его. Чтобы он больше к ней не прикасался.

В понедельник все трое ехали в город, молча. Ромка, несмотря на жару, был одет в водолазку. Маша всю дорогу сверлила мужа ненавидящим взглядом. А Серёга тщетно старался выглядеть спокойным и боялся встретиться взглядом с Романом.

Глава 2

Серёга чувствовал себя отвратительно. Мысли о том, что он трахнул парня и ему это понравилось, грызли и не оставляли его в покое. А когда Ромка чуть ли не бегом припустил к институту, поймал себя на том, что провожает взглядом его худенькую фигурку с чувством щемящей вины и... желания. Нужно было признаться самому себе, что Ромка нравился ему, нравился как-то по-особому. Ему не хотелось унижить его и думать о нём как о пидоре. И потом, ведь это он соблазнил пацана, наверняка у того никого до него не было.

А себя Серёга пидором не считал. Пидоры – это те, кто снизу, а кто сверху – это «трахаем всё, что шевелится». В армии у них был один чмырь, его пользовало почти полроты. Сначала просто давали в рот, а потом и трахать стали, кто небрезгливый. Серый брезгливым не был. И ни у одного трахающего этого чмыря не возникло мысли, что они – педики.

А Ромка, отсидев на подготовительной по химии, вышел из института, не зная, куда податься. До автобуса в деревню оставался примерно час. Но ехать туда ему не хотелось. Сергей был в отпуске, и парнишка не желал с ним встречаться. Если быть честным перед самим собой, ему понравился секс с Сергеем. Ему понравился секс с мужчиной.

Роман никогда не был лидером в своей компании. У него был лучший друг, с которым он дружил с четырех лет, – вот тот был прирождённый лидер. Сашка, так звали друга, с первого дня знакомства защищал Ромку от всех и вся. Если они гуляли далеко от дома, он всегда провожал Романа и сдавал его матери, а потом сам мчался домой. Жили они в частном секторе, в черте города. Ромкина мамка всегда ставила Саньку в пример – тот и в магазин ходил, и корову пас, в четыре-то года. Один в ближайшем лесочке – ни черта не боялся. Да и вообще был самостоятельным. В шесть лет записался со старшими мальчишками на карате, сам, даже родителей не спросил. Папка у него был крутой, из блатных.

И воспитывал сына по-спартански, жёстко. Да и образ жизни отца заставлял мальчишку взрослеть быстрее некоторых его сверстников.

Один раз его отец участвовал в каких-то разборках, и ночью их дом окружила бригада другой группировки. Санька потом взахлёб рассказывал пацанам, как папка с мамкой отстреливались в окна, а его спихнули в подполье. Мамка каким-то образом выскочила незамеченной из дома и, добежав до телефонной будки, позвонила папкиным друзьям.

Однажды он стащил у отца пистолет, но пострелять не получилось. Это они потом узнали, что он на предохранителе стоял. А тогда, когда им было по семь лет и они играли этим пистолетом в крутых, было очень обидно, что он не стреляет. Сашка, когда им исполнилось уже по двенадцать, как-то сказал: «Блин, слава богу, что пистолет тогда не выстрелил. Какие же мы были придурки», и его даже передёрнуло от воспоминания.

Отца у Саньки застрелили, когда ему минуло десять. И мальчишке было его не жаль. Он ненавидел своего отца. Один Ромка знал, как этот крутой, всеми уважаемый козёл издевался над своей семьёй. Сашка часто говорил ему: «Вырасту, убью этого урода».

Роман не заметил, как его мысли с Сергея переключились на друга. Шёл и улыбался, вспоминая, как однажды Саня готовил своей мамке обед и чуть не сжёг дом. Что Ромкина мамка, что тётя Ира считали их обоих своими. Они были лучшими подругами, как их сыновья – лучшими друзьями.

Готовить Саня всё-таки научился, да так, что пальчики оближешь. Одноклассники не удивились, когда узнали, что он после девятого на повара пошёл. В училище он был единственным пацаном на всю группу. Девчонки его любили.

Санька Ромкой гордился, как-никак братан у него – будущий доктор. Что друг может не поступить, он даже мысли не допускал.

Ромка почувствовал, что соскучился по Александру. И тут же резанула болью мысль: «Господи, я ведь не смогу от него это скрыть. У нас никогда друг от друга секретов не было», – потерять Саню было для Романа невыносимо. Он просто не представлял, как будет без него. То, что им придётся скоро расстаться из-за Ромкиной учёбы, – это одно, а вот потерять дружбу – это страшно.

Роман не заметил, как оказался на набережной Томи. У берега стояла «Ракета». Купил билет и, уже сидя на втором этаже катерка, с удовольствием подставил лицо речному ветерку.

Серёга то и дело смотрел на часы. Он уже давно привёз Машку с работы, а Ромки всё не было. Подготовительные в институте давно закончились, где он может быть? Паспорт Романа лежал дома, денег Любовь Ивановна дала ему с собой немного. В Новокузнецк, значит, точно не уехал. Серёга места себе не находил. Какие только мысли в голову не лезли! «А вдруг с ним что случилось? Вдруг эти уроды его вычислили? А если он на себя руки наложил?» Ожидание становилось невыносимым. Он метался из дома на улицу и обратно. «Последний автобус через час, если не приедет – хана. Что делать? Господи, да где он есть, этот засранец, неужели не

понимает, что здесь от беспокойства все с ума сходят?» С ума сходили действительно все. Любовь Ивановна тоже вся издёргалась, Машка материла Ромку:

– Вот козлёныш, где его носит? Паразит новокузнецкий, он что, не понимает, что так не делается? Мы же перед его родителями за него отвечаем. Ну, приедет, я ему устрою кузькину мать!

Серёга не выдержал, сел в машину и поехал к автобусной остановке. Деревня у них была большая, остановка от дома далеко. «Заодно, если встречу, поговорю с ним», – решил он.

Ромка не ожидал увидеть на остановке Серого. Коленки почему-то предательски задрожали. Понимая, что разговора не избежать, сел на переднее сиденье, рядом с хмурым Серёгой.

– Привет.

– Ром, ты что делаешь? Дома все с ума сходят. Ты что, мамку мою до инфаркта довести хочешь?

Роман растерянно смотрел на Сергея. А ведь он и правда совсем забыл, что находится не дома и что Любовь Ивановна потеряла его.

– Прости. Я не подумал.

– А о чём ты вообще думал? – Серёга начинал заводиться. Нервное напряжение вырвалось наружу и ухнуло на бедного парня. – Ладно, меня видеть не хочешь, я не дурак, понимаю, но мать-то с Машкой при чём? Они же переживают за тебя. Это хорошо ещё, твоя мамка не звонила. Что бы мы ей сказали? Ты думай, что делаешь! Может, тебя придурки эти вычислили, может, под машину попал – мы уже чего только не передумали!

– Прости. – Ромка весь сжался, виновато опустив голову.

Серёгу вдруг охватила такая волна нежности к пареньку, что он, испугавшись этого чувства, поперхнулся дымом сигареты, которую курил. Он резко сорвал «десятку» с места. Торможение было таким же резким. Серый вцепился в руль, как в спасательный круг. Уткнулся в него лбом и с трудом перевёл дыхание.

– Ромка, это ты прости меня, придурка. Мне в глаза тебе после субботы глядеть стыдно. Я места себе не нахожу.

Поднял голову, взглянул на растерянного Романа, на его чуть приоткрытые губы. Сгрёб в охапку, прильнул к столь соблазнительному рту, жадно, до головокружения, до хриплого стога, вырвавшегося из горла. Ромка не сопротивлялся, он всем телом подался навстречу. Отстранившись от него, Сергей мутными глазами всматривался в лицо парня, держа его голову обеими руками так близко, как только мог.

– Ромчик, не уходи от нас, ладно? Я, наверное, чокнулся, но меня к тебе тянет так, что сил никаких нет. Не уйдёшь?

– Я не знаю. Как тётъ Любе в глаза смотреть? И Маша...

– Тебе же неделька осталась до последнего экзамена. Потерпи. Даю слово, я к тебе лезть больше не буду. Я тебя очень прошу. Да и потом, что ты скажешь моим? Как объяснишь, что съезжаешь?

– Серёж, я и сам понимаю, что тётъ Люба не поймёт, если я сейчас уйду. Да и идти-то мне некуда. Мамка, опять же, с ума сходить будет, здесь она хоть вам звонит. Хорошо, я останусь. Только ты не презирай меня, пожалуйста. Я не голубой, честное слово. Я сам не знаю, почему не сопротивлялся тебе. Крышу как сорвало.

– Да ты что! Чокнулся? С какого перепуга я тебя презирать должен? Я же всё это начал. Я тоже не знаю, какой чёрт меня тогда в бане дёрнул. Но тогда под пьяную лавочку всё получилось, можно ещё понять... Но, понимаешь, какая тут фишка – меня к тебе и трезвого тянет. Я бы и сейчас тебя зацеловал всего, сил нет, как хочется. И кто из нас после этого голубой?

Дома Ромке вставили по первое число. Если Любовь Ивановна делала это в мягких выражениях, то Маша выражений не стеснялась, а на пытающегося остановить её словесный поток Сергея чихать хотела с большой и высокой колокольни. Тем более что она на него после

вчерашнего анального опыта злая была невероятно. Так что он огрѣб под эту лавочку тоже. Ему припомнили все ляпы их шестилетней совместной жизни, а также то, что его из армии ждали, а он, козѣл, ещё рот разевает.

Ромка ретировался в свою комнату, мать убѣгла к соседке. А бедный Серѣга, молча, дабы не распалить ещё больше супругу, выслушивал все её обвинения.

Всю неделю Ромка и Сергей старались не оставаться наедине. Экзамены Роман сдавал – как семечки щёлкал. Не зря всю зиму занимался не только в школе, но и на всевозможных курсах. Уговорил учительницу химии стать его репетитором – очень хотел быть врачом. Правда, каким именно, ещё не определился. Но это можно было отложить до третьего курса. Три года им должны были преподавать общий курс, и только потом они выберут направление врачебной практики. Он чуть ли не кинулся на шею Любови Ивановне – таким восторгом его переполняло, когда он узнал, что поступил на бюджет.

После гибели отца им, конечно, выплатили компенсацию, целых сто тысяч. Мать отложила их на институт Ромке, да и отчим бы помог. Но всё-таки то, что он поступил на бюджет и матери не придётся тратить на обучение деньги, переполняло его гордостью. От радости он готов был всех расцеловать.

Чужая Ромке семья тоже была счастлива за него. Они устроили настоящий праздник. Любовь Ивановна наготовила как на свадьбу. Позвала соседку и её сына, того самого парня, который приходил к ним в ту злосчастную субботу. Приехал старший брат Серѣги, Артѣм, со своей женой и двумя детьми. Родичи за Ромкой должны были приехать на выходные – на поезде ехать ему все дружно запретили. Был четверг, так что Ромка ещё на два дня оставался у Захаровых.

Застолье прошло весело, с шутками, анекдотами, смешными историями из жизни. Напиться никто не напился, рано утром собирались на сенокос, поэтому выпивали в меру. Роман пить не стал, да и Любовь Ивановна цыкнула на соседа, когда он его опять подначивать начал. Роману очень хотелось хоть чем-то отблагодарить этих ставших ему родными людей.

– Можно с вами на сенокос?

Артѣм глянул на него с недоверием:

– Да ты косить-то умеешь? Ногу себе не оттяпаешь?

– Не оттяпаю. Мамка козу держала, так что косить я не очень, конечно, хорошо, но умею.

– Ну, ладушки. Но вставать почти в четыре придётся. Покос в пять.

– Встану.

Серѣга старался не смотреть в Ромкину сторону. Чем ближе было расставание, тем тяжелее у него было на сердце. Он прекрасно понимал, что как только Роман уедет, то постарается всё происшедшее с ним здесь забыть. И от этого становилось горько и больно. На то, что парень в конце августа приедет и даст о себе знать, он даже не надеялся.

Как будто читая его мысли, мать спросила Романа, к какому числу его ждать в августе.

– Мне пятнадцатого на отработке уже быть надо.

– На какой ещё отработке? – удивилась Любовь Ивановна.

– Ну, все абитуриенты должны отработать две недели. Я так понимаю, что мы институт драить после летнего ремонта будем.

– А, понятно. Ну вот и хорошо. И поживёшь у нас, пока квартиру в городе найдѣм. Как раз, может, на отработке с кем познакомишься и договоритесь вместе в складчину снимать. И дешевле, и веселее. Всё не одному. А Сергей поможет квартиру найти. Студентам-парням люди неохотно жильѣ сдают. Так что квартиру не так просто найти будет.

Ромка невольно стрельнул на Серѣгу глазами, покраснел и отвѣл взгляд.

На сенокосе сосед и Артѣм подтрунивали над Ромкой. Он на их шутки не обижался. Косил он хреново. Натѣр мозоли и весь обгорел на солнце. А поначалу, пока не было солнца, его заела мошка и комары. Самое интересное, что деревенских мошка не ела. Он же не знал, куда от неё

даться. Мало того, что пот глаза заливал, так ещё и эта мошкара то и дело лезла и в глаза, и в рот, и в нос.

– Ты, наверное, вкусный очень. Ишь, они на тебя как мухи на мёд летят, – смеялся Серёгин сосед.

Вечером Ромку пришлось мазать сметаной. Мазала его Любовь Ивановна. А Серёга даже из комнаты убежал от греха подальше. С той ночи как он уговорил Машку на анальный секс, она его к себе не подпускала. И он, двадцатилетний мужик, уже на стенку готов был лезть, так ему трахаться хотелось. А голая Ромкина спина и скользящие по ней материны руки живо напомнили ему баню.

В субботу приехали Сергей и Анна. Встретили их как своих. Вообще, было такое ощущение, что семьи знали друг друга всю жизнь. Как ни сопротивлялись Ромкины отчим и мать, домой на ночь глядя их никто не отпустил. Натопили баньку, посидели по-свойски. Отчим, правда, не пил, а Анна немного выпила с Серёгиной матерью и женой. Обсудили планы на августовское прибытие Ромки и съём ему квартиры. Договорились, что квартиру всё-таки Сергей начнёт подыскивать заранее. Гости привезли и подарили Любове Ивановне шикарный столовый сервиз, и Анна сразу заявила, что если та его не примет, то Ромка к ним больше ни ногой. Машу одарили дорогими духами. Маша возражать против подарка не стала, чмокнула Ромкину мамку в щёчку и сразу надухарилась. Серёге же в подарок достался сборный мангал и шампуры. Он такой мангал давно хотел, поэтому от всего сердца поблагодарил за подарок.

Сергею очень хотелось хоть на пять минут остаться наедине с Романом. И, когда тот вышел ночью по нужде, не спавший Серёга выскочил за ним следом. Он зажал Ромку за стайкой и молчком впился в его губы. Ромка сначала пытался его оттолкнуть, но потом расслабился и ответил на поцелуй.

– Обещай, что будешь мне хоть иногда звонить, – шептал ему в губы Серёга. – Обещай, что приедешь в августе. Пожалуйста, обещай.

– Хорошо. Обещаю. Серёж, надо в дом идти, вдруг выйдет кто. Я, правда, позвоню, ты ведь мне столько помог. Я же не свинья неблагодарная. Давай потом поговорим, когда я в августе приеду и квартиру снимем. Я как раз обдумываю всё за это время. Да и у тебя время будет подумать и остыть немного.

Сергей ещё раз поцеловал его и отпустил. Ромка зашёл в дом, а он сел на траву возле стайки и схватился за голову: «Что я творю. Что за наваждение такое. Как жить-то теперь с этим?»

Утром Серёга с грустью смотрел вслед удаляющейся машине.

– Надо будет не забыть, как подальше отъедут, позвонить и сказать, чтобы в багажник заглянули, – пробормотала Любовь Ивановна.

Сергей согласно кивнул.

Мать втихаря туда всяких гостинцев насовала. Не пропали бы. Он ещё постоял на улице и с тяжёлым сердцем зашёл в дом.

Всю дорогу до Новокузнецка Ромка пытался разобраться в своих чувствах. Его бушевали разные эмоции. То, что секс с мужчиной не вызвал у него отторжения и даже, напротив, ему понравилось ощущать себя желанным и слабым, он прекрасно сознавал. Но решить для себя, нравится ли ему именно Сергей, он не мог. Он попробовал представить на месте Сергея Саню, даже глаза закрыл. Но через две минуты такого представления его разобрал смех, и он вслух захихикал. Мамка с недоумением обернулась:

– Чего хорошего вспомнил?

– Да так, просто.

Ромка отвернулся к окну. Достал из сумки мешочек с кедровыми орешками и начал их грызть, всем своим видом демонстрируя, что он не намеревается разговаривать. Дальше ехали молча.

Ромке не хотелось обижать «родаков», отчима в «родаки» он зачислил автоматом. Но ему нужно было разобраться в себе и решить, рассказывать Саньку обо всём или нет.

В принципе, он знал, что друг гомофобом не был, а когда проходил практику в одном из ресторанов, то там был один официант – голубой, и Санька со смехом рассказывал, как тот ему глазки строил. Тогда ещё кто-то из пацанов спросил Саньку, почему он этому гомику в рыло не дал, на что Саня ответил: «А на хрена? Ну, нравится ему дураком выглядеть, пусть. Мне он не мешает, внаглую не лезет. Меня работа в такой сфере ждёт, что я с ними ещё не раз столкнусь, и чего, всем рыло чистить, что ли?»

Ну, это к чужим гомикам Санька спокойно относился, а вот как он отреагирует, если узнает, что Ромка с мужчиной переспал? Чем ближе подъезжали к дому, тем всё беспокойней было у Романа на душе.

Лена кошечкой выгнулась под Саньком. Он специально провёл по её животу и груди своей щетиной.

– Блин, Саня, как наждачкой. Бриться не пробовал?

– Ммм, какая у тебя кожа нежная. Киса ты моя. – Саня начал покусывать Ленку за сосочки. Рука уже залезла под кружевные трусики. – Сладенькая, вкусенькая, – он вел языком по коже на Ленкином животе, опускаясь все ниже и ниже.

Руки ласкали бедра и ягодицы девушки, а губы и язык попеременно грудь и живот. Санькина щетина больно кололась, но его поцелуи, его горячий язык доставляли Елене невероятное удовольствие. Когда же его рука стянула с неё маленький кусочек кружев, называемый стрингами, и его палец начал ласкать её клитор, Ленка невольно раздвинула ноги, давая ему доступ к своему лону. Сашке нравилось ласкать её пальцами, там у неё было всё горячо и мокро. Он чувствовал, как половые губки и клитор припухают у него под рукой. Углубляясь в её жаркое лоно, он не переставал целовать и покусывать шею, грудь, всё тело, горячее, расслабленное, отвечающее на его ласки.

Елена уже постанывала и двигала бедрами навстречу Санькиным пальцам. Он убрал руку и, взяв её за ягодицы, резко ввел в неё свой уже изнашивающий, пульсирующий член. Ленка выгнулась, охнула, а потом закинула свои длинные ноги ему на плечи и задвигалась под ним, подмахивая бедрами, вцепившись острыми ногтями в его спину. Его рык и её протяжный стон слились в единый звук.

Немного погодя Саня нехотя потянулся через Ленку к тумбочке за сигаретами. Потные и расслабленные, они отдыхали после секса.

– Что вечером делать будем? Скоро мать с работы придёт, надо убрать всё да смывать. – Ленка вытянула из пачки сигарету и прикурила от Санькиной. Пепельница на его животе ходила ходуном, он ещё не отдышался после такого спортивного упражнения.

– Сегодня Ромик приезжает, так что я вечером занят.

– А я вам что, помешаю, что ли?

– Лен, я его месяц почти не видел. Теть Аня говорила, что его чуть не убили в этом Томске. Я могу с другом тет-а-тет посидеть? Не всё же для бабских ушек предназначено. У нас, у мальчиков, свои секреты. Вон к Алёнке лучше в гости сходи. Завтра вчетвером в клуб какой-нибудь сходим, отметим Ромахино поступление. Молодец всё-таки Ромка, молоток – на бюджет поступил.

Ленка надула для порядка губки.

– Целуй, тогда не буду дуться. – Она задрала свою красивую ножку.

Саня со смехом расцеловал её коленочку.

Глава 3

Вечером Санька запасся пивом с рыбкой и двинул к Ромке. Тот был разморённый после бани, ленивый, да к тому же уставший с дороги. Но, увидев друга, забыл и об усталости, и о

своих страхах. У него было ощущение, что пришёл старший брат, по которому он очень соскучился. Сашка тоже, по-видимому, скучал: улыбка у него была на всю его красивую морду. Ромка и раньше знал, что он красавчик, но после случая с Серёгой вдруг увидел Сашку в другом свете. От этого ощущения стало неловко. И если бы раньше он ни за что не отстранился от дружеских объятий Санька, то сейчас его это почему-то напрягло, и он ограничился похлопывающим жестом по плечу и крепким рукопожатием. Александр его смущения не заметил и значения не придал.

Они сидели на веранде и пили пиво. Переговорили уже обо всём. Ромка рассказал другу, как он сбежал от похитивших его парней. Рассказал подробно, до мелочей, описал страх и панику, которую он тогда испытал.

– Сань, я ведь перетрухнул, честно тебе говорю. Как самый конченный хлюпик.

– Любой бы на твоём месте испугался. А ты ещё и сбежать смог. Бывает так, что страх парализует человека, ноги становятся ватными, люди от страха даже кричать иногда не могут. Это все в ужасниках орут. А если действительно испугался, то тебе только кажется, что ты кричишь. На самом деле горло спазм перехватывает. Когда батя в нас стрелял, я обмочился. А кричать не мог. Мать тоже не кричала. Я этого страха никогда не забуду. Когда у тебя над головой штукатурка сыплется, дыры в стене и от выстрелов уши закладывает.

Саня налил пива и выпил залпом, как водку. А Ромка успел увидеть, как блеснули глаза у друга. Оба замолчали. Каждый думал о своём. Захотелось просто посидеть в тишине, неторопливо прихлёбывая пиво, и наслаждаться тем, что вот они рядом и уже столько лет вместе. Знают друг о друге всё, не скрывают ни страхи, ни радости, ни печали. И у Ромки сжалось сердце – до боли, до спазма. Он вдруг отчётливо понял, что скрыть от Сашки он ничего не сможет, не сможет жить с такой ношей. Это как будто бы он его обманул. А друг не заслужил обмана.

И Роман не знал, что ему делать. Что выбрать: правду, которая могла отнять у него Саню, или молчание и полуложь, отодвигающие на время эту потерю. Ибо рано или поздно, но всё может всплыть, тем более Ромка не был уверен, что откажется от продолжения такого сексуального опыта.

– Ну, блин, чего-то мы с тобой скисли совсем. Хватит о плохом, давай о хорошем. – Сашка улыбался, с хитрецей поглядывая на Ромку. – Ну-ка давай, колись: засадил какой-нибудь деревенской тёлочке?

Ромка чуть пивом не поперхнулся. В голове сразу возникла мысль: «Да уж, это скорее деревенский бычок засадил городскому козлику».

– Когда бы? Я же готовился там, как оглашенный. Да и по деревне я не ходил. Серёга утром меня отвозил в город, а потом я на автобусе назад приезжал. От остановки до их дома – и всё.

– А Серёга этот, что хоть из себя представляет? Молодец ведь. Сейчас особо-то никто и не остановится, хоть помирай на дороге. А чтоб ещё подобрать да в дом притащить. И ведь ещё родственников своих каких-то напряг, и те, молодцы, приехали, нашли тётю Аню с дядь Серёжей. Есть всё-таки у нас хорошие люди. Молодой он?

– Молодой. Примерно двадцать пять – двадцать шесть лет. – Ромка напрягся, у него начался мандраж. Если всё рассказывать, то надо сейчас. А у него язык не поворачивался. Он даже представить не мог, как начать разговор.

Санёк вдруг поднялся:

– Ладно, хватит диваны давить. Пошли ещё пивка возьмём да к Михе зарулим.

– Сань, да я устал с дороги. Может, завтра?

– Да, кстати, завтра в «Стикс» идём с Ленкой и Алёнкой. У меня входные есть.

– Ну вот, завтра и к Михе заглянем, может, и он с нами пойдёт. А сегодня неохота.

– Тогда я сейчас за пивком ещё сгоняю. – Санька подхватил пустую тару и был таков, Ромка даже рта открыть не успел.

Назад Саня вернулся с Михаилом. И Ромка с облегчением оставил разговор на потом.

А Сергей места себе не находил после отъезда Романа. Мысль, что он запал на пацана, была невыносимой. Чем больше он её отгонял, тем крепче она укоренялась у него в голове. Воспоминания об армейском опыте, когда он вместе с другими пользовал того опущенца, добавляли соли на рану. Он вдруг начал понимать, что ему и тогда нравилось трахать парня. Не потому, что баб не было, а просто нравилось – и всё. И что часто в постели с Машкой мечтал об анальном сексе. От одной мысли о нём он всегда заводился, но не решался предложить это жене. И опять же, если сравнить анал с Машкой и с Ромкой, ему больше нравилось с Ромкой. Ему нравились его узкие бедра, его упругая, по-мальчишечьи худая задница, плоский твёрдый живот – от одного этого воспоминания член вставал колом. А если он начинал вспоминать Машкины мягонькие булочки и животик, такой реакции не было. И как теперь с этим жить, он не знал. Чтобы выдать себя – и речи нет: деревня – всё на виду. Опозорить мать, брата, жену – он даже думать об этом боялся. Но и как раньше, теперь не будет. Теперь он знал о себе правду. Ещё и мысли о Ромке не давали ему покоя. Как он там? Не клянёт ли его на чем свет стоит? Приедет ли в августе? От этих думок ум за разум заходил.

От громкого Машкиного голоса он чуть не подпрыгнул.

– Ты, блин, уснул что ли? Я с кем разговариваю? Ты последнее время ходишь, как хером пришибленный.

– Не ори, о кредите задумался. Чем платить в этом месяце будем? Я же с отпуска, ни хрена не получу.

– У Артёма займём.

– У него у самого два кредита, откуда ещё деньги?

– Ну, я не знаю! Ты мужик в доме или я? Привык, чтобы Маша всё за тебя делала. Ладно, у Павла спрошу.

– У какого ещё Павла?

– У Павла Васильевича, начальника нашего.

– А с какого загуляли он тебе занимать будет?

– Он нормальный мужик, понимающий. Вон Верка из бухгалтерии всегда у него занимает.

– Ну-ну. Только потом смотри, как бы кое-чем с ним рассчитываться не пришлось.

– Если ты такой умный, найди сам у кого занять. А ты, когда кому-нибудь занимаешь, с тобой потом натурой рассчитываются? Это ты по себе судишь? Катьке в прошлом году ты тоже занимал тогда? То-то она с тобой сполна рассчиталась.

– Ну всё, началось. Не было у нас с ней ничего. Я просто с работы её подвозил. Сколько тебе уже говорить об этом?

– Бабушке своей расскажи. Я что, дура, по-твоему? Думаешь, я не видела, как она тебе глазки строила? А ты, блядь, чуть слюной не захлёбывался. Козёл вонючий. Ещё рот на меня разевает.

– Достала ты меня со своей Катькой. Долго ты меня ещё пилить с ней будешь?

– Не нравится – флаг в руки, барабан на шею. Без тебя как-нибудь проживу. На хрен я тебя вообще из армии ждала?

– Всё, завелась, хрен остановишь. – Серёга развернулся и пошёл к соседу.

Вслед ему летели смачные матюки, которые не каждый мужик знает.

Машка сегодня на работу вырядилась, как на праздник. Сергей с подозрением глянул на неё, когда она вышла наконец-то к машине, но ничего не сказал. Всю дорогу до города ехали молча, разговаривать вроде как и не о чем. Серёга попытался вспомнить, когда последний раз они с женой ходили в кино или просто гуляли по городу, как раньше. Катались по Томи на катере или с удовольствием лопали мороженое в какой-нибудь кафешке. И не смог – забыл уже, когда это было.

Их отношения пошли на убыль, когда Маша узнала, что у неё не будет детей. Она сама его оттолкнула, перестала к себе подпускать, замкнулась, как будто это касалось только её, а он здесь ни при чем. Стала раздражительной, нервной, цеплялась к каждой мелочи. А самое главное, выбрала тактику защиты от горя – нападение, сама этого не осознавая. Постоянно во

всём винила Сергея, старалась каждый раз напомнить ему, что верно ждала его из армии и он просто теперь обязан ей по гроб жизни. Таким образом она, по-видимому, хотела привязать его к себе, боясь, что он её бросит из-за бесплодия. Серёга пытался ей объяснить, что дети его мало волнуют, ему было по большому счету всё равно, будут они у него или нет. Вон Артём родил двоих, внуки у матери есть – и ладно. Любовь к Маше потихоньку уходила, оставалась привычка. Он даже огрызался с ней, больше уже по привычке, чем от души.

Ему вдруг захотелось полюбить её снова, выкинуть из головы все глупости – и влюбиться в собственную жену. Серёга покосился на дремавшую Машку. Рядом с ним сидела молодая симпатичная женщина с пышными, аппетитными формами, не полная – в самый раз. Сочная, мягонькая, сладкая. Он почувствовал прилив нежности и, не отрывая взгляда от дороги, погладил одной рукой жену по коленке. Она шлёпнула его по руке:

– Платье помнешь, не лезь.

Серёга, игнорируя её реплику и шлепок, продвинул руку дальше, глядя уже бедро.

– На дорогу смотри, придурок! Убери руку, пока не оторвала.

Всю нежность как водой смыло. Он молча вцепился в руль обеими руками. Уже возле конторы, когда она стала выходить из машины, он схватил её за руку:

– Маш, давай я сегодня встречать тебя приеду, в кино сходим или на катере покатаемся. А то у меня отпуск уже заканчивается, а мы с тобой так и не сходили никуда.

– Я сегодня не могу. Ты за мной не приезжай, я на последнем автобусе приеду. У нас у сотрудницы день рождения, отмечать будем.

– Ну так я тебя после дня рождения встречу.

– Сказала – сама доберусь!

Она выдернула руку и вышла из машины.

Павел Васильевич уже давно положил глаз на симпатичную и весёлую расчётчицу Машу. Он недавно развёлся с женой и теперь решил вплотную заняться охмурением деревенской дивчины. Он знал, что она замужем, видел её мужа, когда тот приезжал за ней на работу, и считал, что этот здоровый парняга ему не конкурент. Муж – не стенка, можно отодвинуть.

Павел был представительным мужчиной, с таким шиком. Всегда с голливудской улыбкой на лице, любил пошутить, знал уйму анекдотов и всевозможных историй, душа любой компании. У женщин по нему слюнки текли, и он пользовался этим без зазрения совести. Жена от него ушла, застукав его с очередной любовницей на их загородной даче, нагрянув туда не вовремя высаживать там какие-то саженцы. Бедная любовница выковыривала землю от саженцев из своей причёски и пыталась застегнуть порванную блузку на одну пуговицу. А Павел успокаивал разъярённую жёнушку, чтобы дать возможность убежать своей пассивности до автобусной остановки. Так сорокадвухлетний бизнесмен остался без жены и без любовницы.

И место теперь и на ту и на другую должность было вакантно. Машу он вчера пригласил в ресторан и сам не ожидал, что она согласится. Он не думал, что так быстро добьётся свидания.

И вот сегодня она пришла на работу красивая, как никогда. У него даже дух захватило. Он весь день провёл в предвкушении романтического вечера.

Народу в клубе было много. Уже под утро уставшие от танцев, но возбуждённые и пьяненькие ребята пошли провожать девчат домой. Саня с Ленкой шли чуть вперёд, а Ромка лениво переговаривался с Алёнкой. Ленкина подруга ему не нравилась, но обижать её не хотелось. Ромка вообще не умел отказывать женскому полу. Он сам никогда не бросал своих девушек, они уходили от него первыми. Романа это совсем не смущало, напротив, он был даже рад. Не приходилось выслушивать истерики и слёзы, как иногда Сашке.

Саня сегодня всё время выяснял отношения с Ленкой. Ругаться начали ещё в клубе. Они с ней учились в одной группе. Санька перебрал полгруппы, пока дошёл до неё. Встречались уже полгода – это был просто рекорд для Сашки. По-видимому, он на неё действительно запал.

Их голоса становились всё громче и громче, затем Ленка залепила Александру пощёчину, развернулась и быстро пошла к дороге, останавливая первую попавшуюся тачку. Алёнка

побежала за ней. Ни Сашка, ни Ромка даже не попытались остановить их, когда они садились в машину.

– Сань, чего вы сцепились?

– Да прикинь, ей какой-то фраер сообщений полный телефон насрал, и она с ним лихо так за моей спиной переписывается. Я к ней в телефон залез и увидел всё это дело. Она же решила мне лапшу на уши навесить: типа это друг её двоюродного брата, от которого она отвязаться не может. И то, что она ему «Спокойной ночи, зайчик. Целую» ради шутки написала. А когда я ей сказал, что тоже ради шутки с кем-нибудь переписываться начну, по морде мне съездила.

Ромка предложил Сане пойти к нему и попить ещё пива – видел, что Саньку всего трясёт. Он так и не решился рассказать своему другу про Сергея. Оправданием было то, что тот и так сейчас расстроенный и сильно переживает из-за ссоры с Ленкой. «Перед отъездом обязательно расскажу», – дал себе слово Роман.

Когда Саня ушёл домой, было уже десять утра. Дома никого не было. Ромка взял телефон и набрал Серёгин номер – он и сам не знал, почему его вдруг потянуло позвонить. Долго не мог дозвониться, и, когда уже хотел было плюнуть, в трубке раздался голос Сергея:

– Алло, я вас слушаю.

Ромка вдруг растерялся, голос от волнения пропал, и он просипел в трубку:

– Серёж, это Роман.

– Ромка! Как ты? Как доехали?

– Нормально. За гостинцы спасибо. Зачем наложили?

– Мамка уже твоя звонила, возмущалась. – Серега рассмеялся и крикнул куда-то в сторону:

– Мам, Ромка звонит! – и уже в трубку: – Мама тебе привет передаёт. И Анне с Сергеем.

– Им с Машей тоже передай. – Ромка понял, что Серёга не один в комнате и говорить открыто не может.

Они поговорили ещё минут пять ни о чём, и Роман, попрощавшись, отключился. На душе было муторно. Он лёг на диван и тут же вырубился – бессонная ночь дала о себе знать.

А в деревне под Томском Сергей чуть ли не летал от осознания, что Ромчик всё-таки позвонил. И у него появилась надежда, что парнишка приедет в августе и остановится хоть ненадолго у них.

Середина августа была жаркой. Ромка с Сашкой валялись на каменистом берегу Томи.

– Блин, вот в Томске – Томь так Томь. А у нас один хвостик от неё. – Ромка подобрал камушек и запустил его в воду.

– Откуда ты знаешь, мы же в городской черте только на Томь смотрим, может, она дальше – о-го-го.

– Так в Томске она прямо в городе сразу огромная, не то что у нас. Ни пляжа, ни хрена. Там «Ракета» ходит, а у нас что? Захолустье.

– Ну вот и езжай в свой Томск. – Санька с обидой глянул на Романа. – Завтра укаатишь из нашего захолустья.

– Сань, ты что, обиделся, что ли? Я же не про Новокузнецк, а только про реку говорю, что пляж как в захолустье. Но ведь это правда. Что – не могут нормальный пляж на реке сделать?

– Пошли купаться лучше. Я не собираюсь в последний день перед твоим отъездом с тобой спорить и обсуждать недостатки и достоинства городов.

– Иди ты, потом я пойду. Как вещи-то без присмотра оставлять? Голым домой топать хочешь?

– Ладно, я на тот берег и обратно.

На пляже яблоку упасть было негде. Казалось, весь город собрался на небольшом куске каменистой площадки. Ромка терпеть не мог эти камни. Пока до воды дойдёшь, все пальцы на

ногах отобьёшь. Да и в воде не лучше – там вообще встречались довольно большие камешки, а течение так и норовило снести в сторону. Он прикрыл глаза и стал обдумывать, как же всё-таки Саньке сказать про Серёгу. Завтра он уже едет в Томск, и неизвестно, когда они с другом теперь увидятся. Не раньше зимних каникул, наверное. Про Сашкину реакцию на своё признание думать было страшно. Вечером пацаны решили устроить ему проводы. Девчонки, естественно, тоже будут. Ромка не хотел, если честно, никаких гулянок. Ему просто необходимо было побыть с Саней, выплеснуть ему эту треклятую правду о Томске, и если вдруг тот не поймёт и порвёт их дружбу, хотелось пережить это одному, без посторонних глаз. Хотя он и не знал, как сможет это пережить.

Сергей отвёз Машу на работу. Их шеф опять устроил субботник. Маша возмущалась весь вечер пятницы, что уже вторую субботу приходится работать. Но отказать она не может, Павел Васильевич выписал ей материальную помощь на оплату кредита. Она, конечно, благодарна ему, он молодец, хороший руководитель, но она так устала от этих «субботников». Сергей все её причитания слушал вполуха. В воскресенье приезжал Роман. Серёга скупил все газеты с объявлениями и теперь пытался дозвониться хозяевам сдаваемых квартир. Из-за плохой связи это было проблематично, и он психовал. И вот теперь, когда Маша зашла в свою контору, он, чуть отъехав в сторону, сидел в машине и пытался обзвонить всех, кто дал объявление о сдаче квартиры. Уже поднеся трубку к уху, поднял голову и застыл, не отвечая на «Алло, алло».

Маша и дородный мужчина в обнимку вышли из здания конторы и направились к «ленд-крузеру», стоявшему на стоянке у офиса. Сергей сразу понял, что это и есть начальник его жены. Он выскочил из машины и кинулся к ним. Но не успел до них добежать – они, не видя ни его, ни его «десятки», отъехали от стоянки. Первым желанием было поехать за ними следом. Он даже с места сорвал машину и чуть не врезался в иномарку. Потом так же резко затормозил и положил голову на руль. Отдышался и заехал в какой-то двор. Его била мелкая дрожь. Трясущимися руками он прикурил сигарету, через каждую затяжку приговаривая «сучка, вот сучка». Ударил со злостью несколько раз ладонями по рулю. Скрестив на нём руки, уткнулся в них головой, стараясь успокоиться и выровнять дыхание. Догоревшая сигарета обожгла пальцы. Прикурил ещё одну, достал телефон и стал обзванивать квартиросдатчиков.

– Ну что же, хочешь гулять? Давай, гуляй. Флаг тебе в руки. Только потом хоть слово мне вякни, – цедил он сквозь зубы между звонками.

Ромка напился. Пил целенаправленно, не пропуская ни одной кружки с пивом. Саня даже уже его одёргивать начал и пацанам запретил ему наливать.

– Ты что творишь, тебе же ехать завтра с утра, ты же всю машину заблюёшь. Подыхать же будешь.

– Не буду. Мне надо. Мне с тобой поговорить надо, а трезвый я не могу.

– О чём таком тебе поговорить приспичило, что ты нажрался?

– Надо. Все уйдут, и я скажу, – икал пьяный Ромка.

Саня, видя такое дело, быстро стал всех выпроваживать. Пили они у Ромки в бане. Благо, отец ещё при жизни отстроил такую баню, которая больше смахивала на дачный дом. Кроме Ромки, никто не напился. В их компании это вообще было редкостью. Пиво попить они любили, но всегда знали меру. И то, что Ромка наклюкался, было непривычно.

Тем более он обычно пил меньше всех, так только – компанию поддержать. И никто не желал встретиться с возмущённой тётъ Аней, когда она увидит, в каком состоянии перед отъездом её сын. Так что упрашивать никого не пришлось. Пообнимав Романа на прощание и пожелав ему удачи в Томске, все смылись.

– Ну, давай, алкаш, говори. Что там у тебя за секрет такой?

– Ты, Сань, выпей и сядь.

– Да говори уже, не тяни резину.

– Сань, я голубой, – выпалил Ромка на одном дыхании. Хоть совсем не так всё хотел сказать. «Чёрт, надо же было так ляпнуть, без подготовки, объяснений». У него всё похолодело внутри, он даже протрезвел, кажется. Сашка сидел с каким-то застывшим взглядом. «Как кол проглотил», – мелькнула у Ромки дурацкая мысль.

– Саня, блин! Ну не совсем голубой, вернее, совсем не голубой. Блин! В общем, я с мужиком переспал. Нечаянно. – Ромка был готов провалиться под землю или ещё глубже.

Втянул голову в плечи и зажмурился. Он почувствовал, что Сашка встал и подошёл к нему, и зажмурился еще крепче. «Сейчас врежет».

– Сань, ну бей уже, что ли. Не молчи только.

– Ромка, Ромка. Как же ты жить-то с этим будешь? Тяжело же. Не поймёт ведь никто.

Вместо удара Роман почувствовал руки друга у себя на голове. Саня ерошил его волосы.

Ромка ошарашенно открыл глаза. Он ожидал любой реакции, но только не жалости. А Санёк жалел его.

– Саш, Саш, ты... ты не бросишь меня? Не откажешься? – Ком застрял в горле и мешал нормально говорить.

– Ромка, ты мне как брат. Я за тебя глотку любому порву. Если нарвёшься на какого-нибудь мудака и он тебя обидит, только скажи. Порву как Тузик грелку.

– Какого мудака? – шмыгнул носом Ромка, глядя на друга снизу вверх.

– Ну, если встречаться с кем начнёшь, а он тебя обижать вдруг станет.

– Саня, блин, ты такой дурак.

– Сам такой.

Ромка вскочил на ноги, и они обнялись. Крепко-крепко. Потом они выпили ещё пива, и Ромка рассказал Сашке про Серёгу, про свои чувства и сомнения. Про баню и последний их поцелуй во дворе. Его как прорвало, он ничего не утаил от Сани. И стало на душе так легко, так спокойно, как будто тяжёлый камень свалился с сердца. Он знал теперь цену этой поговорке.

– Значит, тебе понравилось?

Ромка хоть и покраснел, но отрицать не стал:

– Честно скажу – понравилось.

– Ну а с девчонками тебе нравится или у тебя совсем к ним тяги нет?

– Ну, нравится, конечно. Только я ещё не влюблялся ни в одну.

– Ну, влюбляться и я не влюблялся. Ром, так значит, ты не голубой. Ты – би.

– И что? Какая разница-то? Показывать это всё равно никому нельзя.

– Ну, это ясен пень. Ты и не показывай. Поосторожней там, в Томске. Здесь-то никто знать не будет. А там тоже шибко не пались. Мало ли на кого нарвёшься.

– Сань, а с Серым мне что делать, как думаешь?

– Я тебе советую с ним не связываться. Всё-таки они тебя в своём доме как родного встретили. Как ты его жене и матери в глаза смотреть станешь? Он что, тебе так сильно понравился?

– Если честно, не знаю. Но когда он на меня смотрит или обниматься лезет, у меня поджилки трястись начинают.

– Это у тебя сексуальное влечение. Недотрах.

– Я дома уже три недели, заниматься больше не надо, трахайся – не хочу. Алёнка чуть сама на меня не прыгает. А я не хочу. Прикинь? Не хочу. Как, по-твоему, это называется?

– А с ним хочешь?

Ромка прикрыл глаза. И вдруг Сергей нарисовался в его мыслях так чётко, так реально, что он даже вздрогнул.

– Хочу. С ним – хочу.

– Блин, Ромка, я не знаю тогда. А на других парней тебя тянет?

Ромка задумался.

– Не-а. Не тянет. Ну, пока, по крайней мере.

– А на меня?

– Саня, ты идиот!!! Ни хрена на тебя не тянет.

Сашка засмеялся и притянул к себе Романа. Обнял его за плечи и уткнулся ему в лоб.

– Не ссы, Ромашка. Всё будет хорошо. Пойдёшь проктологом работать, обязательно какую-нибудь геморройную задницу себе найдёшь.

– Саня, вот ты урод! Ты меня теперь подкалывать постоянно будешь? – Ромка, смеясь, отпихнул от себя ржущего друга.

– А то! Я думал, ты гинекологом станешь, а теперь на проктолога учиться придётся.

– Идиот! Я ни тем ни тем не буду.

Утром Ромка спал на заднем сиденье машины и улыбался во сне. Мать то и дело поглядывала на него и вздыхала.

– Как же я не хочу в такую даль его отпускать. Приспичило же в Томске учиться. В Кемерове тоже медицинский есть, так нет – его к черту на кулички потянуло.

– Не ворчи, мать. Гордись, что Ромка у нас умница такой. – Сергей приобнял жену одной рукой, не отрывая взгляда от дороги.

– Да я горжусь, – вздохнула она.

Глава 4

В субботу вечером Сергей как ни в чём не бывало встретил жену у конторы. Молча выслушал её сетования на усталость. В душе, конечно же, всё кипело, и на языке вертелись слова обвинения. Весь день старался внушить себе, что будет лучше, если он сделает вид, что ни в чём её не подозревает. Выработывал стратегию поведения. Решил для себя, что пока не приедет Роман и он не выяснит с ним отношения, не убедится, что парень испытывает хоть какие-нибудь чувства к нему, он никаких шагов предпринимать по отношению к измене Маши не будет.

Где-то в глубине души он понимал и оправдывал Машу, а заодно и себя. И всё-таки, наверное, больше себя... Прислушивался к своим эмоциям и убеждался, что ревности нет. Понимал, что в нём кипит злость и обида собственника, обманутого мужа, а не любовь и горечь потери. Его самого удивляло своё почти безразличие к тому, как рушится его семья.

«А была ли она, семья?» – осадок на душе всё больше заставлял задавать себе этот вопрос. Были ли они по-настоящему счастливы?

С Машкой до армии он дружил почти год. Любил ли он её? Наверное, любил. Других у него не было, чтоб сравнить. А она? Она, наверное, тоже. Из армии нелюбимых не ждут. После армии – радость, что она его дождалась. Гордость перед теми, кого не дождались. Молодой голод, первая их ночь. Она потеряла девственность, которую берегла для него, а дальше свадьба и будни. Вот и вся любовь. Нет, они, конечно, гуляли под луной, ходили в кино, не вылезали из постели и трахались, трахались, трахались.

Его мысли прервал телефонный звонок. Маша выловила телефон из его кармана.

– Алло. Да, Ань, привет. Нет, мы не дома, из города едем. Сейчас спрошу.

Она повернулась к Сергею:

– Ты квартиру нашёл? Завтра Ромку привезут.

– Договорился на счёт одной, но ещё не смотрел. Приедет, вместе посмотрим. Квартплата три тысячи в месяц. Самая дешёвая.

Маша затараторила в трубку:

– Ань, в общем, одна на примете есть. Три тысячи в месяц. Ну, приедете, обговорите всё. Ну, всё. Ждём.

Телефон запихала назад в его карман.

– Ты чего злой такой?

– С чего ты взяла? Нормальный. Устал просто.

– Устал? Что делал? – Она игриво ущипнула его за бок.

– Маш, я же машину веду. Не шали.

– Ну, так чем занимался весь день?

– Коровник почистил. Крышу подлатал малость. У свиней перегородку переделал. Так, всего помаленьку.

– Умница ты моя, хозяйственный. – Машка чмокнула его в щёку и игриво потерлась головой о его плечо.

И он вдруг сразу вспомнил, как ещё недавно сам вот так же подлизывался к ней после секса с Ромкой.

– Маш, не мешай. Врежусь куда-нибудь. –Голос охрип от комка в горле. На душе было так мерзопакостно. Противно было – от себя, от неё. От всей этой дурацкой ситуации.

В воскресенье к вечеру Сергей уже весь издёргался, выглядывая на дорогу. Гости приехали поздно. Анна с мужем отдохнули буквально два часа и двинули в обратную дорогу. Сергею – отчиму – нужно было в понедельник в ночную смену выходить. А перед сменой хоть немного поспать. Серёга затопил по второму кругу уже остывшую баню. Мать и Машка ещё днём помылись. А он не ходил, ждал Романа. Ромка старался не смотреть на Сергея. Вообще вёл себя так, как будто первый раз был в доме Захаровых.

Маша и Любовь Ивановна, проводив гостей и приправ со стола, пошли смотреть очередной сериал.

– Мать, ты Ромке постели, пока мы в бане будем. – Сергей старался выглядеть спокойным и деловитым. – Вы, если что, ложитесь, не ждите нас.

– Да у меня уже глаза слипаются. Я и так сейчас спать пойду. Устала. Шутка ли – один выходной, и тот хрен выспишься с этим хозяйством. – Маша сладко зевнула и потянулась.

– Вы сильно-то там тоже не запаривайтесь. Не забывай, что тебе завтра с утра Машу на работу везти да квартиру Роману искать, пока у тебя ещё отпуск. – Любовь Ивановна встала с дивана и пошла стелить Ромке постель.

Ромка раздевался в предбаннике, кожей чувствуя взгляд Сергея. Сашкины слова не выходили из головы: «Не связывайся». Умом он всё понимал, а вот телом... Тело ждало, хотело, чтобы эти сильные руки обняли, прижали к себе. Чтобы твёрдые жадные губы сминали его рот. Чтобы колючая щетина царапала кожу, а горячее дыхание обжигало ушную раковину. Ромку начала бить мелкая дрожь – от желания почувствовать эти ласки. И он почувствовал. Ощутил, как к спине прильнула горячая грудь, как упёрлась и обожгла мужская твердь ягодицы. А руки обхватили, стиснули, крепко прижали к чужому телу. По шее пробежали мурашки от лёгких скользящих поцелуев. Он непроизвольно откинул голову на плечо Сергея, закрыл глаза и отдался этим ласкам, желая ни о чем не думать, ни о чем не жалеть. Губы – горячие, властные, ненасытные – ласкают, выпивают душу, сводят с ума. Плавают, лишая силы. Руки – мозолистые, сильные – гладят, трогают, исследуют тело. Роман уплывал от этих ощущений, растворялся в нежности, отдаваемой ему мужчиной... И когда Сергей вдруг одним рывком подхватил его на руки, прижимая к себе, глядя не отрываясь в глаза, Ромка понял – он пропал.

Уже неделя, как начались занятия в институте. Отработка пролетела незаметно.

Группа, в которую попал Роман, состояла из тридцати человек. Получилось так, что девчонок и парней было поровну. Девушки все были как на подбор – умные и красивые. Неумных в мед не берут. Преподаватели сразу предупредили – отсеивать будут нещадно, так что расслабляться было некогда. Перезнакомились все ещё на отработке. Успели и пиво попить, и на катере по Томи покататься. Большинство ребят было местными. Из Новокузнецка в группе, кроме Романа, никого не было. Ромка был человеком стеснительным, но общительным. Там, у себя в городе, в компании своих ребят, да когда под боком верный друг Саня, было намного проще, здесь же он терялся среди чужих.

Квартиру они с Сергеем сняли на следующий же день после его приезда. За эти три недели они фактически не виделись. Сергей вышел на работу. Машу в город больше не возил, она на автобусе добиралась. Он работал у себя в деревне на лесопилке. Его ожидания, что жена будет «работать» в очередную субботу и он это время проведёт с Ромкой в съёмной квартире, не оправдались. Она, как назло, сидела все субботы дома: то ли у них с Павлом роман закончился, то ли совесть заела. Ромка один раз приезжал в выходной в баню, и то он его кое-как уговорил. Мылись отдельно – Маша вдруг решила сходить в баньку с мужем. И один раз они с Машей отвозили ему продукты, побыли недолго и поехали к брату.

Сергея дома всё раздражало, он себе места не находил. Вечером, когда мать и жена засыпали, уходил подальше в огород и звонил Ромке. Ромка рассказывал, как у него дела в институте, что учили, куда ходил. В общем, разговор ни о чём и в то же время – обо всём. Он бы всю ночь мог так говорить, но Ромка начинал зевать в трубку, да и Маша могла хватиться.

У Маши настроение было перепадами. Она то льнула к Серёге и ластилась как кошка, то вдруг начинала шипеть и когти выпускать, как та же кошка. Сергей о таком странном поведении жены не заморачивался, у него своя проблема была – как хоть часик выкроить да к Ромке одному, без Машки съездить. В общем, их семейная жизнь катилась по наклонной, абы как. Прожили день – да и ладно. А ночь просто пролежали рядышком. Ну, пошебуршали разок-другой, когда Маша ластилась.

На третьей субботе Маша заявила, что ей в парикмахерскую надо, красоту навести, а то как лахудра уже. Красота часа два займёт. Пока она в парикмахерской будет, Сергей пусть к Артёму съездит, там её подождёт. Серёга набрал картошки, мяса, овощей с огорода, да так, по мелочи, заявив, что Ромка, наверное, голодный сидит, надо бы продуктов парню подкинуть, и он к нему поедет, а Машу после парикмахерской заберёт. На том и порешили.

Получив сообщение, что Серёга приедет, Ромка неожиданно для себя ощутил, как соскучился по Захарову. Мандраж от ожидания охватывал его всё больше и больше. Совесть, что они обманывают Машу, этот мандраж перебивал начисто. Как только раздался звонок в дверь, он чуть косяк не снёс – так летел открывать. Бросив сумки тут же, в коридоре, Серёга вцепился в него как клещ. Ромка же просто отдал ему всего себя. Целовались долго и с упоением. Обнимались так, что дух вышибало. Ромкины ребра трещали от Серёгиных объятий.

– На шее засосы не ставь, – успел попросить Ромка.

И Серый на шее не ставил, целовал её нежно, аккуратно. А вот соски, грудь, ключицы – жёстко, как вампир, чуть ли не вгрызался. О смазке не знали и не думали. Слюна – вот и всё подручное средство. Ромка боль терпел стоически. Он всё готов был вытерпеть ради этих бросающих в жар ласк. Глаза зажмуривал, губу закусывал, вскрикивал и отдавался. А Сергей брал ненасытно, как голодный зверь свою добычу. Не щадил, не жалел, торопился насладиться этим желанным телом под ним.

Вспотевшие, мокрые, лежали они, прижавшись друг к другу. Ромка, уткнувшись в Серёгину грудь лицом, пощипывал губами его соски. Серёга снова начал возбуждаться, но из этой эйфории вырвал телефонный звонок. Через полчаса нужно было ехать за Машей. У порога опять долго целовались, состояние было как у пьяных. Сергей сел за руль, а руки и ноги трясутся. Наврал Машке, что в пробке застрял. А сам ещё долго отходил в машине.

– Ну как?

Жена вышла преображённая, а он окинул её безразличным взглядом, бросил равнодушное:

– Здорово, – и уставился сосредоточенно на дорогу, не замечая, как у Машки слёзы на глазах выступили.

В понедельник между парами к Роману подошёл незнакомый парень, по виду постарше его одноклассников.

– Слушай, извини, ты, говорят, из Кузни?

– Да. А что?

– Да я тоже. Земляки, значит. Славян, – он протянул Ромке руку. – Я на третьем учусь.

– Роман.

– Ты не в общежитии, как я понимаю, живёшь?

– Нет, я хату снимаю.

– Один снимаешь?

– Один.

– В квартиранты к себе не возьмёшь? Квартплата пополам.

Ромка растерялся. Одному жить действительно было скучно, да и деньги бы сэкономил. Но как тогда с Серым встречаться? Хозяйка была не против, чтобы он жил не один, только предупредила, что, если он с кем скорефанится, немного придётся доплатить. Но всё равно дешевле выходило, чем платить одному.

– Я не знаю, надо хозяйку спросить. – Он решил потянуть время и не отвечать Славяну сразу.

– Ну, это понятно. В общем, обмозгуй, с хозяевами обговори, я тебе телефон свой оставлю – звякнешь.

Когда Роман вечером позвонил Сергею, тот конечно, расстроился. Были бы деньги, он бы сам доплачивал за квартиру, лишь бы Ромка один жил. Но Машка прекрасно знала, сколько он получает. Да и кредит за машину не давал шиковать. Что Ромке скучно одному, он тоже знал.

И в среду Славка уже обживал территорию.

Павел вернулся из Никополя, где у него проживала мать. Ездил к ней в гости на целых три недели вместе с сыном, которому в этом году исполнился двадцать один. Он весной пришёл из армии и очень злился на отца из-за матери. Но когда Павел предложил поехать навестить бабушку – не отказался. Они хорошо провели время: помимо Никополя заехали в Одессу, накупались в море и возвращались загорелые и довольные. Пока были вместе, нашли общий язык, и сын наконец примирился с разводом родителей. И по тому, как женщины и девушки смотрели на его отца и заигрывали с ним, понял, что трудно бате было устоять против женского пола. Сам-то тоже красавец хоть куда и женским вниманием в поездке не был обделён. Но отец при нём романов крутить не стал, всё своё время посвятил сыну и матери. Так что Андрей тоже не стал заводить интрижек.

Когда вернулись в Томск, отец предложил работу у себя в фирме. Андрей в институт после школы не поступил, завалил экзамен и загремел в армию. Так что специальности не было. На следующий год собирался поступать на заочный. Работа в фирме отца менеджером по персоналу вполне устраивала. Отец обещал всему научить, да он и сам дураком не был, представление о работе имел.

В контору отца приехали рано. Отец игнорировал новомодные названия типа «офис». «Контора и есть контора», – говорил он.

Дверь в кабинет Павла была приоткрыта. «Значит, вернулся». У Маши сердце застучало громко-громко. Она глянула в висевшее в коридоре зеркало. Новая стрижка молодила и очень ей шла. Мелированные пряди придавали её лицу некую нежность. Волосы, не собранные, как обычно, в хвост, а спадающие неровным каскадом на плечи и обрамляющие лицо, сделали её

юной и необыкновенно привлекательной. Зелёные глаза, подведённые чёрным карандашом, придавали взгляду некую хищность. От деревенской дивчины не осталось и следа. С новым имиджем пришла и уверенность.

– Красавица. Женщина-вамп, – улыбнулась зеркалу Маша. И, не стучась, открыла дверь в кабинет своего начальника.

Андрей не мог отвести взгляд от девушки, вошедшей в кабинет. Его как будто пригвоздило. Она же смотрела только на его отца и улыбалась. Её взгляд, обращённый к Павлу, словно спрашивал: «Ну как?» А Павел сидел ошарашенный.

– Маша, какая ты... Модель, да и только, – с восхищением произнёс он.

Поднялся, подошёл и, не стесняясь сына, поцеловал ей ручку. Маша смутилась и покраснела, заметив наконец, что они не одни. Андрей тоже протянул ей руку, и, когда она вложила в его широкую ладонь свою узкую, но не совсем мягкую и нежную кисть, натруженную от повседневной дойки коровы и прополки огорода, а он поцеловал, она расплакаться от умиления была готова. Зарделась, покраснела, что ей очень шло.

– Машенька, познакомься, это мой сын Андрей. Он у нас работать будет. Познакомь, пожалуйста, его со всеми, как народ соберётся.

– Хорошо, Павел Васильевич. Как съездили?

– Я тебе потом расскажу. Тет-а-тет. – Павел улыбнулся и, ни сколько не тушуясь взгляда сына, приобнял Машу и чмокнул в щёчку.

– Я выйду, покурю. – Андрей бросил на отца неодобрительный взгляд и вышел, закрыв дверь в кабинет...

– Маш, какая ты красивая. Я так соскучился, ужас. Ты отпросись у меня перед всеми – скажи, что в три домой надо. А я чуть раньше немного уеду и буду ждать тебя на остановке. Поедем ко мне, ладно?

Маша, улыбаясь, кивнула и, послав Павлу воздушный поцелуй, вышла из кабинета.

Андрей, довольно быстро покулив, вернулся.

– Батя, ты из-за неё мать бросил?

– Ну, во-первых, это вообще-то мать меня бросила, а не я её. И во-вторых, нет, не из-за неё. Мы с Машей тогда ещё не встречались. Да и встречаемся-то без году неделя. Она замужем.

– А ты её мужа не боишься? Тебе что, незамужних мало?

– Ну, муж не стенка... Да и не всё у них гладко. От хорошего мужика баба гулять не пойдёт. А на счёт боюсь, так волков бояться – в лес не ходить.

– Как у тебя просто всё. Она же моложе тебя хрен знает насколько. Не смущает?

– А я, сын, эту разницу не чувствую. Она дивчина серьёзная, не вертихвостка, а я в душе всё ещё молодой, так что мы с ней на одной волне.

– Ну-ну. Дело твоё. Но что красивая – это факт. Я бы за такой тоже приударил.

– Э, ты мне смотри. Не вздумай у родного отца любовницу отбивать.

– Ничего, папаня, обещать не могу. – Андрюха со смехом похлопал отца по плечу.

Ромке со Славкой скучать не приходилось. У того рот на замок не закрывался. За каких-то три дня он узнал о Славке, его друзьях, подругах, родных и знакомых буквально всё. Сам же Ромка рассказывал Славяну в основном о Саньке, даже не замечая этого. О чём бы они ни начинали говорить, Ромка обязательно вставлял: «А вот Саня...»

– Что там за Саня такой? Тебя послушать, так авторитетней для тебя нет никого.

Ромка смутился и дал себе слово впредь держать язык за зубами. Чего это он, правда, Санька во все дыры суёт и нахваливает.

Саня звонил каждый день. О последнем их разговоре не упоминал, общался как ни в чём не бывало. С ним Ромка разговаривал при Славке. Но стоило позвонить Сергею, как он тут же выбегал в подъезд. Славка думал, что ему звонит девушка и он стесняется при нём

разговаривать, оттого и не заморачивался по этому поводу. Ромка ему нравился. Он хоть и был на два года младше, но это совершенно не чувствовалось. В ходе разговора у них нашлась пара общих знакомых – Новокузнецк не слишком большой город.

Спал Славка на надувном матрасе. Им, в принципе, хватало одной комнаты. Водить они никого к себе не водили. Славян хоть и был болтуном и общительным малым, но шумных и пьяных компаний не любил, поэтому и в общаге жить не хотел. Девушка у него была. Ольга – местная, со второго курса. Они гуляли с ней часов до одиннадцати, он её провожал и шёл домой. В их общую с Романом квартиру не приглашал – не хотел проблем с хозяйкой. Соседи увидят, доложат ещё. И Ромка ни за что пострадает. Иногда, по выходным, Ольгины родители уезжали на дачу, тогда он ночевал и дневал у неё. То, что он был на третьем курсе, для Романа была как манна небесная. Славка здорово ему помогал по некоторым предметам.

– Ром, я на этих выходных с Ольгой на дачу поеду, картошку помогать копать, так что не теряй. Приеду вечером в воскресенье.

– Чёрт, точно, сейчас же картофель все убирают. Я тоже, наверное, в деревню поеду – Захаровым помогу. А то они продукты мне прут – неудобно даже.

Про Сергея он рассказал, конечно, но рассказал только, как он и его семья ему помогли. Сергей действительно планировал на выходных собирать картофель. Копать вручную – не копали. Платили за картофелекопалку: как-никак, а сажали в деревне картофель не по десять соток – по сто, а то и больше. Скотину-то кормить зимой надо. Да и на семью брата тоже рассчитывали посадки. И Артём, конечно, всегда помогал.

Ромка приехал без предупреждения, и это было таким неожиданным сюрпризом, что Сергей не сдержался и схватил его в охапку, но вовремя спохватился и обернул всё в шуточные дружеские объятия.

Маша сегодня опять была на работе. Сказала, что вечером приедет и соберёт «свою часть» картошки. Сергей чуть было не сорвался и не высказал ей всё, но потом плюнул и решил, что ему пофиг – пусть гуляет. А в следующую субботу он начнёт на неё и смотается к Ромке. И пусть даже им негде будет заняться сексом, так хоть просто пообщаются. А тут Роман сам нарисовался, и Сергей был просто на седьмом небе. Любовь Ивановна тоже была приятно удивлена желанием Романа помочь с уборкой картошки. Дополнительные руки никогда не бывают лишними в деревне. Тем более у неё спина болела, и она сыновьям помощницей не была, а Маша на работе.

Вечером мылись в бане втроём. Артём остался ночевать, урожай убрать весь не успели за субботу, так что с утра в воскресенье опять на поле. Для Сергея и Ромки присутствие Артёма было пыткой. Так хотелось обняться, прижаться друг к другу. И поцелуй урвать, хоть один. Ромка с тоской смотрел на моющегося Серёгу и мечтал о его крепких руках и жёстких губах.

Спать Ромку положили в комнате на одном диване с Артёмом. Тот храпел во всю, мешая уснуть. Но как только Роман попытался встать и улизнуть с дивана, Артём проснулся и сонно спросил:

– Ты куда?

– В туалет.

– А-а. Ну, вместе пошли, я тоже что-то захотел. – И он поднялся и пошёл с Ромкой во двор.

А там, у уборной, на корточках сидел Серёга и ждал Ромку.

– А тебе чего, братец, не спится? Тоже пописать захотел? А сидишь-то у толчка зачем?

– Да не спится чего-то, на звёзды любуюсь, – разочарованно вздохнул Серый, глядя на Романа.

– Ну-ну. Спать давай иди. Завтра не встанешь.

Уже под утро Ромка почувствовал на губах чью-то руку. Распахнул глаза и увидел склонившегося над ним Сергея. Одной рукой он прикрывал рот Роману, а другую поднёс к своим губам, показывая: тише. Он махнул головой на дверь и вышел из комнаты. Ромка, стараясь не разбудить Артёма, аккуратно выскользнул из постели.

Спрятавшись в бане, целовались и обнимались. Замирали от каждого шороха. И этот страх быть пойманными обострял чувства до предела. Соскучились так, что пяти минут ласк друг друга руками хватило, чтобы испытать оргазм. По-быстрому обтёрлись, сполоснули руки, поцеловались ещё разок, и Ромка ушёл в свою комнату. А Сергей остался покурить и успокоиться, чтоб Машка не заметила, как его потряхивает.

Глава 5

Сергей всё больше скучал по Роману. Их последняя встреча только раздраконила. С Машей он перестал заниматься сексом совсем. И причина была не только в Романе, Сергей чувствовал, что жена снова начала встречаться с начальником.

Сам не понимал, как он всё это терпит и делает вид, что ничего не замечает. Каждая суббота – на работе. Макияж и новые причёски, даже маникюр стала делать. Просто светится вся, на работу собирается как на праздник. То, что Серёга поворачивается к ней спиной в постели, она как будто не замечала. Даже каждый раз вздыхала с облегчением, наверное, радуясь, что он её не касается.

Обстановка в доме становилась всё натянутой. Затишье перед бурей. Сергей всё это прекрасно понимал, знал, что рано или поздно сорвётся. И тогда всё кончится – или Маша уйдёт, или порвёт со своим любовником.

«Это повод для развода. Что же ты за него не зацепишься?» – сам себя иногда спрашивал он. Но было страшно сдвигать эту глыбу, не хотелось ворошить это «осиное гнездо». Он почему-то был уверен, что, если Машка не захочет с ним расходиться, она вывернется и он же останется крайним. Прямых доказательств её измены у него нет.

«Не детективов же нанимать, в самом деле», – усмехнулся он про себя. Можно было, конечно, проследить за ними и попробовать застукать с поличным, например, когда они будут из квартиры её начальничка выходить.

«В субботу, если она опять «работать» будет, так и сделаю», – принял решение Сергей.

В четверг с утра выдали аванс. И вдруг Серёгу осенило, как и где встретиться с Ромкой. Он подошёл к мастеру и отпросился. На картошку он положенный день не брал, так что решил воспользоваться отгулом сегодня.

Роман был на третьей паре, когда пришла эсэмэс от Сергея.

«До сколько учишься?»

«До пяти. А что?»

«Я на шесть заказал сауну. Жду тебя у института после занятий».

«!!!! Класс!!!!!! На сколько?»

«Пока на два часа. Если что, доплатим».

«Супер! Полотенца или простыни взял?»

«Всё куплю. Дома палиться не стал. Мать как Штирлиц».

«А что ты Маше скажешь? Она же домой приедет уже в это время?»

«Не парься, мои проблемы. Всё путем».

«Ок. Ну, тогда до пяти».

Маша приехала домой в седьмом часу. Любовь Ивановна с удивлением смотрела, как она заходит в калитку.

– Ты что, на автобусе приехала?

– Нет, на трамвае. Что вы глупые вопросы задаёте? На чём я могла ещё приехать?

– Так Сергей же тебя поехал встречать, может, разминулись?

– А он что, с работы раньше ушёл?

– Да Лёха сказал, что он с утра ещё у него отпросился. День за картошку взял. Им аванс дали, я думала, он в город кредит платить поехал да тебя встретить.

– Ну, если разминулись, то приедет сейчас. Хотя он автобус бы догнал. У Тёмки сидит, наверное. Позвоните, спросите.

Мать позвонила старшему сыну и, узнав, что Сергей от него уехал ещё в пятом часу, забеспокоилась. Телефон Сергея был отключен.

– Он бы успел тебя встретить. Он от Артёма в начале пятого уехал. Господи, может, в аварию попал?

Маша тоже почувствовала смутную тревогу. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Да ещё когда села ужинать, солонку нечаянно опрокинула.

«К ссоре», – кольнуло в груди.

Роман растёкся по кожаному дивану, застеленному простыней.

Тело пребывало в сладостной истоме после бешеного, заданного Серёгой ритма их секса. Ромка думал, что Сергей разорвёт его на кусочки, настолько тот был страстным и ненасытным. Они уже несколько раз сходили в парилку, накупались в ледяной воде бассейна, дурачась и целуясь, ополаскивались в душе, занимались сексом, болтали обо всём. Сергей рассказывал про армию, про деревенские будни, работу. Ромка вспоминал отца, школу, друзей.

Двух часов оказалось мало, и Серёга заплатил ещё за два часа, благо клиентов на маленький зал больше не было, и им дали эти часы без проблем.

Бабуля-банщица далека была от мысли, чем могут заниматься два парня, свято верила, что они просто парятся, хвалила их, что вот, мол, молодцы, не то что там распутники всякие, которые проституток в сауну вызывают. Пришли париться, а не со шлюхами трахаться да пиво пить. Наивная женщина.

– Серёж, мы с тобой извращенцы, гомики несчастные. – Ромка кончиками пальцев провёл по позвоночнику Сергея.

– Но никто же об этом, кроме нас, не знает, и надеюсь, и не узнает.

– Знает один человек. Я ему рассказал.

– Что?! Кто? – Серёга ошарашенно смотрел на Романа.

– Саня, друг мой из Кузни. У нас с ним друг от друга секретов нет.

Серёга встал и нырнул в бассейн, пытаясь от холодной воды прийти в себя.

Ромка с беспокойством следил, как он вылезает из бассейна.

– Ты злишься? Серёж, я не мог ему не сказать.

– Я у тебя не первый? У тебя с этим Саней что-нибудь было?

– Ты дебил, что ли? При чём здесь это? – Ромка вдруг разозлился. – Саня мне как брат, мы с четырёх лет вместе. Он меня даже с этой всей гомосятиной от себя не оттолкнул.

– Ром, просто я тебя ревную. Вот сосед этот твой – Славка, знаешь, как мне хреново, когда я думаю, что ты там с ним в одной квартире.

– Ну ты точно дебил. Ты меня что, совсем за конченного гомосека считаешь? Думаешь, если я тебе дал, то задницу всем подряд подставлять должен?

Ромка стал собирать свои вещи и одеваться. Сергей кинулся к нему, выхватил из его рук штаны и прижал его к себе.

– Ромчик, Ромашка мой, прости, ну прости. Просто я в тебя втрескался, по-моему. Не могу без тебя. Ты у меня из головы не выходишь. У меня жена гуляет, а мне плевать, я только о тебе и думаю. Мне её ревновать надо, а я вместо этого тебя, как придурок, к соседу твоему ревную.

Ромка, потрясённый, смотрел на Серёгу.

– Маша гуляет? В смысле, рога тебе ставит?

Сергей молча кивнул и уткнулся Ромке в плечо.

– Серёж, это из-за меня, наверное. Она чувствует, что ты ей изменяешь, вот и делает тебе назло. Нам не нужно больше встречаться. Я не хочу так. Не хочу, чтоб вы расходились. Маша, она хорошая, добрая. – Он высвободился из Серёгиных рук и стал одеваться.

А Сергей стоял в шоке. Какой же он придурок, вот зачем он про Машку ляпнул?

– Ром, это не из-за тебя, честное слово. Ты здесь ни при чём. Она не догадывается. Как она может догадываться? Мы даже повода не давали.

– Женщинам и догадываться не надо. Они такие вещи за версту чувствуют. Про нас с тобой она, конечно, не догадается, думает, наверное, что ты ей с какой-нибудь девушкой изменяешь.

– С какой девушкой? Я в деревне живу. Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте.

– А как она тогда изменять умудряется?

– Она по субботам работает. Она и начальник её. Видел я их.

– Значит, тем более тебе семью сохранить надо, а я мешаю. В общем, мирись с Машей. Я с тобой встречаться больше не буду.

– Блядь! Ты что, не слышал?! Люблю я тебя, придурка. Не нужна мне Маша, мне ты нужен. Я с ней сегодня же разойдусь!

И не успел Роман в ответ и слова сказать, как Серёга пулей оделся и выбежал из сауны.

Уже перед самым домом Сергей вспомнил, что телефон у него выключен, а вдруг Ромка звонил? Чертыхнувшись, включил и глянул на дисплей. Двадцать пять пропущенных вызовов, и все от матери и старшего брата. Ёпрст! Только сейчас понял, что мать от беспокойства с ума сходит. Время почти одиннадцать вечера, а от Артёма он уехал, ещё пяти не было. Сердце сжалось от мысли, что у матери, наверное, давление поднялось, а ему ещё с Машкой разборки предстоят.

Как только машина подъехала к дому, на крыльцо выскочили мать и Машка.

– Серёжа, ты где был? Я уже в милицию Артёма позвонить попросила. Он в ГАИ звонил, узнавал, были ли аварии с «десятками». Что случилось? – Мать была бледной как стенка, и от неё несло корвалолом.

– Мам, всё нормально. Я знакомого встретил, поговорили, посидели. Телефон разрядился – не мог позвонить. Прости меня, а?

Мать прижалась к его груди, и он, обняв, повёл её в дом.

Машка взглядом метала молнии, но, как ни странно, молчала, как будто чувствовала, что он скандала ждёт и что этот скандал ему нужен.

На столе тонометр, таблетки, капли – Серёга чувствовал себя последней скотиной.

– Артёму позвони, а то он сейчас там всех на уши поднимет, – Маша сунула ему свой телефон.

Созвонившись с братом и выслушав трёхэтажные маты, молча сел ужинать. Мать, выпив снотворное, ушла спать. А Машка, подперев стенку и сложив руки на груди, сверлила его глазами.

– Ну и где же ты был?

– Там же, где и ты по субботам бываешь.

– Я вообще-то работаю по субботам, ты, милый, тоже на работе был? – В голосе одни шипящие. Наглая, как танк, даже глазом на намёк не моргнула.

– Ну вот считай, и я на работе был. Блядки называется. Знаешь такую?

Машка отклеилась от стенки и, опершись руками о стол, нависла над ним.

– Ты что же, козёл, хочешь сказать, что ты сейчас от бабы какой-то приехал?

– А тебя что-то не устраивает? Я же молчу, когда ты по субботам, накувыркавшись с шефом, приезжаешь.

– Ты совсем охренел? Что, решил, что лучшая защита – нападение? – Машка уже чуть слюной не плевалась, шипела, как раскалённая сковорода, даже намёка на испуг на лице не было. Сергей поражался её наглости и выдержке.

– Я охренел? Это ты охренела! Я не успел отъехать от твоей работы, как вы в обнимку вышли и ебаться укатили. Что, не ожидала? Думала, трахаться будешь и всё шито-крыто останется?

– Ну-ну, давай, придумывай дальше! Что ещё придумаешь, чтоб самому отмазаться?

– А я не собираюсь отмазываться. И жить со шлюхой не собираюсь. Хуяр к своему начальнику и ему мозги ковырай. Только, сдаётся мне, ты ему на хрен не нужна – натянет ещё пару раз да бросит.

Тут Машку сорвало. Она налетела на него и стала молотить, куда ни попадя, кидалась и кричала:

– Мразь, погань, ненавижу тебя! Скотина бесчувственная! Чтоб ты сдох! Тварь поганая!

На крики выскочила из своей комнаты Любовь Ивановна. Думая, что они ругаются из-за того, что Сергей не был дома, стала успокаивать Машу:

– Маш, успокойся, ну задержался, с другом поговорил, живой же, здоровый. Бессовестный, конечно, но они все мужики такие, не думают своей башкой, что творят. Что здесь жена с матерью с ума сходят.

Машка отцепилась от мужа и, плача навзрыд, кинулась в спальню. Мать укоризненно смотрела на Сергея, качая головой. А он молча допивал чай, не поднимая глаз от стола.

Спать пошёл в «Ромкину» комнату. Лежал и слушал, как Машка за стенкой ревет в подушку. И стало вдруг жалко её, дуру. Он пробовал злиться на неё, но у него не получалось. Тогда стал злиться на себя – за то, что такой мягкотелый. Стал думать, как сказать матери, что они расходятся, как ей всё объяснить. Ведь не ругались до этого особо-то, так, мелкие перепалки. Машкино вечное недовольство, так к этому уже и мать, и он привыкли. Не говорить же, в самом деле, матери, как Машка по субботам работает. У матери и так давление зашкаливает, совсем ведь ляжет.

Захотелось услышать Ромкин голос, сказать, что высказал всё Маше и что они разойдутся. Встал и вышел на улицу, чтобы позвонить. Ромка не отвечал. Наверное, спит уже.

Маша сидела на кухне. Глаза красные и опухшие от слёз. Ждала, когда он зайдёт.

– Серёж, – тихо, почти шёпотом. Встала, прильнула к его груди. Уткнулась в плечо и опять разревелась. – Серёженька, прости. Я назло тебе. Ты ведь на меня не смотришь даже. Я чтоб ты ревновал хотела. Прости, пожалуйста. Ну, хочешь, я уволюсь с работы? В деревне устроюсь. Пожалуйста, не бросай меня. Прости. Прости. Ну пожалуйста, ну прости меня – У неё опять начиналась истерика.

– Хватит. Мать снова разбудишь. Хочешь, чтоб её на «скорой» увезли? Спать иди. Завтра поговорим.

– Пошли вместе? Ложись со мной. – Она вцепилась в Серёгину руку, потянула в спальню. И он пошёл. Лёг на самый край, отвернулся. А она лежала тихонько рядом, гладила его по спине и шмыгала носом.

Ромка из сауны вернулся злющим, как чёрт. Славка уже был дома, жарил, на ночь глядя, картошку. Он вечно так – весь день ходит голодный, а на ночь начинает жрать.

– Ром, завтра у Ольги день рождения, можно она к нам придёт, посидим втроём?

– А ты что у меня-то спрашиваешь? Я что, не даю тебе, что ли, с Ольгой встречаться, мне по фигу, пусть приходит.

– Ты чего злой такой? Где шлёлся, кстати?

– Тебе-то какая разница? Где шлёлся, там уже нет.

– Ром, тебя что за муха укусила? Ты что, со своей поругался?

– С какой своей? Нет у меня никакой своей!

– Да ты же в подъезд выскакиваешь как угорелый, когда она тебе звонит.

– А твоё какое дело вообще, кто мне звонит? Что ты до меня доколупался? У тебя есть Ольга, вот с ней и разбирайся, до неё доколупывайся. Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь.

Славка ошарашенно пялился на Романа. Даже про картошку забыл.

– Да пошёл ты! К тебе по-человечески, а ты себя как последний говнюк ведёшь! – Он со злостью переставил сковородку с недожаренной картошкой на другую конфорку и ушёл в комнату. Надул матрас и улёгся голодный спать.

А Ромка заперся в ванной. Хотелось исчезнуть, испариться, никого не видеть и никого не слышать. Было больно от того, что всё так быстро закончилось. Не хотелось терять Серёгу. Но Саня прав, нельзя гадить там, где к тебе со всей душой. С самого начала всё было неправильно. Он ненавидел себя за то, что так по-свински отплатил за доброту Маше, Любове Ивановне. Ненавидел себя и, кажется, начинал понимать, что любит Серёгу. Душа разрывалась на две части – одна его часть знала, что нужно всё это прекратить, а другая не хотела отпускать Сергея, не хотела жить без него.

Так больно ему не было со дня смерти отца.

Глава 6

Андрей, как и всегда с момента первой встречи с Машей, начал свой рабочий день с посещения кабинета расчётчицы. Каждое утро он приносил девушке шоколадку или коробку конфет. Она же делала вид, что не понимает его ненавязчивых ухаживаний, а воспринимает эти подарки как внимание сына её любовника. Павел только посмеивался, он вообще последнее время стал не так внимателен, как прежде. У Маши появилось подозрение, что её любовник завёл себе новую пассию. Поэтому она так бурно отреагировала на слова мужа, когда Сергей прямым текстом озвучил то, что она и без него понимала – Павлу она не нужна.

Когда Андрей увидел Машу, заплаканную, с опухшими, красными глазами, первой мыслью было, что это отец довёл её до такого состояния.

– Машенька, что случилось? Что он тебе сделал?

– Кто? Андрей, ты про кого говоришь?

– Ты из-за отца плакала?

Маша часто заморгала глазами, сдерживая слёзы, но у неё не получилось, и она разревелась навзрыд. Андрей тут же достал платок, прижал её к себе и начал вытирать слёзы.

– Я с мужем расхожусь. Он узнал всё про меня и твоего отца.

– А отец, он знает?

– Нет, я его ещё не видела.

– Маш, может, это и к лучшему? Зачем жить с человеком, любовь к которому прошла. Ты же молодая, красивая женщина, да за тобой парни в очереди стоять будут.

– Так прямо и в очереди? – Маша невольно рассмеялась.

– Я первый встану. И если честно, хотелось бы, чтоб был единственным.

– Андрей, ты что такое говоришь? Я же с отцом твоим встречаюсь.

– Маш, а ты его любишь? Как ты к моему отцу относишься?

– Я не хочу об этом говорить. Не спрашивай, ладно?

– А мужа? Почему ты с отцом встречаться стала?

– Давай прекратим этот разговор. Спасибо за сочувствие и всё такое, но я не хочу ничего обсуждать.

– Как скажешь. Чай пить будем? Я сегодня тебе пирожных принёс.

Маша шмыгнула ещё разок носом и пошла ставить чайник.

Павел делал вид, будто не замечает, что она заплаканная. Ничего не спросил, ничего не сказал, хоть Маша и была уверена – Андрей передал отцу их разговор. Было обидно и противно. Как она могла повестись на этого жлоба, знала ведь, что он блядва несусветная. И из-за этого говнюка теперь такие проблемы с Серёгой. Шок от вчерашнего разговора прошёл. В то, что Сергей завёл любовницу в отместку ей, она не верила. Проболтался, наверное, специально где-то допоздна, чтоб её позлить.

Мысли о разводе не выходили из головы. Она не знала, как сможет вернуться к матери с отцом. Что она им скажет? Вся деревня судачить будет, и в первую очередь будут говорить, что Сергей её бросил потому, что она бесплодная. Любит ли она его? Девичья влюблённость прошла, и будни затёрли все чувства. А постоянное самоедство из-за бесплодия поселило в душе чувство вины и даже какой-то ненависти к мужу. Если вдуматься, то жили они больше по привычке, чем по любви. Может, Андрей прав? Пока молодая, нужно идти вперёд. Только вот куда идти? В родительский дом возвращаться как брошенке ой как не хотелось. Если бы Павел не оставил её, забрал бы к себе, она бы утёрла всем нос, а так...

Ромка тоже проснулся с красными глазами. Разбудил его телефонный звонок в шесть утра. Была пятница, в институт сегодня ко второй паре. Он сначала не хотел брать трубку, думая, что это Сергей звонит.

– Да возьми ты трубку наконец или выключи к чёртовой матери. Ещё целый час поспать можно. – Славка недовольно заворочался на своём матрасе.

Звонил не Сергей, звонил Санёк. Ромка напугался, что дома что-то случилось. Но Саня, оказывается, отпросился в училище и решил приехать к Роману в гости. Какой-то знакомый как раз ехал к родственникам в Томск на выходные, и он напросился с ним. Так что Саня должен был вечером приехать. Ромка так был рад другу, что проблемы с Сергеем отошли на второй план.

Серёга решил не надоедать Ромке звонками, тем более что предполагал: тот трубку не возьмёт. Решил, что в субботу с утра поедет к нему прямо на квартиру. С Машей мириться он не собирался, разговаривать – тоже. Вот только его мать и тёща беспокоили, как бы не насели на него с примирением. Выглядеть рогиносцем на обозрение всей деревни не хотелось, и причину, по которой расходится с Машей, он говорить бы не стал. А если сказать, что любовницу завёл он, то, во-первых, не поверят: он ведь дома постоянно, вчерашний день не в счёт, а во-вторых, мать обязательно будет на Машкиной стороне и потребует, чтобы он бросил хернёй маяться. Из дома потом фиг уедёшь, костыми ляжет, а не даст Машку обижать. Как встречаться с Романом, вернее, где, придумать не мог, и это его мучило больше всего. Снимать квартиру денег не было, он и так весь вчерашний аванс в сауне оставил, хоть бы на кредит теперь хватило. Куда ни поверни – всюду тупик, голова от этого болела, мысли враскоряку, а выхода никакого.

Славке Санька понравился, они быстро нашли общий язык. Ольгин день рождения справляли вчетвером. Было весело: шутили, рассказывали анекдоты, даже потанцевали маленько. Саня, как только приехал, сварганил по-быстрому всякие вкусные закуски, можно сказать – из ничего. Ольга тоже с собой принесла салаты и бутерброды. Славик затарился разливным коньяком: какой-то знакомый проводник привёз ему из Армении двухлитровую канистру. Коньяк оказался, вопреки опасениям, замечательный, и они его весь приговорили.

Чем пьяней становился Ромка, тем хреновее было у него на душе. Сашка видел, что с другом что-то не то, но при Славяне спрашивать не стал. Решил поговорить утром. Они собирались побродить по городу. «Вот в кафешке какой-нибудь и поговорим», – глядя на грустного Ромку, думал Саня.

Спать пришлось вдвоём на диване. Славка с Ольгой утащили матрас на кухню и расположились там. Ромка предлагал поменяться местами, но Славка заявил, что диван скрипучий, а он не собирается их скрипами развлекать.

Утром Славка с Ольгой собирались ехать на базар, поэтому встали рано. Ромка с Санькой спали без задних ног, на все попытки Славяна их растолкать отвечали сонным мычанием.

– Вот паразиты, ни в какую вставать не хотят. Сейчас я над ними приколуюсь, – подмигнул он Ольге.

Он собрал пустые фантики от презервативов и разбросал их прямо у дивана на полу. А один целый презик развернул, налил в него немного воды и бросил рядом с диваном.

Похихикав, они с Ольгой смылись на базар, представляя, как Ромка с Сашкой проснутся и увидят возле себя следы преступления. Парни вчера были пьяные, вот теперь пусть вспоминают, что же было, а чего не было.

Саня проснулся от настырного звонка в дверь. Он лежал с краю дивана и, ещё ничего не соображая спросонья, пошёл открывать. На пороге стоял молодой мужик. Спросил Ромку. Санёк буркнул «проходи» и опять улёгся на диван, толкнув Романа.

– Там к тебе пришли.

Тот, сонный, начал перелезать через Санька. Серый же застыл на пороге в комнату от увиденной картины: Ромка и какой-то парень, по-видимому Славка, спали вместе. На полу валялись использованные презики. Крышу у него просто сорвало. Ромка ещё не успел подняться с постели, как получил кулаком удар в лицо. Спросонья Сашка не врубился, почему Роман, ударившись головой о стенку, сполз на диван. Кровь из разбитого носа заливала простыни. Пока Санька соображал, что происходит, ему прилетело кулаком в ухо. В голове зазвенело. Парень, которому он открыл, что-то орал, но из-за шума в ушах Сашка ничего не понял.

Пока приходил в себя, мудака, заехавший им по рожам, выскочил на улицу.

Саня трогая рукой распухающее ухо и собирая мысли в кучу, повернулся к другу.

– Ром, это кто? Что за фигня? Ты во что влип, за что он на тебя накинулся?

Ромку шатало, кровь из носа шла, не останавливаясь. Санька поволок его в ванную. Сунул головой под холодную воду, затем зажал ему нос полотенцем и уложил на диван. И только тут увидел валяющиеся фантики и презик.

– Что за хрень? Это здесь откуда?

Он хоть и был вчера пьяным, но всё прекрасно помнил. Дурацких мыслей, что у них с Ромкой якобы что-то было, даже не возникло. Зато кое-какие мысли по поводу избившего их парня начали появляться. Особенно когда он увидел брошенные у порога пакеты. Заглянув в них и увидев там картошку и овощи с молоком, повернулся к молча лежащему, уставившемуся в потолок Ромке.

– Это был он, Сергей?

Ромка кивнул.

– Ну и какого хрена он руки распускает?

Ромка пожал плечами, не отрывая взгляда от потолка и держа у носа мокрое полотенце. Саня плюхнулся на диван и наклонился над ним.

– Ну-ка, дай посмотрю. – Он убрал от Ромкиного лица полотенце. Нос сильно распух, глаза тоже начали заплывать, и под ними уже обозначались синяки.

– Блядь, он тебе нос сломал, и сотрясение, походу. Тошнит?

Ромка опять молча помотал головой – нет. А из глаз полились слёзы. Он не мог больше сдерживаться, разревелся.

– За что, что я ему сделал? Сань, я его люблю, а он... Что я ему такого сделал?

Слова у Сани застряли в горле, когда он услышал Ромкино «Я его люблю». Он смотрел, как Ромка давится слезами, и пытался подавить в себе закипающую ненависть к Серому.

Сергей завалился к брату, затаренный водкой. Пить он начал ещё в машине у подъезда Артёма, пил прямо из горла. Артём хотел было на него наорать, но потом увидел, что Серёгу трясет.

Уже на кухне, выпив три стопки водки не закусывая, одну за другой, и шарахнув по столу кулаком, Сергей уставился на Артёма:

– Тём, вот ты мне скажи, как старший брат, почему люди такие проститутки? Почему мне попадаются одни шлюхи?

– Не понял, это ты о чем? Какие шлюхи тебе попадаются?

– Да есть здесь одни... Первая шлюха – Машка, а вторая... тоже, в общем, шлюха.
– Так, ну-ка, братик, давай-ка поподробнее. А то я что-то тебя плохо понимаю.
– А что здесь понимать. Машка мне рога со своим начальником наставляет. Мы с ней, адью, разбегаемся. Не везёт мне, Тёмка, хотел любви, а завёл себе ещё одну шлюху.

Артём уже сам начал пить водку как воду, наливая рюмку за рюмкой. Молча смотрел на улыбающегося кривой ухмылочкой пьяного Серёгу, не находя слов, чтоб что-то сказать.

– Ром, ты понимаешь, в какой омут прыгаешь? Он ведь женат. У вас просто нет будущего. Если честно, я не думал, что всё настолько далеко зашло. Я думал, что у вас просто трах, что это пройдёт. Ну, блажь, что ли. А если его родные узнают, ты об этом подумал? Если его жена со злости позвонит твоей матери? Что тогда?

Саня метался из одного угла в другой. У Ромки от его мельтешения закружилась голова, затошнило, и он только успел перегнуться с дивана, как его начало рвать.

– Бляха-муха! Ром, чёрт, прости, тебе и так хреново, а тут ещё я... Сейчас, сейчас. Давай, вставай потихонечку, пошли в ванную. – Он подхватил Романа под мышки и почти на себе дотащил его до ванной. Когда Ромку перестало выворачивать, уложил его опять на диван, а сам всё за ним убрал.

– У тебя в мобиле Славкин номер есть?

– Да. Славян М записан.

Романа била мелкая дрожь, он кутался в одеяло, но всё равно мёрз. Голова болела невыносимо, и клонило в сон.

Саня набрал Славкин номер. Радостное «алло» и хихиканье в трубке прорвало плотину Санькиного терпения.

– Ты чего ржёшь, придурок! Шутник хренов! Дуй в аптеку и купи побольше бодяги.

– Саш, это ты?

– Нет, это твоя грёбаная совесть. Домой чеши и по дороге купи бодягу, анальгетики и что-нибудь из снотворного.

– Зачем?

– Ты же у нас медик будущий, на третьем курсе как-никак, должен, наверное, знать, от чего бодягу применяют.

– Ну, от синяков, я знаю. Ты, в смысле, мне синяков наставить хочешь? Сань, я же пошутил просто, чего так реагировать сразу?

Саньку после слов Славки, произнесённых таким виноватым и растерянным голосом, разобрал смех.

– Слава, зайти в аптеку и купи то, что я тебя попросил. Ты, наверное, должен знать, какие таблетки нужны при сотрясении мозга.

– Блядь, Сань, не пугай меня, что у вас там случилось? Дай трубку Ромке.

– Из-за твоей тупой шутки Ромка к телефону подойти не может. Он сейчас лежит с синей мордой, сломанным носом и больной головой. Ну как, ты доволен своей шуткой? Весело? Придётся – вместе посмеёмся. Купи лекарства. Всё. – И, не дав вставить Славяну хоть слово, он отключил телефон.

Славка перепугался не на шутку. Посадив Ольгу на автобус, купил всё, что ему сказал Сашка, и помчался домой. Славян не ожидал, что его шутка так разозлит Саню. Он и представить не мог, что тот ТАК может отреагировать и избить бедного Романа. Злясь на него, он настраивал себя, что надо вмазать ему по морде, за Ромку. Ну пошутил он, ну и что? Чего же, не разобравшись, руки-то распускать? Неужели Саня и вправду подумал, что Ромка его... того?

Дверь открывал трясущимися руками и не успел ещё вытащить ключ из замка, как Сашка сгрёб его за шкварник и поволок в комнату. Он попытался было вырваться, но не тут-то было, Саня вцепился в него мёртвой хваткой. Толкнув его к дивану, указал на скрутившегося калачиком Ромку.

– Ну что, доволен? Шутка удалась?

Славян с ужасом смотрел на распухшее Ромкино лицо. Глаз почти не было видно, нос распух, и на мокром полотенце пузырилась сукровица. Дышал Ромка ртом, и дыхание было сухим и хриплым.

– Ты, урод! Саня, какого хрена? Ты что, совсем с головой не дружишь? – Славка в бешенстве развернулся к Сашке, сжав кулаки.

– Это не он. Славян, ты придурок, и шутки у тебя дебилские. Саня здесь ни при чём, ему вон тоже по уху досталось. Глянь, ухо на чебурек теперь похоже. – Ромка попытался засмеяться и сморщился от боли.

– А кто? Саня, скажи уже наконец, что здесь у вас произошло?

– Сергей из деревни приезжал и воспринял твой прикол по полной программе.

– Вот гомофоб хренов! Быдло деревенское! Ты ему хоть морду расквасил?

– Не успел. Мы с постели-то встать не успели. Вернее, я ему открыл и опять лёг, а Ромка только вставать начал. Ладно, хрен с ним. Давай, бодягу иди разводи.

– Я мазь купил от синяков.

– Таблетки купил?

– Купил.

– Ну, воду тогда носи. Ром, ты морду сам намажешь или помочь?

– Да уж справлюсь как-нибудь.

Ромка встал и, взяв тубик с мазью, поплёлся в ванную, к зеркалу.

Пьяный Серёга вырубился и спал уже часа три. Артём так ничего путного у него и не узнал. Понял только, что Маша наставила брату рога. Что Серый будет с ней разводиться и что у него появилась какая-то баба, которая оказалась не лучше жены.

Жена и дети на выходные уехали к тёще, дома стояла непривычная тишина. Тёмка позвонил матери и сказал, что Сергей у него, чтобы она его не теряла и ночевать не ждала. Про Машку даже спрашивать ничего не стал.

Маша никогда не нравилась Артёму. Он всегда считал, что Манька загнала Серого под каблук. А то, что она ещё и родить не может, добавило негатива по отношению к ней. Он поставил себя на место Серёги. Смог бы он простить своей жене измену? Наверное, нет, но разводиться бы не стал. Жил бы из-за детей. Гулял бы, наверное, в отместку, но детей бы не бросил. А Серого ничего не держит, и то, что он собрался развестись, Артём считал правильным.

Серёга к вечеру проспался. Выглядел помятым и пришибленным. Молча замахнул рюмку, опохмеляясь. Так же молча стал обуваться, накинув ветровку.

– Ты это куда собрался? Матери я позвонил, сказал, что у меня переночуешь. За руль тебе всё равно нельзя.

– Я скоро. Я не домой, я приду ещё. Схожу в одно место и приду.

– К шлюхе номер два пошёл? – Артём, прислонившись к косяку двери, наблюдал, как брат терзает шнурки на кроссовках, которые не развязал, снимая обувь, и теперь мучился с затянувшимся узлом. Серый молчал, исподлобья бросая на брата взгляды и жалея, по видимому, что спьяну наболтал лишнего.

Ромка спал. Саня со Славкой играли в нарды. Саня проигрывал партию одну за другой. Его мысли были далеко от игры, он автоматически, почти не глядя на доску, кидал зарики и переставлял шашки. Он не мог представить, что ждёт его друга. На душе было погано и тревожно. Сегодняшние Ромкины откровения выбили его из колеи почище, чем удар в ухо. Он всё-таки надеялся, что Роман просто испробует нестандартный секс и на этом успокоится. Но любовь к мужику, да ещё и к женатому, пугала Сашку. Он боялся за него, боялся, что об этом рано или поздно узнают Ромкины родители, пацаны с их улицы. Если секс скрыть ещё можно, то любовь и дальнейшие их с Серым отношения утаить будет трудно. Недаром говорят, что всё

тайное всё равно рано или поздно становится явным. Да ещё Ромка сказал, что Серёга собрался разводиться с женой. Сашка сегодня доказывал Роману, что если Серый поднял на него руку один раз, то он будет поступать так постоянно. Он помнил это по отцу, когда тот, избив мать, потом клялся ей на коленях, что любит её и больше никогда в жизни не будет распускать руки. Но проходил месяц или два, и всё начиналось сначала. Его тревожные думки прервал звонок в дверь. От неожиданности он подскочил. Славян уже было пошёл открывать, но Саня каким-то чутьём понял, что это Сергей, и, сказав Славке, чтоб тот не выпускал Ромку в подъезд, если он вдруг проснётся, пошёл к двери сам.

Как он и думал, за дверью стоял Серёга. Саню обдало перегаром, а взгляд Серого прожигал нескрываемой злостью. Сашка молча схватил Серёгу за грудки и со всей силы припечатал о стенку площадки, еле успев увернуться от кулака. Голова Серого с глухим стуком ударялась об стену раз за разом. Серый, сжав руками Сашкины запястья, пытался отцепить его руки от себя. Но то ли он растерял весь боевой запал, то ли ещё не протрезвел до конца, но у него не получалось ни отцепиться от пацана, ни врезать ему как следует. А Саня, впечатывая очередной раз его голову в стену, шипел ему в лицо:

– Ещё раз, гандон штопанный, тронешь Ромку, я из тебя дух вышибу.

Серёге наконец удалось врезать Сане под дых. Согнувшись, Сашка потянул за собой Серёгу, и тот, не удержавшись на ногах, повалил Сашку на грязный пол площадки. Они мутузили друг друга с каким-то молчаливым остервенением. Славян, тоже выскочивший в подъезд, начал пинать Серого, пока они с Саней катались по площадке. Потом, вдруг опомнившись, стал их растаскивать.

– Саня, всё, на фиг, кончай. Нас же из квартиры с Ромкой попрут. Соседи хозяйке нажалуются.

И Санёк, и Серый, как по команде расцепились и поднялись на ноги. До Серёги наконец стало доходить, что перед ним не Славка, а тот новокузнецкий Ромкин друг.

– Что, соскучился по Ромочке, прикатил? Горячая ночка была? Оторвались?

– Заткнись, придурок. На кухню проходи, разговор есть. – Сашка распахнул перед ним дверь.

– Слав, сгоняй за пузырьём, а то здесь без бутылки не разберёшься.

Пока Сашка давал Славяну деньги, Серёга прошёл в комнату. Света в комнате не было, он видел, что Ромка спит, свернувшись калачиком, и хотел было уже подойти к дивану и разбудить его, но Саня, схватив его за локоть, потащил в кухню.

Глава 7

Серёга почувствовал себя опустошённым, разбитым и безразличным ко всему. Саня сидел напротив за столом и метал глазами в него молнии. А он смотрел на него и осознавал, что выглядит перед этим сопляком полным придурком.

– Зачем пришёл? На Ромкины фингалы полюбоваться? Серёга, ты же здоровей его чуть ли не в два раза, так какого хрена ты своими кувалдами машешь? Приревновал? Так меня бы и херачил.

Сергею стало невыносимо от того, что этот молодой козёл знает о них с Ромкой, горько от того, что его чувства вот так взяли и растоптали. И продолжают топтать, лезут в душу. Захотелось уйти. Он сам не знал, какого чёрта он опять припёрся сюда, мазохист хренов.

Он молча встал и собрался уже уходить, но Саня загородил ему проход из кухни.

– Куда собрался? Делов наделал и в кусты? Ты что же думаешь, что можно вот так запросто сломать Ромке нос, стрясти ему башку, наплевать ему в душу и смыться?

Серёга, ошарашенный, опустил на стул. Если честно, он плохо помнил, как и с какой силой ударил Ромку. У него просто планка упала, когда он увидел его в постели с парнем, и ещё эти презики на полу.

– Сильно я его?

– Сильно. – Саня закурил сигарету и протянул Сергею пачку.
– Я Славку специально за бутылкой послал. Он не в курсе ваших амуров. Ромке ещё с ним комнату делить и учиться.

– А насчёт ваших амуров он, значит, в курсе? – Сергей со злостью глянул на Саню.

– А наших – в курсе. Потому что сам их устроил.

– Сводник, значит? – Серёга усмехнулся.

– Угу, сводник. Ты придурок, Серый. Знаешь, почему я с тобой разговариваю, вместо того чтобы выставить тебя к чёртовой матери?

– Ну так просветите деревенского придурка, будьте так любезны. – Ромкин дружок бесил Серёгу, так хотелось заехать ещё разок по его наглой роже.

– Потому что ты его на дороге не бросил. Я тебе от всей души благодарен за то, что ты ему тогда помог.

– Ну, он со мной вроде как рассчитался.

– Серый, закрой пасть, а то у меня вся благодарность испарится.

Сергей, конечно, знал, что сморозил сейчас гадость, самому от себя было противно. Уподобился ревнивой, истеричной бабе. На Машку стал похож. Он невесело усмехнулся, облокотился на стол, спрятал лицо в ладонях, с силой потёр его, как будто хотел содрать с себя кожу.

– Ладно, не прав я. Сам во всём виноват. Кто я такой, в конце концов? Сам с женой живу, а хотел, чтобы он ни с кем... Глупо. Просто я развожусь. Летел к нему как на крыльях. Дурак.

– Да не было ничего! Спали мы просто вместе. Славка с девчонкой своей на кухне спал, а мы с Ромкой. И презики эти Славян нам утром подкинул, приколоться решил.

Сергею стало дурно от этих слов. Трудно стало дышать, в голове помутилось. Он сидел бледный, вцепившись руками в стол, как будто боялся упасть. В голове была каша. Мысли ворочались медленно, с трудом доходя до сознания. «Ромка не изменял. Прикололся... вот идиот, что за приколы? Как можно так приколоться? Господи, а я-то что натворил! Как теперь все исправить? Вдруг не простит?»

Он не успел ничего сказать вслух, так и сидел, сверля взглядом Сашку, как будто хотел найти в нём какой-то подвох или, наоборот, ответ.

– Да что ты вылупился-то? Не веришь? Вон Славка пришёл, спроси у него.

Славка уже заходил на кухню, а Серёга даже не слышал, как он пришёл.

Славян поставил бутылку на стол и достал рюмки, демонстративно игнорируя Серого.

– Мне, если честно, с гомофобом даже разговаривать неохота, не то что водку пить. Ну пошутил я неудачно, согласен. Ну а если бы даже Сашка с Ромкой и трахались, тебе-то какое дело? Что, в деревне своей совсем озверели? Так это тебе не деревня, совдеповские времена прошли. Саня, ты, надеюсь, не гомофоб?

– Не гомофоб, не гомофоб. Серый тоже исправился, – Санька хохотнул, – наливай уже. А то мне завтра вставать рано, выпьем мировую, да на боковую.

Выпили по рюмке. Закурили. Славка разлил ещё.

– Сань, ты меня прости за шутку эту дурацкую, я же не знал, что так получится. Что Серёга приедет и так среагирует. Не злись на меня, лады?

– Да не злюсь я. На дураков не обижаются. Вот только как Ромка теперь в институт пойдёт. Ему бы в больницу надо.

Сергей опустил голову, было тошно, стыдно, страшно. Он боялся, что Ромка не простит его и он уже точно его потеряет.

– Давно он спит? Я поговорить с ним хочу. Можно? – Он смотрел на Саню с такой мольбой в глазах, что тот не выдержал.

– Не знаю. Он снотворное выпил, вдруг голова потом болеть будет, если сон перебьёшь? Вон, доктор у нас сидит, у него спрашивай, – он кивнул в сторону Славки.

– А ты торопишься, что ли? Успеешь, поговоришь. Или тебе в деревню ехать надо?

– Да нет, я раньше завтрашнего вечера за руль не сяду, а то, может, и сразу на работу от брата поеду.

– Ну так и ночуй у нас. Места хватит. У меня матрас надувной двуспальный, со мной упадёшь. Не бойся, приставать не буду, я не голубой. Но отношусь к ним нормально, учти... Я врач будущий, у меня клятва Гиппократ, так что я ко всем человекам хорошо отношусь, несмотря на расцветку.

Сашка с Серёгой переглянулись.

– А если бы у тебя друг голубым был, ну или знакомый какой, тоже бы нормально отнёсся? Стал бы с ним по ручке здороваться? – Сашка с интересом ждал Славкиного ответа.

Тот закурил, прищурился, выпустил дым Саньке в лицо:

– А у меня есть такой друг, вернее, двое друзей. Ты что-то против имеешь?

Серый даже дышать перестал, пока ждал Славкиного ответа, и выдохнул с таким облегчением, что Саня невольно засмеялся, а Славян удивлённо посмотрел.

– Да нет, Слав, я как раз против ничего не имею. У меня тоже есть такой друг. Даже больше чем друг, брат. И я любому глотку за него перегрызу, если его хоть кто-нибудь тронет или скажет о нем хреново, – при этих словах он зыркнул на Серого. – Но не все такие, как мы. Отморозков всяких полно, которые гомиков терпеть не могут.

– Да уж, я сегодня на наглядном примере это увидел, – Славка тоже покосился на Серёгу.

Серёга покраснел как рак, не зная, куда глаза деть.

– Да Серый у нас тоже не гомофоб. У него по другой причине крышак поехал. Ладно, проехали. Наливай, – Саня подставил Славяну рюмку.

– Я пить больше не буду, я сегодня и так весь день пил. Мне хватит. – Сергей убрал свою стопку в сторону. – Я до киоска прогуляюсь, фруктов Ромику куплю пойду. Покушать надо чего-нибудь?

– Возьми пачку пельменей, а то мы со всей этой галиматьёй жрать ничего не варили. Одни вон бутерброды вчерашние да помидор, что ты привёз. Ромка с утра не ел ничего, только молока чуток попил. А его полоскало сегодня не слабо, желудок пустой.

– Ему пельмени лучше не надо, тяжёлые, опять вырвать может. Молоко есть, купи манку, кашу сварим. Правда, я её варить не умею, мамка у меня классно варит, без комочков. – Славка даже облизнулся, вспоминая мамкину кашу.

Санька фыркнул, глядя на него:

– С вами вообще-то повар сидит. Первый раз вижу человека, облизывающегося на манную кашу.

Выйдя из подъезда, Серёга позвонил брату:

– Тём, не жди меня. Я завтра приду.

И, не дав Артёму опомниться, отключился. Он медленно брёл по улице, думая, как вымолить прощение у Романа. Он готов вымалывать его на коленях, и по фигу, что это будет при Славке и Сашке. То, что Славка оказался «защитником и другом всех геев», давало надежду на то, что они с Ромкой могут видаться без утайки. Лишь бы простил...

Когда он вернулся, парни бутылку уже допили. Санёк взялся варить кашу. Славка решил поучиться у него и смотрел, как тот тонкой струйкой всыпает манку в кастрюлю, размешивая молоко так быстро, что образовывалась воронка. А Сергей зашёл в комнату, присел на краешек дивана и вгляделся в потёмках в спящего Ромку. Сердце сжалось при виде опухшего, с синяками под глазами лица.

Он взял Ромкину руку, прижал её к губам, шёпотом прося у него прощения. Роман открыл глаза и приподнялся на локте.

– Зачем пришёл? Что тебе от меня ещё надо?

– Прости меня, Ром. Не гони, всё равно не уйду, пока не простишь.

– А если прощу, уйдёшь? Ну так прощаю, иди. – Ромка выдернул руку.

Серёга сгрёб его в охапку, прижал, стараясь не задевать лицо.

– Я чуть с ума не сошёл, когда тебя с Саней увидел. Я знаю, это не оправдание. Ром, ну хочешь, набей мне морду. Бей сколько хочешь, я всё от тебя стерплю, только не прогоняй. Можешь даже дрыном меня по башке моей тупой приложить.

– Отпусти, идиот. Там же Славка. – Ромка попытался оттолкнуть Серёгу от себя, но тот только сжал руки крепче.

– Не отпущу, мне уже пофиг всё.

Славка, услышав, что Ромка проснулся, зашёл в комнату сказать, что они кашу ему сварили, да так и застыл на пороге, глядя, как Серый сжимает Романа в объятиях и пытается его поцеловать, а Ромка шипит на него, но не отталкивает. Так и не сказав ничего про кашу, зашёл обратно на кухню.

Саня дал ему сигарету и прикурить.

– Так ты про Романа говорил сегодня – про друга, который тебе как брат?

Саня молчал.

– Значит, Серый не гомофоб, а Отелло. Ну, хорошо, что хоть не придушил. Жаль, водка кончилась, я бы выпил.

– Что будешь делать? Съедешь с квартиры?

– С какого это перепугу? Они что, пожениться, что ли решили, а я третий лишний?

Сашка засмеялся и отвесил Славке подзатыльник.

– Не трепись только никому.

– Я что, по-твоему, дебил совсем? Ладно, давай кашу есть, а то остынет, пока этих Отелло с Дездемоной дождёшься.

– Давай, тащи уже свой надувной плот. – Обратившись к Славке, Саня взял тарелку с горячей кашей, стакан молока и понёс всё это в комнату.

Ромка сидел на постели, уткнувшись в Серёгино плечо, а Серый одной рукой прижимал его к себе, а другой перебирал волосы Ромки. Идиллия, да и только. Про себя Саня подумал, что зря Ромка так быстро простил Сергея, но вслух не стал ничего говорить. Поставил кашу и молоко на стоящую рядом с диваном табуретку.

– Ромах, ты бы поел немного. Серый, ты тоже иди поешь, а то мы сейчас плот надуем, на кухню потом не пройдёшь.

Ромка вздрогнул и отстранился от Сергея. Виноватыми глазами глянул на Сашку, говоря ему взглядом: «Знаю, дурак. Но сделать ничего не могу. Прости». Сашка вздохнул, махнул рукой и ободряюще улыбнулся другу.

Этот их молчаливый разговор, где они понимали друг друга только по взглядам, вызвал в Серёге уснувшее было чувство ревности. Словно укол в сердце – понимание, как эти двое близки друг другу.

Сергей с родным братом никогда не был в таких близких отношениях. Осознание, что Роман доверял Сане все свои тайны и тот принимал их как данность, не осуждая, поддерживая во всём, задевали что-то в глубине души Серёги. Ведь он никогда бы не смог открыться так Артёму, а если бы даже открылся, то брат не понял бы его, не принял и, скорее всего, даже вычеркнул бы из списка родни.

И только сейчас Сергей ощутил страх, страх за их общее будущее, за отношение родных и близких к его выбору. Только сейчас, глядя на Саню и чувствующего поддержку друга Романа, он понял, что у него нет и не будет поддержки.

– Кушай, я пойду тоже поем. – Он встал и пошёл на кухню, понимая, что Ромке нужно побыть с другом.

Утром Сашка уезжал, и лишая Ромку возможности поговорить с ним наедине он не хотел. Что Саня ляжет на кухне со Славкой, он уже понял и был благодарен за это им обоим.

– Ром, ты ему только сильно-то не уступай. И руки распускать не давай. Если это случится ещё раз, дай мне слово, что ты с ним порвёшь.

Ромка сжал Сашкину руку, благодарно взглянул ему в глаза.

– Спасибо, Саш. Я обещаю. Не осуждай меня, ладно?

– Славян всё про вас знает, можешь не шифроваться. Он парень что надо, с понятием.

– Господи, вот, блин, попал. – Ромка закрыл пылающее лицо руками.

– Да не ссы, он никому не скажет. У него, оказывается, есть друзья геи. Интересно, здесь или в Кузне?

– Я не гей. – Ромкино лицо горело, как будто его кипятком ошпарили.

Он схватил тарелку и, не глядя на Сашку, стал есть остывшую уже кашу. Саня только хихикал, разглядывая синюшно-красную, опухшую и насуспенную физиономию друга.

В кухне Славян воевал с матрасом, а Сергей, не глядя на него, курил сигареты, одну за другой.

– Слушай, хватит смолить, дышать уже нечем. Нам с Саней спать вообще-то ещё здесь.

Славка выдернул у него из пальцев сигарету.

– Серый, я, конечно, понимаю, у вас примирение и всё такое, но попрошу при нас с Саней трах здесь не устраивать.

Серёга готов был просочиться сквозь стену, к которой он прислонился. Не зная, как реагировать на Славкины слова, он опять схватился за сигарету.

– Завтра Саня утром уедет, я тоже слиняю к Ольге. Если не торопишься домой, то до вечера квартира в вашем распоряжении.

Славка видел, что Серёга и так не знает, куда ему деться от смущения, но специально прожигал его взглядом, вгоняя в краску и откровенно говоря, что он уже всё знает про них.

Прижатое к нему горячее тело Ромки заполняло сердце Сергея нежностью... Руки гладили и ласкали каждый изгиб, каждую выпирающую косточку Романа. Губы целовали кожу шеи. Напряжённая плоть тёрлась о такую же напряжённую плоть. Ромка, вцепившись руками в его футболку и уткнувшись в плечо, дышал тяжело, с надрывом и непроизвольно подавался навстречу этому трению. Они прижимались телами, стараясь не шуметь и не скрипеть диваном.

Сергей запустил руку в трико Романа и обхватил его каменный, горячий от напряжения орган. Ромка охнул и зубами вцепился в его майку, толкаясь своим естеством в Серёгину руку. Сергей, в свою очередь, уткнулся губами в Ромкину шею, вжимаясь своим членом туда, где двигалась его рука. Жар окатил, сотрясая их тела в одновременно пришедшем оргазме. Горячее, липкое семя, вылившись последней каплей, принесло расслабленность и опустошение. Ромка дотянулся до мокрого полотенца, лежащего на стуле, вытер Серёгину руку, себя и его. Это было последнее, на что у него хватило сил. Рука ещё не отпустила полотенце, а глаза уже закрылись под тяжестью сна.

Утром, стараясь не смотреть на обнявшуюся на диване парочку, Саня собрался и, ожидая знакомого, сидел на кухне вместе со Славкой. Они пили чай. Славка успел уже сбежать в киоск, закупить всяких булок и конфет.

– Ты Ромку-то будить собираешься? – Славка глянул на невесёлого Саню.

– Да надо бы. Они там спят в обнимку, мне как-то не по себе. Слав, ты постарше Ромахи, глянь здесь за ним, а? Я не хочу на него давить, но если честно, не нравится мне всё это.

– Сань, а Ромка, он давно, ну... с парнями?..

– Да ни фига, в том-то и дело. Нормальный пацан был. Сроду гейских замашек не было. С этим Серёгой его как подменили. Совсем крыша съехала. Может, пройдёт, как думаешь?

Славка отрицательно покачал головой.

– Вряд ли. Это затягивает. И не только в сексе дело. Понимаешь, ему нравится быть слабее, нравится, чтобы о нём заботились. Раньше это был ты, как брат, как друг. Здесь же тебя с ним нет, а Серёга рядом. Серёга сильнее, старше, и потом, он уже проявил о Ромке заботу, когда подобрал его и помог. И Ромка интуитивно потянулся к нему. А секс связал их ещё крепче.

– Блин, психолог, етить твою налево.

– Ладно, поставь ещё чаю. Пойду разбужу эту сладкую парочку.

Славка решительно направился в комнату.

– Подъём, голубки!!!

Крик над самым ухом заставил Серёгу чуть ли не подпрыгнуть с дивана.

– Слава, ты придурок. И так башка трещит, чего ты орёшь? – Ромка, держась руками за голову, кое-как сполз с дивана и направился в туалет.

– Таблеточку проглоти, и синяки мазью смажь, – крикнул ему вдогонку Славян.

У Серёги зазвонил телефон. Выудив его из-под подушки, он, щурясь, посмотрел на дисплей. Звонила Машка. Он сбросил вызов и отключил телефон совсем.

– Что, дома небось потеряли? – Славка с ехидной улыбкой плюхнулся рядом с Серёгой на диван. – Серый, ты правда с женой расходишься? – Он с интересом наблюдал, как Серёга старается отодвинуться от него подальше.

– Правда.

– Что, из-за Ромки? У вас всё так серьёзно? – Славка не собирался от него отставать.

В дверях показался Саня, он тоже смотрел на Серёгу и, по-видимому, ждал ответа.

– Из-за Ромки тоже.

– Это как понимать – тоже? Есть ещё какие-то причины?

– Есть, но это, Слава, я думаю, уже не твоё дело. – Серёга решительно встал, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

Саня уехал через час, обняв на прощанье Романа и наказав, чтоб тот шёл в понедельник в больницу. Славка тоже не стал напрягать парочку своим присутствием, ушёл к Ольге. Серёга притянул Ромку, усаживая его к себе на колени и прижимая худое тело к своему сильному, мускулистому торсу. Ромка смазал гематомы мазью, и теперь от него пахло травами. Серёга осторожно прикасался губами к его опухшему лицу. Легонько целовал начинающие желтеть синяки, ощущая горьковатый вкус на губах. Руки царапали мозолями кожу на лопатках и ребрах, но Ромка не отстранялся, он таял в этих сильных, огрубевших от работы руках. Прислонился лицом к щетине мужчины, потёрся своей щекой. Эта грубость кожи, этот контраст его тела с телом любовника возбуждали его до дрожи. Сергей старался не причинить ему боли, обнимать нежно и мягко, но Ромке хотелось чувствовать его силу, ощущать, как трещат ребра и становится трудно дышать от объятий. Он сам не понимал, почему ему хочется, чтоб Сергей был властным и грубым с ним в сексе и, напротив, нежным и добрым в жизни.

Ласки Сергея становились настойчивей, руки трогали, гладили, пощипывали. Ромка ощущал твёрдость плоти, на которой сидел. Он стал тереться ягодицами о жёсткую ткань Серёгиных джинсов. Через одетое на нём тонкое трико эта ласка обжигала, возбуждала, хотелось вжаться, раздавить то, что находилось под грубой тканью. Серёге всё трудней было сдерживать напряжение. Упирающийся в Ромкины ягодицы член начало ломить. Он опрокинул Романа на диван, стянул с него трико вместе с трусами. Разоблачился от джинсов и навалился на него всей своей массой, вжимая в диван, срастаясь своей грудью с его, тиская руками бедра, вдавливая их в своё тело. Ромка вскрикнул, когда он вошёл в него, вцепился в его плечи руками, притягивая его ещё ближе, ещё теснее.

Они не кричали, не стонали, только тяжёлое дыхание и равномерный скрип дивана слышались в пустой комнате. Это уже, наверное, привычка – сдерживать в себе нарастающий, рвущийся на выход крик.

Сергей почувствовал, как Ромка под ним напрягся, как его тело пробила дрожь, как под животом Сергея запульсировал Ромкин член, и между их животами толчками растеклась тёплая масса.

Он до боли стиснул Ромкины бедра, в последнем рывке насаживая его на себя, замер, вжавшись всем своим телом в тело под собой, выдохнул, как будто нырял, и со стоном повалился на Ромку.

Придавленный Серёгой, расслабленный и счастливый, Ромка лениво поглаживал спину любовника, чувствуя, как снова проваливается в сон.

Сергей тихонько освободился от объятий спящего Ромки, вытер его живот, укрыл одеялом. Присел на край дивана и с тяжёлым от раскаяния и боли сердцем долго смотрел на Ромкины синяки и опухший нос.

– Больше никогда, никогда в жизни не подниму на тебя руку. – Наклонился, поцеловал в подбородок, в припухшие губы, совсем легонько, чтобы не разбудить.

Оделся и пошёл на кухню жарить картошку.

Глава 8

Маша извелась за выходные. Сергей не приехал ночевать, и его уже два дня не было дома. Артём сказал матери, что брат останется у него, но Маша женским чутьём чувствовала, что тот врёт. Значит, насчет любовницы – это правда. Любовь Ивановна тоже прекрасно понимала, что между её сыном и снохой что-то происходит. Видела, что Сергей сильно изменился за последнее время, стал молчаливым и угрюмым, постоянно думал о чём-то своём. Но она старалась не вмешиваться в их отношения, не хотела быть плохой матерью или склочной свекровью. За свои годы жизни она прекрасно уяснила одну вещь: «Ночная кукушка всегда перекукует дневную». А ругающиеся и даже дерущиеся супруги помиряются в постели, а вот люди, втянутые в их разборки, окажутся крайними. Да и видела она уже давно, что жизнь у молодых не была счастливой, что отношения исчерпали себя. Был бы у них ребёночек, было бы всё по-другому, а так нечем заполнить пустоту, образовавшуюся в их семейной жизни. Что сын начал погуливать – мысль она такую допускала, да и Маша вела себя странно последнее время. Но не так, как ведут себя обманутые жёны, а скорее наоборот, будто это она в чём-то виновата. И мать Сергея решила, что пусть разбираются сами. Если даже дело дойдёт до развода – это их жизнь. Да и не стоит её тратить впустую, на войну между собой. Пока молодые, лучше будет, если найдут действительно того, с кем будут счастливы. Сама она всю жизнь, плохо ли, хорошо ли, но прожила с отцом её детей, до самой его смерти. И не раз были моменты, что хотелось всё бросить, забрать детей и уйти куда глаза глядят. Да вот только смелости никогда не хватало. Сейчас же молодёжь сходится и расходится легко, не боясь пересудов и одиночества.

Маша в воскресенье пошла к своим родителям в гости, а вернее, решила подготовить их к предстоящему разводу. Рассказала, что Сергей последнее время поздно возвращается домой, а то и вовсе не приходит ночевать, вот как сегодня, например. Отец выматерился и ушёл на улицу, сказав, чтоб они разбирались сами. Мать же начала ворчать, что всегда была против этого брака. Что Машка красивая и нашла бы себе в городе мужика в сто раз лучше этой деревенской нищеты. Только время зря потеряла на этого придурка, который даже на квартиру отдельную не может заработать.

– Надеюсь, ты не собираешься уходить от него с пустыми руками, хоть там и взять-то нечего. Кроме деревяшек да техники не нажили ни черта. – Мать, поджав губы, с осуждением глянула на дочь.

– Всё, что купили, делить будем. Ага, пусть губу закатает, чтоб я ему с его блядью подарки делала. Машину продаст, скотину, как-никак я тоже во всё это свою зарплату вбухивала.

– Вот правильно, доченька. Нехер этому козлу всё оставлять.

Маша, выйдя от матери, с тоской думала о предстоящих разборках, о зазря потерянных годах. Но потом встряхнулась, улыбнулась себе, вспомнив, как смотрел на неё Андрей. Тут же накатила злость на Павла, на его безразличие и холодность по отношению к ней.

«Козлы все мужики, уроды. Ладно, я вам устрою обоим. Серёга за свою машину трясётся – что ж, придётся тебе с ней расстаться, милый. Нехрен блядей всяких на ней возить. Пусть эта мандавошка забирает его без машины и с обалденным кредитом – посмотрим, будет ли он ей нужен нищим. А Павлушу я тоже удивлю. Кажется, Андрюшенька его на меня

серьёзно запал – что ж, замечательно. Нужно заняться им поплотней. Хотели, мальчишки, стерву – получите, сами виноваты».

С такими мыслями Маша спокойно пришла домой и, игнорируя свекровь, вечернюю дойку и вообще всё это грёбаное хозяйство, завалилась спать.

Вечером в воскресенье Сергей зашёл к брату, прежде чем отогнать машину к Ромке во двор. Ночевать он собирался у Романа, а утром решил позвонить и отпроситься с работы, чтобы везти его в больницу. Не ходить же по улице Ромчику с синяками. Тем более, нужно было сначала выписать полис, да и мало ли на какое обследование пошлют, навернётся ещё где-нибудь по дороге.

Артём сразу заметил, как Серёга сияет. Давно он не видел брата таким. В душе порадовался за него – значит, помирился со своей новой зазнобой.

– Тём, прикрой меня ещё на ночьку от мамки.

– Да она у нас вообще-то не дура, думаешь, поверила, что ты у нас ночуешь? Ты что, помирился, значит, со шлюхой номер два? – Он с усмешкой смотрел, как Серёга краснеет.

– Да там недоразумение вышло, мы разобрались уже. – Сергей явно жалел, что наговорил лишнего.

– Значит, скоро будешь знакомить с новой жёнушкой?

– Тём, ну ты шустрый. Я вообще-то ещё со старой не развёлся. И жениться не собираюсь, мне этой женитьбы за глаза хватило.

– Правильно, братишка. Погуляй как следует, а то тебя твоя Машенция что до армии, что после захомутала. По-моему, ты и баб-то путём не видел. Молодой ещё, успеешь в ярмо залезть. Сейчас одиноких девчонок полно, смело до тридцатника гулять можно. Завтра на работу от неё поедешь? Не опоздаешь?

– Да я отпрошусь, наверное. Мне её в больницу свозить нужно.

– А чего так? Залетела, что ли?

– Да нет. – Сергей рассмеялся от такой мысли, представив Ромку беременным.

– Просто я – придурок, руки распустил.

– Блин, Серый! У тебя что, совсем крышак поехал? В жизни не думал, что мой братец руку на женщину поднимет! У тебя же кулаки, как молотки отбойные! А если бы зашиб? Сильно ты её?

Серёга стал пунцовым. Старался не смотреть Артёму в глаза. Было стыдно и не по себе. Знал бы брательник, какая у него женщина. Душа замирала от неприятного холодка, заползающего, как чёрная змея, в сердце Серёги.

– Да нет, все нормально будет. Просто на всякий случай голову на сотрясение проверить.

– Смотри, а то сядешь так. Сейчас бабы быстро в ментовку заявки пишут. Как её зовут-то хоть? Молодая? Дети есть?

Серёга растерялся и покраснел ещё больше. Он как-то не предполагал, что Артём будет его расспрашивать о «подруге».

– Молодая. Восемнадцать ей. Раюша зовут, – стараясь не смотреть брату в глаза, врал он без зазрения совести.

– Ёпрст! На кой тебе малолетка сдалась? Серый, у тебя точно крыша едет. Она же соплячка совсем. Им в этом возрасте по клубам бегать надо да по танцулькам. Побрякушки всякие, цацки да рестораны ещё одни на уме. А если залетит? Ты каким местом думаешь вообще? Хотя известно – каким.

– Не залетит. И вообще, хватит уже на мозг капать. Поехал я.

– Ну-ну. Вали. Ладно, не обижайся. Смотри только, поосторожней там. Мозги последние не терять.

Оказавшись через двадцать минут у Ромки, прижимая его пахнущее гелем, ещё мокрое после ванны тело к себе, Серёга пытался отбросить все мрачные, тревожные мысли.

Главное сейчас – сегодняшний день. О завтрашнем он будет думать завтра. А сейчас чихать на всех. Сейчас его Ромка с ним, доверчиво прислонился спиной к его широкой груди, откинул мокрую голову ему на плечо и дремлет под негромкий звук работающего телевизора. На кухне Славка варганит ужин, гремя кастрюлями и без конца что-то роняя. И Серёге так хорошо, так комфортно, до щемящего комка в груди. До наворачивающихся на глаза слёз. Он ещё крепче прижимает Ромашку к себе, наслаждаясь мгновениями тепла и покоя.

Маша приделалась помодней, надушилась подаренными Анной духами и с намерением покорить сердце Андрея отправилась на работу. Андрей уже поджидал её у кабинета, стоял, пряча руки за спиной. Когда она подошла и стала открывать дверь, он наклонился к ней, вдохнул аромат духов и вздохнул, с сожалением отстраняясь от её волос.

– Машенька, как ты замечательно пахнешь, вот так бы и стоял рядом с тобой весь день. И цветёшь, словно эта роза, – он выпростал руку из-за спины, протягивая смущённой Маше огромную бордовую розу.

– Спасибо, Андрей. Мне прямо неудобно, ты меня совсем засмущал.

Она одарила его самой обворожительной улыбкой.

– Чай пить будешь, с блинчиками?

– О, конечно буду. От блинчиков я просто не в силах отказаться. Сама пекла?

– Нет, свекровь вчера напекла.

– Понятненько. Помирилась, значит, с мужем?

– Нет. Он дома все выходные не был, нашёл уже кого-то себе. Просто его мать ещё не знает, что мы расходимся будем. Пусть сам ей говорит. Сегодня с ним поговорю о разводе и на выходных съеду к матери. Или отпрошусь на день, чтобы переехать.

– А мать у тебя далеко живёт?

– Да нет, через три улицы.

– Тебе что, вещей перевозить много?

– Да нет, немного. Бытовую технику в основном.

– Может, тебе помочь, с переездом?

– Не нужно. Отец поможет, да соседа попрошу. Но за предложение спасибо.

– Маш, ну раз ты человек теперь свободный, можно я тебя куда-нибудь приглашу?

Сердечко у Маши забилося часто-часто. К лицу прилила кровь, делая её щёки пунцовыми.

– Андрюш, а тебя не смущает, что я с твоим отцом встречалась?

– Сейчас-то вы не встречаетесь?

– Нет, сейчас не встречаемся.

– Ну вот и славненько. А что раньше было и с кем ты встречалась, пусть даже и с моим папашкой, мне без разницы. Ну так что, пойдёшь со мной на свидание?

– Приглашай. – Маша улыбнулась и подмигнула Андрею. Он засмеялся и, взяв её руку, поцеловал.

– Значит, сегодня вечером после работы я веду тебя в ресторан.

– Только не допоздна, а то последний автобус уедет, и я не доберусь до своей деревни.

– А мы тебе машинку закажем.

– Уговорил. – Она засмеялась и выпроводила Андрея из кабинета: – Всё, иди работай и мне не мешай, а то папашка твой лишит меня премии.

– Всё, всё, ухожу.

Маша сидела довольная, перекладывала, не глядя, бумажки и улыбалась.

Помимо основной работы Артём подрабатывал таксистом. В понедельник была его смена. Заказов не было, он припарковался на стоянке и лениво рассматривал проезжающие мимо машины. От безделья клонило в сон, и он уже было собрался подремать, когда увидел стоящую на светофоре машину брата.

«В больницу свою мадам, наверное, повёз», – мелькнула мысль. Он хотел посигналить, но передумал. Выиграло любопытство, что там за девочка у Серёги появилась. Сам он, по-видимому, показывать её не собирается, и Артём решил поехать за братом и глянуть на эту девицу. Не пришибёт же, в конце концов. Да и соврать в случае чего можно, типа, на вызов приехал. Рабочую машину Артёма Серёга ни разу не видел, поэтому он смело пристроился хвостиком.

Серёга подъехал к городской травме, Артём припарковался в сторонке, но так, чтобы хорошо было видно пассажирскую дверцу Серёгиной «десятки». Когда из машины вышел Ромка, Артём испытал небольшой шок и удивление. Зачем брату нужно было врать про какую-то девицу? И откуда у Ромки синячищи? Перед глазами вдруг встала картинка: Серый, сидящий ночью у уборной, и Ромка, вставший ночью в туалет. От внезапной догадки Артёму поплохело, но он отогнал эту дурацкую мысль.

– Да ну, бред полнейший, – сам себя убеждал он, не отрывая глаз от Ромки с Серёгой, направлявшихся к двери травмпункта. Кончики пальцев занемели, и накатила дурнота, когда он увидел, как, глянув по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, Серёга притянул Ромку к себе и чмокнул куда-то в висок.

Минутная слабость от увиденного прошла, на смену ей накатили гнев и злость.

– Охренеть, мой брат – пидор! Убью урода! – Он выскочил из машины, даже не закрыв дверь, и кинулся к парочке, уже ничего не соображая. Подскочив к ним, с силой дёрнул Серёгу за руку, того развернуло, и он налетел на Артёма. Последние сомнения Тёмки развеялись, стоило только увидеть побелевшего Ромку и перепуганное лицо брата.

– Блядь, убью пидораса! Ты что, тварь, творишь?

– Тём, успокойся. Мы на улице, не ори.

– Да мне похуй, понял! Ты, сука, когда этого пидора целовал, не думал, что ты на улице! – Артёма трясло, и он еле сдерживался, чтобы не заехать Серому по морде.

Ромка то краснел, то бледнел, нервно теребя рукава куртки и не глядя на Артёма.

– Ромчик, иди в больницу, я приду скоро. – Сергей сжал Ромкино плечо и подтолкнул его к входу в травмпункт.

– Да, ты иди, Ромчик, а то не сдержусь, и синяков у тебя прибавится. На Серёгу очередь тоже займи, ему понадобится. – Артём в бешенстве сжал кулаки, глядя, как Серый сжимает плечо Романа.

– Никуда я не пойду, – буркнул Ромка, скидывая Серёгину руку с плеча.

– Ром, нам с Тёмкой поговорить надо. Иди, пожалуйста.

– Чтоб он пришиб тебя?

– Блядь, я вас обоих, пидоров, сейчас пришибу! Пошёл отсюда, пока я тебе ноги не повывёртывал, козлёныш грёбаный.

– Заткнись, Артём! Херли ты на пацана наезжаешь, тебе какое до него дело? С меня спрашивай, как с брата, а от него отвали, понял? Ром, иди в больницу.

Ромка развернулся и чуть ли не бегом кинулся к двери.

Артём закурил, пытаясь хоть немного успокоиться.

Серёга же, как ни странно, наоборот, как-то расслабился и успокоился, испытал поначалу шок. Даже почувствовал некоторое облегчение от того, что больше не надо врать и скрываться от брата. Не дав Артёму опомниться, он схватил его за руку и потащил к машине. Тот выдернул свою руку:

– Убери грабли от меня, козёл.

– Может, хватит? Козёл не козёл, но я всё же твой брат, Артём.

– Да на херу я видел такого брата. Хотя ты же пидор, и хер для тебя самое место.

– Тём, давай поговорим спокойно. Пошли в машину, нефиг народ смешить. Люди же ходят. Или ты хочешь, чтобы все знали, что твой брат гомик?

– Да скоро и так все знать будут. Блядь, а ещё Машку обвинял – шлюха она. Да с таким пидором какая баба гулять не будет? Охренеть, мой брат – гомосек! – Тёмка покачал головой, меряя Серого презрительным взглядом. Но в машину всё-таки сел.

– Тём, если тебе легче станет, набей мне морду.

– И что это даст? Опять нормальным станешь?

– Не стану, Тём. Я Ромку люблю, так что это не блажь – не пройдёт.

Артём таким взглядом смерил брата, что Серёге показалось, что он сейчас загорится.

– Да как можно мужику любить мужика? Ты совсем долбанулся? Этот гомик сраный залез к тебе в штаны, подставил тебе зад, надеюсь, что не ты ему, и ты распускаешь теперь пидорские сопли?

– Ромка в штаны ко мне не лазил. И гомиком он до меня не был. Это я его...

– Что? – У Артёма глаза на лоб полезли от такого заявления.

– Что слышал. Трахнул я его. Ну а потом всё само завертелось.

– Тебе что, Машки было мало? На мужиков потянуло? Но он, я вижу, не шибко-то расстроился, ему, как я понимаю, даже понравилось. Сам же сказал, что он шлюха номер два. Да и фингалы эти сами за себя говорят. Что, Ромик во вкус вошёл и рожки наставил?

– Тём, хватит, а? Давай этот разговор оставим на потом. Я Ромку увезу домой, приеду к тебе, и поговорим.

– Э, нет! Мне дома на хер пидоры не нужны, ты больше даже порога моего не переступишь. Да и херли разговаривать? Мне с гомиками разговаривать не о чем.

У Серёги от обиды перехватило спазмом горло, слёзы навернулись на глаза. Он ведь знал, что так и будет, но почему-то не хотелось верить, что родной брат может от него отказаться.

– Артём, я ведь всё-таки брат тебе родной – думай, что говоришь.

– Да ты что? А ты, когда свой хер в задницу мужику вставлял, думал обо мне? О матери думал? Да даже о Машке, в конце концов? Ты хоть понимаешь, что теперь все на нас пальцем тыкать будут? Что с матерью будет, когда она обо всём узнает? В гроб её загнать хочешь? А Ромкины родители – спасибо, думаешь, тебе скажут, за то, что ты его в пидора превратил?

Серёга от этих его слов склонял голову всё ниже и ниже. Знал, что брат прав, во всём прав, как ни крути. Слов оправдываться не было, да и смысла тоже.

А Артём, сверля его взглядом, продолжал со злостью шипеть:

– Ну вот что, братец, ты бросаешь всю эту пидорастическую хрень, пока кроме меня об этом никто не узнал, миришься с Машкой, и я, только ради матери, сделаю вид, что этого ничего не было. Отношения моего, конечно, к тебе уже нормального не будет, но, по крайней мере, как от брата я от тебя не окажусь.

– А если я не брошу эту «пидорастическую хрень», что тогда?

– Тогда забудь, что у тебя есть старший брат. И от матери съедь, нехрен её позорить.

– А в хозяйстве ты ей помогать будешь?

– Не переживай, придумаю что-нибудь. В крайнем случае, продадим всю скотину. А уж с дровами, углём, огородом, как-нибудь помогу, справимся. Но мать по деревне позорить я тебе не позволю.

– Если ты не растреплешь сам всей деревне, то вряд ли кто-нибудь об этом узнает.

– Шила в мешке не утаишь. Тебе решать. Думай, надумаешь – позвонишь. Мне работать надо, так что я поехал. Вечером жду твоего звонка.

Артём вылез из «десятки», сплюнул в сердцах, пнул по колесу и направился к своей машине.

Серёга посидел ещё минут десять после его отъезда и пошёл к Ромке в больницу. Душа ныла, и сердце стучало так, что, казалось, выскочит. Только сейчас его накрыл страх. И чего он больше боялся – потерять Ромку или брата с матерью, – он не знал. И что ответить Артёму, он тоже не знал.

Очереди, как ни странно, в кабинет травмы не было. Ромка уже вышел из него и сидел в коридоре с кучей направлений, ожидая Сергея. Его потряхивало от напряжения. Когда он

увидел разъярённого Артёма, перепугался до смерти. Думал, что тот прийдёт Серёгу, за себя почему-то не испугался. Он уже несколько раз выглядывал на улицу, всматриваясь в окна машины. Но братья вроде разговаривали спокойно. И только теперь приходило осознание, чем всё это обернется для него. Если Артём расскажет Любове Ивановне, та наверняка позвонит Ромкиной матери. Как отреагируют мать и отчим, он не имел представления. Лишь бы не заставили переводиться в Кемерово.

От всех этих думок и от стресса голова ужасно разболелась. Было ощущение, что она лопнет. Затылок ломило, а в висках стучало так, словно бьют отбойным молотком. Очень хотелось лечь и ни о чём не думать. Когда зашёл Серёга, Ромка устало поднялся ему навстречу.

– Серый, отвези меня домой.

– Тебе врач что сказал? – Сергей взял у Ромки направления и стал внимательно читать.

– Тебя на эхо направили. Поехали, успеешь ещё сегодня пройти.

– Я завтра съезжу. Сейчас я домой хочу, на диван.

– Это из-за Артёма? Расстроился?

– Да уж не обрадовался. Ладно, хоть морду тебе не набил.

– Лучше бы набил и успокоился на этом. Ладно, давай не будем о нём, а то ты совсем расклеишься. Ромчик, а как ты завтра без меня поедешь? Вдруг голова закружится? Да и город ты не знаешь совсем.

– Не закружится. А язык до Киева доведёт.

– Я тебе тогда денег на такси оставлю, туда и обратно. Вызовешь такси, понял?

– Ладно, поехали уже.

Дома Ромка выпил таблетки и постарался уснуть, чтобы не думать ни о чём. Сон не сразу, но пришёл. А Серёга тихонечко лежал рядом и, наоборот, думал и думал. Думал о предстоящем разговоре с матерью, о разрыве с братом, о том, где будет жить, если всё-таки придётся съехать. Где найти работу в городе, потому что в деревню каждый день не наедешься, бензина не напасёшься. А самое главное, что скажут Ромкины мать и отчим. Как они отреагируют на такую новость. И от этих думок некуда было деться, и вечера он ждал, как смертной казни.

Глава 9

Пока Ромка спал, Серёга сходил в книжный киоск за газетами и теперь рассматривал объявления о работе и жилье. Если действительно придётся уезжать из деревни, нужно будет снимать квартиру.

Сергей решил: чтобы осилить кредит и плату за жильё, найдёт основную работу и будет подрабатывать в такси, как Артём, с той лишь разницей, что Тёмка работал на хозяйской машине и получал с этого проценты. Ему же, с личным авто, было проще: плати за вызовы, рацию, бензин, ну и ремонт за свой счёт конечно, но работаешь всё-таки на себя.

Он методично муштровал газеты, когда домой пришёл Славка.

– О, этот сурок всё дрыхнет. Блин, а я надеялся повалиться. Плот надувать не охота.

– Падай рядом с Ромкой да валяйся, кто не даёт, – не отрываясь от газет, буркнул Сергей.

– Ага, а в тебе опять Отелло проснётся. Нафиг, нафиг. А ты чем это так занят? Объявления со знакомствами штудируешь?

– Работу с квартирой ищу.

– Чего? – Славка от удивления со всего маху плюхнулся на диван, разбудив при этом Ромку.

– Чего, чего... В город к вам переезжаю.

– Офигеть! А квартиру как, один снимать будешь или Ромчику замуж предложишь? – не удержавшись, съязвил Славян, за что получил от Ромки хорошего пенделя и оказался на полу.

Сергей обернулся к Ромке:

– Ром, ты как, здесь останешься или со мной жить пойдёшь? Я-то надеюсь, что ты со мной.

– Не знаю. Поживём – увидим. А как Любовь Ивановна? Ей же тяжело без тебя будет.

– Ничего, Артём поможет. Да и я ездить буду по выходным. А из деревни мне всё равно съехать придётся, там действительно шила в мешке не утаишь, так что брат прав.

– Ясно. – Ромка с тяжёлым вздохом встал и пошёл на кухню.

– Э, братва, я, походу, чего-то пропустил. Информацию к размышлению не подкинете? Я считаю, что заслужил.

– Артём нас сегодня с Романом в больнице видел.

– И что? Это что – преступление, если ты друга в больницу свозил?

– Ну... В общем, я ему врал, что у девушки ночую и что утром её в больницу повезу.

– Всё равно можно было отмазаться. Что, придумать ничего не могли, что ли?

Сергей замялся, покраснел, глядя исподлобья на Славку.

– Да на улице не было никого, ну я Ромку и чмокнул, а Тёмыч в машине, оказывается, сидел и всё видел. Он таких отношений не то что не понимает, его от них выворачивает. И это даже мягко сказано. В общем, брат-гомик ему в родне не нужен.

– Фак! Ну вы придурки! Так спалиться по-бестолковому! Серый, ты идиот по жизни!

Славка крикнул Ромке в кухню, где тот, по-видимому, решил отсидеться от этого разговора.

– Ромыч, ты Сане звони давай. Или сразу родакам. Лучше, чтобы они от тебя узнали сногсшибательную новость, об ориентации любимого чада, чем от доброжелательного гомофобного Серёжиного брата.

Ромка вышел из кухни.

– Я не могу. Как я им это скажу? Мать с ума сойдёт от такой новости. А дядь Серёжа мне не родной, что, если он мамку из-за меня бросит? Не могу.

– А это-то здесь при чём? А ты, кстати, вообще не в курсе, как твои к голубому братству относятся? Может, разговоры, там какие были?

– Да не было никаких разговоров. С чего бы такие разговоры вести.

– Ну мало ли. По телику часто эту тему поднимают. Ну так как? Телик не заплёвывают, когда Борька Моисеев с Трубачом серенаду под голубую луну поют?

Сергей тоже выжидающе уставился на Ромку.

– Да вроде нет. Мамке так Моисеев нравится даже. Поёт-то он ничего. А дядь Серёжа, тот вообще спокойный, как удав. Он телевизор не смотрит, а спит под него.

– Ну вот, а то сразу в панику ударяться. Главное, чтобы они это не от посторонних людей услышали. Ну, поспихуют, конечно, поначалу. Надо, короче, их подготовить.

Сергей с сомнением смотрел на Славку, который так и светился оптимизмом, как будто они обсуждали реакцию родителей не на голубизну сына, а на рождественский подарок.

Ромка по Славкиному совету позвонил Сане. Обрисовав картину маслом, выслушал от друга кучу «комплиментов» в адрес придурка Серого, причём Санёк не стеснялся в их выборе и посылал их специально очень громко, чтобы они наверняка были услышаны адресатом. И Ромка, и тупой адресат краснели, но слушали.

Наконец Саня исчерпал все свои «комплименты» и уже более спокойно поинтересовался, что они решили делать.

– Артём сказал Серому, чтобы он уезжал из деревни, не позорил их. Серёга хочет переехать в город и снять квартиру.

– И ты, конечно, собрался жить с ним?

– Ничего я ещё не собирался. Просто Артём злой как чёрт и может позвонить мамке. Славка говорит, что будет лучше, если я его опережу и расскажу всё сам. А ты что скажешь?

– Понятно. Я думаю, что Славка прав. Конечно, это не телефонный разговор, и было бы лучше, чтобы ты об этом рассказал, находясь дома, или когда они к тебе приедут.

– Я сегодня был в больнице, и меня от занятий освободили. Завтра пройду обследование, схожу на приём, думаю, до следующего приёма у меня дня три будет, так что я, наверное, приеду. Сань, у меня к тебе просьба. Ты там почву как-нибудь подготовь.

– Ну ты, Ромыч, умеешь озадачить. Слушай, а давай я мамке своей расскажу, она у меня на счёт этой темы молодец, понимающая. Она мне даже как-то сказала, что имя мне дала в честь Александра Македонского, а потом узнала, что он голубенький и у него любовь всей его жизни был его друг Гефестион. И что в Греции это было не зазорным. В общем, целую лекцию на эту тему мне прочитала, а потом добавила, что если я вдруг пойду в своего тёзку, то она меня воспримет хоть какого.

– Ну расскажешь ты тётъ Ире, а дальше-то что?

– Что, что. Она к твоим сходит и поговорит. Просветит их на эту тему. Почву, так сказать, подготовит. Чтобы не отказывались от ребёнка с отклонениями. – Саня захихикал в трубку.

– Тебе там что, смешинка в рот попала? Мне здесь хреново, а ты ржёшь как лошадь, – обиделся на него Ромка.

– Ну извини, Ромыч. Не дуйся, пра-ти-и-ивный. А если серьёзно, то моя мамка – хороший вариант. Я думаю, она поможет. Давай мы с ней сами с твоими поговорим. Типа ты боишься им сказать и не знаешь, что делать.

– Саня, придурок, я и так боюсь им сказать, без всякого «типа».

– Всё тогда, я с маманькой это дело перетру и перезвоню. Привет любовничку и Славяну. Всё, до связи. – Саня отключился.

– Ну что? – Серёга и Славка с нетерпением ждали пересказа разговора.

– Саня скажет своей маме, и они с тётъ Ирой пойдут к моим, поговорят.

– Неплохой вариант. Получается, что ты парламентёров послал. И не от чужих людей узнают, и выглядеть будет так, как будто ты попросил их помочь всё твоим объяснить. – Славка одобрительно кивнул.

Серёга молчал и сосредоточенно о чём-то думал.

– Серёж, а ты что думаешь? – Ромка сел на корточки напротив Серёги, положив свои руки ему на колени и заглядывая в глаза.

Сергей с нежностью погладил его по щеке.

– Думаю, как уговорить брата не говорить ничего ни моей матери, ни твоей. И как ты поедешь в Новокузнецк с синяками, что матери скажешь – откуда они.

– Да они пройдут уже за эти дни. Вон опухоль и чернота уже спали. Мазь хорошо помогает. Да и мало ли с кем я подрался. А зачем теперь Артёма уговаривать, если Саня всё моим скажет. Пусть уже будет что будет.

– Одно дело Саня скажет, и другое, когда Артём позвонит и вывалит всё это про нас с тобой. Ладно, придумаем что-нибудь.

Вечером, перед тем как ехать в деревню, Сергей заехал к брату. Не выходя из машины, позвонил ему и попросил спуститься.

– Ну? Что надумал? – открыв дверцу машины и садясь в салон, с ходу спросил Артём.

Весь день у него не выходило из головы то, что он узнал про младшего брата. Он прокручивал в уме всю их жизнь, пытаясь вспомнить, что он упустил в Серёге. Когда тот стал не таким, как все. Никаких намёков на отклонение от нормальной ориентации он припомнить не мог. Всё как у всех, с той лишь разницей, что кроме Машки-то у него и не было никого. Может, он не нагулялся просто? По бабам ему походить надо, и всё на свои места встанет. Артём произвольно пытался оправдать Сергея и поверить, что это всё – дурь от недоёба, что всё встанет на свои места. А потом перед глазами вставала картинка: Сергей, целующий Ромку. Понять, как можно целовать парня, да ещё и спать с ним, Артём не мог, хоть и пытался. И как только эта картинка вырисовывалась, его начинало воротить, в душе поднимались отвращение и злость. Нет, никогда он не примет брата-гомика, просто не сможет.

И вот сейчас, когда Сергей не зашёл как обычно, а позвонил по телефону и вызвал его вниз, помня, по-видимому, утренний разговор, Артём понял: ему будет больно терять Серёгу.

«Как будто умер», – перехватило дыхание от спазма, сковавшего горло.

– Что ты надумал? – Он всё же надеялся на благоразумие младшего. Если он откажется от этой дури, то со временем всё забудется.

– Артём, я не прошу понять меня и не надеюсь, что ты когда-нибудь сделаешь это. Я просто хочу попросить не ненавидеть и не презирать. Я не стану распинаться перед тобой и доказывать, что в этом нет ни моей вины, ни Ромкиной. Нас просто тянет друг к другу с невероятной силой, и поделаться с этим мы ничего не можем. Да и не хотим, если честно.

Всё время, пока Серёга говорил, Артём, не глядя на него, пытался справиться с возрастающим желанием долбануть младшего брата хорошенько по голове. Врезать ему так, чтобы его дебилские мозги или встали на место, или вылетели уже совсем.

– Ну всё, хватит! Я не собираюсь выслушивать всю эту педерастическую хрень! – Он рывкнул так, что Серёга непроизвольно вздрогнул. – Даю тебе неделю сроку, чтобы ты съехал от матери. Говорить ей о твоей однополой любви я не собираюсь и тебе не советую. Не хочу, чтобы из-за тебя, гадёныша, у матери инфаркт был. Пусть лучше думает, что ты бабу себе нашёл. Как ты будешь выкручиваться, чтобы не показывать свою «возлюбленную», – твои проблемы. Но учти: не дай бог, до матери дойдут слухи о тебе и твоём гандоне, я вас пришибу обоих, ты меня знаешь. Так что на улице советую свои пидорастические губы держать при себе.

– Тём, а как же мы с тобой? Я ведь люблю тебя, ты же мне брат. Мы что, и видаться теперь не будем? Ты меня совсем из жизни вычеркнешь?

– Считай, что ты уехал жить в другой город, а лучше в другую страну. В Африку, например, к туземцам в джунгли, где связи нет.

– Навсегда?

– Что навсегда?

– Уехал я навсегда? Или ты позволишь мне когда-нибудь вернуться? – Голос у Серёги дрожал. Он в упор смотрел на Артёма, не отрывая от него глаз, как будто хотел его запомнить, словно действительно уезжал. В глазах блеснули слёзы, а губы скривились, как в детстве, когда он собирался плакать. У Артёма защемило в груди, сжало так, что трудно стало дышать.

– Блядь, Серый! Не дави мне на жалость! Ты сам сделал выбор!

Он выскочил из машины, со всей силы хлопнув дверцей. Уже открывал дверь подъезда, когда в спину долетели слова:

– Артём, если вдруг со мной что случится, в аварию попаду или ещё что, всяко ведь в жизни бывает, на могилку-то хоть придёшь? Или даже после смерти меня не простишь?

Артём застыл, прислонился лбом к холодной железной двери. Подавил желание броситься назад, открыл дверь подъезда и молча, не оборачиваясь, зашёл в него. Присел на ступеньку, закурил. Тошно, как же тошно после этих Серёгиных слов.

Серёга сидел в машине и пытался не разреветься. А разреветься хотелось очень – от обиды, от потери, от страха, что эта потеря навсегда. От чувства безысходности, нарастающего в груди.

А что, если Ромке он тоже когда-нибудь перестанет быть нужным? Что тогда? Стоит ли всё терять, рушить прежнюю жизнь?

Он долго не мог заставить себя уехать от дома брата. Всё стоял во дворе, надеясь, что тот увидит в окно и выйдет к нему. Обнимет и простит, как раньше, в детстве, когда Серёга вдребезги разбил его мопед и Тёмка орал, что никогда ему этого не простит.

Но детство давно прошло, а Артём так и не вышел.

Домой Сергей приехал уже по темноте. Маши дома ещё не было.

Мать молча, ни о чём не спрашивая, налила ему чай. Он подошёл к ней сзади, обнял, прижавшись виском к её макушке.

С детства такой любимый запах, особенный – не парфюмерный. Запах выпечки, молока, трав – запах матери. Вдохнул глубоко, прижал к себе крепче. Она погладила своей шершавой ладонью его руку.

– Совсем плохо, сынок?

- Плохо мам. Плохо.
- Расходиться будете?
- Будем. И, мам... – Перехватил её руку, прижал к своей щеке. – Я в город жить уеду.

Прости.

Любовь Ивановну пошатнуло. Сергей аккуратно усадил её на стул, сел перед ней на пол, взял её руки в свои и уткнулся лицом в колени.

– Мам, мне правда в городе пожить придётся. Не могу сейчас тебе всего объяснить.

– Что ж такое у вас творится? Что же вы оба с ума посходили?

– Я приезжать буду. Каждые выходные. А скотину давай продадим. Одну коровку оставим тебе да кур десяток. Свиной по холоду зарежем. А хочешь, так вообще никого оставлять не будем?

– Чтобы я слегла от безделья? И так словом перемолвиться не с кем будет, ещё и в бревно на диване меня превратить хочешь?

– Мам, но тяжело ведь одной будет.

– Чего тяжелого-то? Сена с пойлом корове, что ли, дать да подоить? С тремя-то я, конечно, одна не управлюсь. А уж одну-то чего не держать. Вы ко мне только с Тёмкой хоть по очереди приезжайте да сена из тюков на неделю надёргайте. А то больно тугое, не выдернешь. А в морозы все руки обморозишь, пока надёргашь.

– Да я тебе весь тюк раздербаню. На месяц хватит. А в выходные буду приезжать.

– Что хоть за женщину нашёл? Серьёзно у тебя с ней или так, от развода перебеситься?

– Не знаю, мам. Ничего ещё не знаю.

– Так что же тогда голову суёшь невесть куда? У неё жить будешь?

Сергею не хотелось врать матери. Не мог он ей врать. Не говорить правду мог, а вот врать – нет.

– Мам, не спрашивай ни о чём, ладно? Я сам ещё ничего не знаю. Квартиру, скорее всего, сниму.

– Господи, да что за отношения такие? В гости к ней ездить ты и из деревни можешь, зачем в город-то переезжать, раз жить вместе не собираетесь? Или у неё жилья нет? Ничего понять не могу. Жить-то вы вместе будете или нет?

Ответить Сергей не успел. Домой вернулась Маша.

Прошла в кухню и налила в вазу воду, демонстративно ставя в неё розу.

Мать молча покачала головой. Поднялась со стула и ушла к себе в комнату, не хотела присутствовать при их разборках.

– Ну что, родной, когда заявление на развод подавать будем?

– Да хоть завтра. Долго подать, что ли?

– А имущество делить как, через суд или сами поделим?

– А какое имущество-то, Маш? Телик с кинотеатром, что ли? Да забирай. Матери вон и её старого телевизора хватит.

– Как какое? Мы вообще-то с тобой вместе холодильник, машинку стиральную покупали. Коровки тоже не с неба упали. Машина вон есть.

– Совсем сдурела? Я за неё кредит ещё не выплатил. А кредит на мне, и платить я уже его без тебя буду. А остальное забрать можешь. Машинку я матери новую куплю, простую какую-нибудь. А холодильник – старый ещё нормально работает, им обойдёмся. Корову одну забирай. Марту. Звёздочка матери останется, она с рождения её выхаживала, сама знаешь. Ну а Апрельку продать придётся. Артём на её покупку тоже ведь деньги давал.

– Ну, кредит у тебя не на машину оформлен, и в банке она залогом не является, так что придётся тебе её продать и поделить денюжку. Как раз с банком частично рассчитаться сможешь или старенькую какую-нибудь машинёшку купишь.

– Да что ты говоришь? Ну так кредит я брал, когда ещё с тобой жил, и деньги на совместные нужды пошли. Давай и его тогда пополам поделим. Половину оставшейся суммы я выплачиваю, половину – ты. Не будь стервой. И так рога мне наставила, чего надо-то ещё?

– А ты, я смотрю, в долгу не остался. Быстро утешился. В общем, в суд придётся подавать, я так понимаю. Хрен ты свою блядь в машине возить будешь.

– А ты не блядь? Тебя еб... при муже в машине возили. Маша, не наглей. Давай по-хорошему разбежимся. Хочешь, чтоб вся деревня нам косточки перемывала? Ведь неплохо жили все эти годы. Ну не сложилось дальше, не мы первые, не мы последние. Не врагами же становиться. Что же ты обдираешь-то меня как липку? Мне ведь кредит этот платить не один год. Я на машине хотел в такси подработать. И ведь сама знаешь, что не права, что херню порешь. Почему я должен тебе дарить половину ссуды? За те месяцы, что вместе платили, заберёшь всю технику. Совесть имей. Что я тебе сделал плохого? Другой мужик бы тебя, вместе с твоим любовничком разукрасил. А я молчком всё проглотил, терпел, сколько мог.

Маша вдруг как-то обмякла вся после его тирады. Глаза заблестели, нос покраснел. Вот-вот разревётся.

Сергей подошёл к ней и обнял. Она всхлипнула, прижалась к нему, уткнувшись лицом в широкое плечо, зашмыгала носом.

– Не знаю, что на меня нашло. Серёж, а может, не будем разводиться? Может, простишь меня?

– Маш, ты ведь не любишь меня больше. Да и я тебя тоже. Ты красивая, на тебя любой западёт. Только начальник этот твой, не нужен он тебе. Дерьмо он, а не мужик. Тебе хороший парень нужен, а не этот донжуан. Сама же рассказывала, как он от жены гулял направо и налево. Зачем ты вообще с ним связалась? Чем он тебя охмурил?

– Да дура я, Серёж. Полная дура. – Маша, уже не сдерживаясь, ревела Серёге в плечо. – Прости меня, идиотку.

Сергей вытирал ей слёзы с лица. Под пальцами оставались чёрные потёки от туши.

– Пошли, умоешься. А то на лахудру сейчас похожа. – Он, улыбаясь, увлек её к умывальнику.

Она всё ещё шмыгала носом, когда он смывал с её лица слёзы и тушь.

– Давай выпьем, что ли, по рюмочке – на сон грядущий.

Сергей налил в рюмки самогон, достал из холодильника по большому помидору, протянул рюмку и помидор Маше.

– Захаров, ты в своём репертуаре. Женщине – самогон и помидор. Как романтично. Ты бы мне ещё огурец солёный в руку сунул.

– Дык банку открывать неохота.

Они глянули друг на друга и засмеялись. И как-то сразу стало легко. Забылись обиды и разочарование. После первой стопки и половины помидора решили повторить. А третью выпили на брудершафт. Целовались долго, как в первый раз. Спать легли вместе, крепко обнявшись.

– Я на среду отпросилась с работы, заберу вещи. А завтра уже у своих ночевать буду. Заявление на развод тоже завтра отнесу. Там не обязательно двоим надо. Тебя просто вызовут потом. – Маша говорила и гладила Сергея по лицу. Перебирала пальцами короткие прядки волос.

У него вдруг проснулось желание дотронуться до её груди. Ощутить упругую округлость в своей руке. Машино горячее тело, такое знакомое и ставшее родным за шесть лет, вызвало в нём забытые чувства.

На Машу тоже нахлынула нежность к мужу. Захотелось почувствовать его сильные руки, тяжесть его тела на себе. Задохнуться под ним от наслаждения.

– Серёжа, Серёженька, обними, поцелуй в последний раз. Это ведь последняя наша ночь, больше не будет. А сегодня мы ведь ещё женаты.

Её шёпот вызвал мурашки по коже. Прикосновение мягких рук к паху волной прокатилось по телу. И он ответил на её ласки, на её легкие поцелуи. Прощаясь с ней, он вложил в это прощание всю страсть, что не додал ей за эти годы.

Мял её мягкое, горячее тело, не ощущая под руками выступов косточек и ребер, которые были у Ромки. Вжимался членом в округлые бедра, целовал её шею, не чувствуя губами

острого кадыка. Тискал пышную грудь, не уместившуюся в его руке. Чувствовал её округлые колени, сжимавшие его бёдра. Принимал это всё, прощаясь и оставляя позади. От мысли, что это в последний раз, чувства были острее. Секс стал похож на любовь.

Как первая их брачная ночь, такой же страстью была наполнена и последняя.

Утром Маша поцеловала его в щёчку перед работой.

– Спасибо, муженёк... Бывший. Ночь была потрясающей. Всего тебе... Не прощаюсь. Видеться-то всё равно иногда будем. Деревня же всё-таки.

Он тоже её поцеловал.

– Пока. И, Маш, брось этого козла. Найди себе хорошего парня.

– Какой у меня заботливый муж. Не переживай – уже.

– Что уже?

– А и то и другое. – Маша засмеялась, увидев, как у Серёги вытягивается лицо.

– Ну ты и шлюха... Мужиков прям как перчатки меняешь.

– Ну вот как найду подходящую пару, так и перестану менять. – Машка подмигнула Серёге и вышла за дверь, махнув на прощание ему рукой.

Он же почувствовал, как поднимается настроение, как отступают страх и тоска.

Глава 10

– Ма, здесь такое дело, у меня к тебе разговор. Серьёзный.

У Ирины от Саниных слов в груди всё похолодело. «Блин, бабкой, наверное, меня заделал», – была первая мысль, пришедшая ей в голову.

– О чём? Ленка, поди, беременная?

– Тьфу-тьфу! Ну ты, мам, скажешь. Не накаркай. Я вообще-то костюмами пользуюсь.

– А о чём тогда речь?

– О голубой любви.

Саня с интересом смотрел на материну реакцию от его слов, не спеша говорить ей, что речь не о нём. Ирину же внутри потряхнуло, но виду она не подала. Жизнь с мужем научила держать себя в руках. Она села на диван. И приготовилась выслушать сына, посмотрев на него в ожидании дальнейшего разговора.

– Вот ты, например, как отнеслась бы, если бы я был геем?

– Я тебе уже об этом говорила. Кем бы ты ни был, лишь бы не убийцей, наркоманом или пьяницей. Не воруй, не колись, не пей и не обижай людей – всё, что мне в тебе важно. А с кем ты будешь спать, уже тебе решать. Свои мозги никому не вставишь. Пока сам шишек не набьёшь, не поверишь никому, и всё равно будешь жить по-своему. Я по себе это знаю. Молодёжь взрослых не слышит. А ты не гей, судя по тому, скольким девчонкам головы позаморочил, а скорее бисексуал.

– Да, мамань, тебя фиг чем удивишь.

– А что в этом удивительного? Бисексуальность нормальная для мужика ориентация. Все мужики, когда приспичит, бисексуальны.

– Это ты зону имеешь в виду?

Мать с Сашкой всегда разговаривала как со взрослым. И поговорить они могли обо всём, без комплексов и ненужного тушевания. Наверное, поэтому матери бы Саня доверил всё, что угодно.

– Ну не только. Да вообще и без зоны. Папаша твой, например.

У Сани от материнских последних слов глаза округлились...

– Батя трахал мужиков?!!

– Ну не трахал, давал делать себе минет, и это у них называлось «опустить».

– Ну, это другое совсем.

– А в чём разница-то? Нашли перед собой оправдание тому, что кайф от этого ловили. Да и так он, например, передо мной не скрывал, что трахнул бы, скажем, «На-Найцев».

– А почему именно нанайцев?

– Да, блин, не нанайцев, а парней из группы «На-На». Ему чёрненький особенно нравился. Помню, когда клип показывали, «Фаина», кажется, песня была, и они там в прозрачных штанишках и коротеньких жилетках, на восточный лад, так папаша здесь с друзьями как раз все перед теликом укуренные сидели и наперебой рассуждали, кто какого бы «На-Найца» трахнул.

Саня от материнского повествования об отце сидел просто в шоке. Отец ему казался совершеннейшим гомофобом. С его репутацией «крутого» мужика, братка, Саня и подумать не мог ни о чём подобном. А теперь выясняется, что и дружки его все крутые... Блин... В голове не укладывалось. Из шока его вывел мамкин голос:

– Ну, так что дальше-то, говори.

Дразнить мамку расхотелось. Не дай бог, ещё что-нибудь выдаст.

– Мам, в общем, у Ромки проблемы. Он с парнем встречается и, кажется, втрескался в него по уши.

– Я так и знала, что вот Ромка-то – голубенький.

– Откуда ты такое знать-то могла?

– А вот чувствовала, мать не проведёшь.

– Ма, вообще-то ты не его мать, если что. А тётя Аня как раз, по-моему, ничего не чувствует. И вообще, по каким таким признакам ты чувствовать могла, когда он сам-то ничего до недавнего времени не чувствовал?

– Да ты же всю жизнь, с маленьких, его всегда провожал, защищал, опекал, как девочку. Ромка – он слабенький, нежненький, чувственный.

– Ну ты сейчас наговоришь. Чего-то я по твоим описаниям друга не узнаю.

– А мне виднее со стороны.

– Ну ладно, фиг с ним, виднее, так виднее. Мам, ты поговори с тётя Аней. Ромка признаться боится. Вы как-никак подруги, ты её настрой на эту тему. Или пошли вместе поговорим. Завтра Ромыч приедет, нужно, чтобы тётя Аня с дядь Серёжей уже знали.

– Ничего себе! Ты что, раньше сказать не мог? Когда я теперь разговаривать-то буду?

– Да давай сейчас и пойдём к ним.

– Ну, Саня, озадачил. И как я должна это всё подготовить?

– Мам, ну ты же умная у меня, придумаешь что-нибудь.

Он потянул мать за руку, поднимая с дивана. Обнял её сзади, вернее, повис на ней, маленькой, полненькой, положив ей голову на плечо и прижавшись щекой к её щеке.

– Саня, тяжело же. Да ещё колючий, как чёрт. В кого ты такой? У бати твоего сроду щетина так не росла.

– В соседа, наверное. Признавайся давай, маманька.

– Ладно, отцепляйся уже. Пошли к Вороховым.

Анна гостям обрадовалась, хоть и виделись они с Ириной через день да каждый день. А по телефону так по несколько раз в день друг другу названивали.

– Садитесь чай пить с ватрушками.

– О, ватрушки – это хорошо. – Саню уговаривать было не нужно.

У Ромки дома он был как у себя. Придвинув к себе поближе чашку с ещё теплыми ватрушками, уминал их за обе щеки. Анна с умилением за ним наблюдала.

– Кушай, Санечка, там внизу, под ватрушками с повидлом, с творогом ещё лежат. А Ромка, наверное, там один ролтон хрумкает.

– Не, тётя Ань, – Саня, с набитым ртом, помотал головой. – Они со Славяном молодцы, даже кашу манную варят.

– Анют, мы как раз насчёт Ромки поговорить и пришли.

Саня зыркнул на мать. Вот же блин, хоть бы ватрушки дожевать дала.

– Что-то случилось? Саня? – Анна побледнела и испуганно смотрела то на Сашку, то на Ирину. После того случая на болотах она боялась за Ромку постоянно.

– Да нет, всё нормально. Он просто попросил мамку с вами поговорить на одну тему.

– На какую тему?

– Ань, вот скажи, у нас с тобой сыновья – золото. У других вон посмотришь – пьют, колятся, из дома всё тащат, а то и вовсе по тюрьмам. Вон как у Галки – Денис. А твой так вообще молодчина, в какой институт поступил, да ещё и на бюджет. А любят нас с тобой как! Другие с матерями идти рядом стесняются, а наши вон и обнять могут, и за ручку взять.

– Так вы же мамки наши, родненькие. – Саня сгрёб их обоих в охапку. Худенькая Анна придушенно пискнула.

– Саня, здоровый, чертенька, стал. Придушишь. Ромка меня так сроду не обнимает, это ты вон котярка, ласковый.

Саня чмокнул их обоих в щёки и наконец выпустил из своей медвежьей хватки.

– Ну ладно, вы тут побалакайте, женщины, а я к дядь Серёже наверх пойду. А где мелкий, кстати? Чего-то тихо больно сегодня у вас.

– Да Серёга ему приставку игровую купил, так теперь спокойно хоть сидим.

– А, понятненько. Ну, пойду, гляну, что за приставка.

И он быстренько смылся.

– Ир, что случилось-то? Ромка что, ребёнка кому заделал?

Ирина рассмеялась: наверное, у всех матерей парней этого возраста одна мысль.

– Да нет. Скорее даже наоборот.

– Что наоборот?

– Ань, понимаешь, у Ромки проблемы с девочками. Я об этом и хотела поговорить.

– Какие проблемы? Импотент, что ли?

– Блин, как сложно-то. – Ирина не знала, с какой стороны подступиться. – Нет, в этом смысле, думаю, у него всё нормально.

– Да в чём дело-то?! – Анну уже потряхивать начало.

– В общем, я думаю, ты Ромку любишь, это самое главное, сын он у тебя замечательный, и ты должна его понять.

– Ир, я тебя сейчас придушу. Говори уже, в конце концов.

– Ань, Ромке нравятся не девочки, а мальчики. И сейчас он влюблён в одного парня. А тебе об этом боится сказать.

Анна медленно встала и потянулась в шкафчик за валерьянкой. Молчала она довольно долго. Выпила валерьянку, потом закурила, стоя спиной к Ирине.

– Ань, ну скажи уже что-нибудь. Не молчи!

– Я перевариваю новость. – Она даже не повернулась.

– Перевари её вслух, будь добра.

– А что говорить? Валера, наверное, сейчас в гробу перевернулся.

– Ну, знаешь! Валера бы Ромкой гордился. И между прочим, он как-то мне говорил, что Ромка не такой, как все. Может, он уже тогда знал или подозревал.

– Он не в Саню влюбился?

– Я так поняла, что нет. В кого-то там, в Томске.

– Надо забрать его оттуда. Здесь вся эта дурь пройдёт.

– А если не пройдёт? Если это серьёзно? Ты примешь его таким, как есть?

– Не знаю. У меня в голове ещё всё это не укладывается. Как я Серёге скажу? Женьке? Господи, ну Ромка, что же творит-то?

– Да не переживай ты так. Жив-здоров, хороший парень – это самое главное.

– Тебе легко говорить, а если бы Санька твой гомиком оказался?

– Да мне плевать, кем бы он оказался, он мой сын, и этим всё сказано.

– Это ты так говоришь, потому что тебя это не коснулось.

– Да если бы и коснулось, я бы то же самое сказала. А вернее, я Сане это всегда говорила и говорю. Чем больше ты на него наседаешь, тем дальше он будет от тебя отдаляться.

Вспомни хотя бы, как Веркин Генка с армии пришёл и женился на тридцатипятилетней с двумя ребятами. Сколько Верка бегала, скандалы ей устраивала. Что только не делала. И чего добила? Он с этой бабёнкой уже семь лет живёт и семь лет к матери ни ногой. Ты тоже такого хочешь?

– Господи, нет, конечно. Как я Серёге-то об этом скажу?

– Так и скажешь. Куда теперь деваться? Если хочет с тобой жить, то никуда не денется и детей твоих примет такими, какие есть. Зови его сюда. Сейчас и поговорим.

Звать никого не пришлось. Сергей с Сашкой спустились со второго этажа дома сами. Саня с беспокойством смотрел на Ромкину мать.

– Кого звать собрались? Ань, сооруди чайку. – Сергей подсел за стол, а Саня сел на детский стульчик у печки. Анна налила мужу чай и повернулась к Сашке:

– Ну, рассказывай. У Ромки что, крыша совсем поехала в этом Томске?

– Мне кто-нибудь скажет, что стряслось? – Сергей с удивлением смотрел на понурую жену.

– А то, Серёжа, что сынуля у меня – гей.

– Кто? – Он поперхнулся горячим чаем и закашлялся.

– Ромка наш – голубой. Дошло?

– С чего ты взяла? Они с Сашкой вон девах сколько с ума посводили. Да, Санёк?

– Дядь Серёж, это правда. Ромка сейчас с парнем встречается. И любит его очень.

– Ёб твою... Я не матерюсь... Охренел он там совсем, что ли? Ему что, девок мало было? А ты куда смотрел? Тоже мне, друг называется.

– О блин. А я-то тут при чём? Я ему свечку, что ли, держать должен? Или караулить, с кем он спит? Ну вы, дядь Серёж, скажете.

– Ты ему что, мозги вправить не мог? Дал бы пару раз по куполу для профилактики, чтоб хернёй не маялся.

Анна подскочила к мужу:

– Я тебе сейчас по куполу дам. Своего сына долбить можешь, а мой – какой есть, такой есть. Он не виноват, что мы его с Валерой таким родили. Конечно, он же тебе кто? Никто. А чужого разве жалко? Чужого и по куполке можно...

– Ань, ну чего ты завелась? Своему бы я сам по башке настучал, быстро бы забыл, как гомосетиной страдать.

– Дядь Серёж, ты меня извини, конечно, я тоже от Ромкиного выбора не в восторге, но это его выбор. Его жизнь. И я, если честно, не думал, что вы такой гомофоб. Наоборот, считал, что вы-то Ромку поймёте и поддержите.

– Ты мне леща-то не кидай. Умник, блин... Я не гомофоб. Но Ромка мне как родной, и я не хочу, чтобы он жил и оглядывался постоянно. А то ты не знаешь, как у нас в стране к голубым относятся. А уж о городе нашем и говорить нечего.

– Но он же не собирается афишировать на каждом углу, что он гей.

– Вас, молодёжь, не переспоришь. Пусть живёт, как хочет. Мне-то что, в конце концов. Соплей на кулак наматает, сам поймёт, что это такое.

Сергей поднялся и, матерясь себе под нос, пошёл курить во двор. Уже у порога обернулся к Сане:

– Чего сидишь, пошли уже на улицу, покурим.

На улице он выглянул за калитку, убедился, что рядом никого нет, и приступил к допросу с пристрастием.

– Ну и давно это у него? Ты знаешь, с кем он встречается? Может, этому кадру мозги вправить, чтобы Ромку с панталыку не сбивал?

– Дядь Серёж, не надо никому ничего вправлять. Любовь у них. Как у парня с девушкой, так и у них. А если нормальную пару разлучить, что получится? Ничего хорошего. Так и здесь. Никакой разницы.

– Ёшкин кот. Да какая, к чёрту, любовь! Баловство всё это. С жиру бесятся.

– С какого жиру-то? Они вам что, богема какая?

- И кто кого? Ромка-то хоть сверху?
- Ну а вы сами как думаете? А вообще, какая в принципе разница?
- Ну не скажи. Или ты, или тебя... Есть, вообще-то, разница.
- Саня вздохнул и махнул рукой:
- Узнаете, кто Ромкин парень, сами поймёте, кто кого, и куда, и сколько раз...
- Не хами. Значит, его. И кто его парень? Я что, знаю его?
- Знаете.
- Сергей соскочил со скамеечки.
- Блядь. Я в Томске только одного парня знаю. Серёга?
- Я вам ничего не говорил.
- Он же нормальный мужик. У него же Машка. Такая баба! Он, бля, совсем, что ли?
- Он разводится с женой.
- Охренеть! Куда мир катится! Мужики совсем долбанулись.
- Дядь Серёж, но вы уж не наезжайте на Ромку. Пойдите ему навстречу.
- Ай! – Сергей махнул рукой, выкинул окурок и зашёл в дом.

Как только Ромкин отчим зашёл в дом, Саня вышел за ограду, отошёл подальше и позвонил в Томск.

Связь включилась чуть ли не после первого же гудка.

– Сань, ну что?

– Ну как тебе сказать? Может, вам сбежать куда с Серым? Хотя нет – найдут. – Саня горестно вздохнул в трубку, специально погромче.

– Что, совсем хреново?

– Ну, дядь Серёжа пошёл ружье чистить. На охоту в Томск собрался. Говорит, там в одной деревне козёл крупнорогатый завёлся, отстрелить хочет. А молоденького, соблазнённого козлика привезут домой, и под замок.

В трубке участилось дыхание. Потом послышалось подозрительное сопение.

– Э, Ромка, ты там чего носом шмыгаешь? Никак реветь собрался? Ты прекращай в деваху-то превращаться. И шутики совсем понимать разучился.

– Саня, блин... Я здесь места себе не нахожу, а он шутит.

– Ладно, не ворчи. В общем, твои восприняли всё без истерик и заламывания рук. Про Серого извини, но я всё же сказал. Рано или поздно всё равно придётся. Так уж лучше вывалить всё сразу.

– Ну и?

– Ром, дай им время. Их тоже понять можно. Не каждый день услышишь, что твой сын спит с мужиком и о внуках от него можно забыть.

– Как мать? Ей хоть не плохо?

– Ну, мамка у тебя молодец. Только я тебе не советую завтра домой приезжать.

– Почему? Мы же наоборот хотели, чтобы я с ними поговорил.

– Позвони. Поговори по телефону. Будет лучше, если у них будет несколько дней попривыкнуть немного к ситуации. А если ты ещё и с фингалами явишься посреди учебной недели, у тётъ Ани точно истерика начнётся. Тогда уж тебе в Томск хрен кто уехать даст. Сами они, думаю, раньше выходных рвануть к тебе не смогут, так что будет время подготовиться к их приезду.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты говорил, что Серый в городе хату снять хочет. Вот пусть снимает. И сразу переезжай к нему. Это уже будет неоспоримый факт, что он ради тебя всё бросил, а значит, и ты ради него готов на всё. Твоим деваться будет уже некуда, и им придётся смириться. Как раз и Серого проверишь, готов ли он действительно на такой поступок.

Ромка молчал. В трубке было слышно только его тихое сопение.

– Ты там чего, уснул, что ли? Я кому это всё говорю?

– Сань, я боюсь.

– Чего? Раньше бояться надо было. Сам всю эту бодягу замутил.

– А если мы не сможем вместе жить? Это же что, получается, как муж и жена?

– Едрёшкин кот! Рома! Ты кому сейчас мозги паришь? Себе, мне или Серёге? Три дня назад ты говорил, что любишь его. Так в чём дело? Мужик всё ради тебя бросает. Готов родню потерять, а ты взад пятки? Так скажи ему. Зачем тогда весь этот цирк надо было устраивать? Он бы с братом помирился, и никто ничего бы не узнал.

– Сань, не заводись. Мне правда страшновато.

– Он же силой тебя держать не будет. Ну не сможете вместе жить, вернёшься на квартиру, в конце концов.

– Ладно. Спасибо тебе за всё. И мамке своей спасибо передай. Поцелуй её за меня.

– Хорошо. Всё, спокойной ночи. Звони. Мы, как только от твоих, свалим, я тебе маякну, позвонишь им.

Вернувшись в дом, Саня застал всех за столом, на котором стоял пузырь самогонки, привезённой из деревни. Ромкин отчим кивнул ему на стул.

– Садись, выпьем. Без бутылки здесь хрен разберёшься.

– Мне в шарагу завтра.

– Да нам тоже на работу. Напиваться никто не собирается. Но от новостей таких шарики за ролики закатываются.

– Ты мне ребёнка не спаивай. Шарики у него. А то я быстро тебя на ролики-то поставлю. – Анна убрала от Сашки поставленную рюмку.

– Ир, скажи ей... Кто из вас мать, в конце концов.

Сергей с надеждой повернулся к хохочущей соседке.

– Не, ну даже выпить не с кем! Блин, с мужиками спать – они не дети, а как водку пить – так нельзя! – возмущался Сергей.

– Тётъ Ань, ну правда, чего ты, в самом деле. Я же взрослый уже. Рюмку выпью, для поддержки – и всё.

– Вот-вот. Всё с рюмки и начинается. – Анна ворчала, но рюмку вернула.

– А наливай и мне! Ань, дай ещё одну стопку. – Ира подмигнула сыну с Серёгой. – Будем обмывать Ромкину любовь.

Саня, глядя на дядь Серёжину скривившуюся физиономию, не сдерживаясь, засмеялся.

– Чего-то мне даже пить расхотелось, – разливая самогон по рюмкам, пробубнил тот.

Анна поставила на стол ещё две стопки.

– А ты тоже, что ли, будешь? – Сергей с удивлением посмотрел на жену. Она пьянела с одной рюмки и перед работой поэтому обычно никогда не пила.

– А я что, лысая? Любовь, в конце концов, у моего сына. Да ещё, блин, и нестандартная.

Саня, уже не сдерживаясь, хохотал. На отчима Ромки без смеха не взглянешь. На его лице отобразилась целая гамма эмоций. Выпить хотелось, но повод вроде неподходящий. Пить за голубую любовь вроде как стрёмно. Но самогонка всё же победила. Бормоча себе под нос ругательства, Сергей поднял рюмку.

– Ну, за любовь, так за любовь. – И уже сам смеясь, добавил:

– А самогончик-то зятёк подогнал.

Анна, цедившая сквозь зубы противную жидкость, поперхнулась. Потом залпом выпила остатки, запихнула в рот солёный гриб и... разревелась.

Все растерялись. Сергей сгрёб её в охапку.

– Ань, прости. Ну, я не хотел подкалывать, само выскочило. Больше в жизни не буду. Вот честное слово. Не реви, а... Ирина права – жив– здоров, и на том спасибо. Вспомни, как мы напугались тогда. Да и бог с ней, с голубизной этой... Серёга, в конце концов, за ним там хоть присмотрит. Так что даже плюсы в этом есть. – Он целовал лицо Анны, вытирая ей слёзы, а она, шмыгая носом, кивала головой.

У Саниной матери тоже глаза блестели, и, чтобы не разреветься, она быстро разлила всем, кроме Сашки, по второй.

– Давайте выпьем, чтобы у вас всё было хорошо. Чтобы Ромка окончил институт и был счастлив. И ты, Ань, счастливая женщина, у тебя два замечательных сына, потрясающий муж, так что тебе грех лить слёзы. Улыбнись давай.

Анна заулыбалась, вытирая нос носовым платком, с нежностью глянула на Сергея.

– Вот завтра же болеть буду. Взял бы да запретил жене пить, так нет, он ещё сам подольёт. Вражина. – Она ласково подёргала Серёгу за ухо, отчего у него улыбка расплзлась до ушей.

– Это ты у нас командир, а я подчинённый.

Домой Саня с матерью пришли уже за полночь. Санька крепко обнял мать.

– Мам, ты у меня самая-самая... Ну и тёть Аня у Ромки тоже... Да и дядь Серёжа не подкачал. Я тебя так люблю, мамка, ты даже не представляешь.

– Ну, наверное, так же, как и я тебя, сына.

– Спокойной ночи, мамуль.

– Спокойной.

Эсэмэс Ромке Саня отправлять не стал. Он просто позвонил ему и, когда тот взял трубку, сказал:

– Всё путём. Твои – просто супер. Не парься, спи спокойно. Завтра им позвонишь.

– Спасибо, Саш. Спокойной ночи.

Глава 11

К Артёму сон не шёл. Провалившись рядом с мирно спящей женой до двух ночи, он встал и пошёл на кухню курить.

Слова брата прочно засели в мозгу. Да ещё утром мать позвонила. Переживала за Сергея, просила помочь ему устроиться в городе на работу. Лучше бы за себя переживала. Ведь одна в деревне остаётся, без помощи, без мужских рук, необходимых в хозяйстве.

Он ничего не ответил на её просьбу. Просто промолчал. И вообще молча слушал её, не перебивая, хоть и дико раздражала эта забота о неблагодарном братце.

Сам этот педик не выходил из головы ни на минуту. Засел прочно, несмотря на то, что Артём старался выкинуть его не только из головы, но и из своей жизни. Но всё бесполезно. Не получалось. И Артём срывался на семье, отчего злился ещё больше.

Он без перерыва докуривал уже вторую сигарету, бесцельно пялясь в окно на ночной двор, когда услышал за спиной голос жены.

– Артём, что происходит? Ты сам не свой последнее время.

– Нормально всё. С чего ты взяла? – Затушив окурок, хотел было уже проскользнуть в дверь, но Наталья поймала его за руку.

– Сядь, поговорим.

– Спать надо. На работу проспим. Да и говорить не о чем.

– Я же не слепая, вижу, что с тобой творится. Сам на себя не похож. Ты что, врезался в кого? Деньги должен?

– Да ни в кого я не врезался, никому ничего не должен. Говорю же, всё нормально. Пошли спать.

– Ну, значит, любовницу завёл. Что, киндер-сюрприз преподнесла?

– Сдурела, что ли, совсем? Какая любовница? Дурью не майся, нет у меня кроме тебя никого. И на хрен никто не нужен.

– Все так говорят. Что я, по-твоему, думать должна? Вижу же, что-то случилось. Или ты всё рассказываешь, или я остаюсь при своем мнении и завтра же заберу детей и уеду к маме.

– Сдурела баба. Ладно. Чайник тогда уж поставь.

Наталья терпеливо дождалась, когда вскипит чай, разлила его по чашкам, достала печенье и конфеты. Артём смолил уже третью сигарету за полчаса.

– Ну, я жду. – Наталья села, уставившись на мужа.

Он со вздохом опустился на стул, поставил локти на стол и уткнул лицо в ладони. Было невыносимо стыдно рассказывать жене про брата, как будто это он, а не Серёга был голубым.

– Не знаю даже, как это сказать. Я тебе говорил, что Серый с Машкой расходятся?

– Говорил, и что? Ты-то что переживаешь? Они взрослые люди, сами разберутся. Хочешь сказать, что ты до такой степени переживаешь братьев развод?

– Наташ, ты только со стула не падай. Серый – гей.

– Что? Да ну на фиг! В жизни не поверю.

– Придётся. Я сам в шоке от своего братца.

– С чего ты это взял?

– Помнишь пацана, которого он на дороге подобрал?

– Ну?

– Любовь у них. Я сам их видел. Целовались прямо на улице.

– Одуреть! Вот это новость. Они с Машкой из-за этого разводятся? Она что, застучала их?

– Машка не знает ничего. Мать тоже. Я когда увидел, думал, прибью его. Я ему сказал, чтоб он валил из деревни, пока не узнал никто, нехрен мать позорить.

– Артём, ты совсем что ли? Как мать одна с таким хозяйством управится?

– Она звонила сегодня. Машка половину хозяйства забрала... Зимой справится. На выходных будем ездить помогать, а там посмотрим.

– И куда он теперь? К пацану этому жить пойдёт?

– Да мне похрен, куда он пойдёт! Нет у меня больше брата! Уехал, далеко и надолго. Умер, всё!

Наталья с ужасом смотрела на мужа.

– Артём, ты что говоришь такое?

– Какое такое? А на хрена мне брат – педик? Чтобы мои сыновья, когда вырастут, стыдились, что у них дядька пидорас? Так по мне, лучше пусть никакого не будет.

Наталье вдруг стало страшно. Она никогда не задумывалась на эту тему. А ведь у них два мальчика. А если кто-то из сыновей вдруг окажется на месте Сергея? Артём откажется и от него? Она почувствовала, как горло сжимает спазм. Хотелось плакать. Её такой тихий, уютный, стабильный мирок вдруг взорвался. Ничего ведь не случилось, дети ещё малы, и с чего вдруг такие мысли, что кто-то из них может пойти в дядьку? Но, глядя на злого Артёма, она понимала, как плохо, оказывается, знала мужа. Она видела в нём только доброту, надёжность, любовь. И вот это всё теперь не стоило ломаного гроша. Ведь нельзя разлюбить и вычеркнуть из сердца родного человека только за то, что он не подходит под твои устои. Значит, всё ложь. Значит, и её с детьми он так же легко выкинет из жизни, сделай они что-то не так.

Артём заметил, как вдруг побледнела жена, как на глаза навернулись слёзы.

– Наташ, ты чего?

– Никогда не думала, что ты такой урод.

– Что? – Артём поражённо смотрел на жену.

– Только уроды хоронят заживо людей. Похоронить, как мёртвого, родного брата только потому, что тебе не нравится, что он гей!

– А тебе нравится? Ты что, в восторге, что мой братец пидор?

– Не нравится. Но я бы никогда не отказалась от родного человека. Что тогда тебе стоит выкинуть из жизни меня?

– Ты что несёшь? При чём здесь это?

– А ты подумай на досуге. Может, дойдёт. – Она встала и ушла в спальню.

А Артём снова курил на кухне, слушал, как в подушку плачет жена, и не мог понять, что на неё нашло.

У Ромки было замечательное настроение. На душе легко и спокойно после разговора с матерью. Темы его ориентации почти не касались. Мать просто сказала, что всё знает.

Сказала, чтобы он никогда не забывал, что дома его любят и ждут, что бы в его жизни ни произошло. От этих слов у Ромки слёзы на глаза навернулись, сердце защемило от нахлынувших чувств любви и благодарности к своим близким. Дальше разговор шёл как обычно, словно ничего не случилось. Говорили об учёбе, о квартплате и о всяких мелочах.

Захотелось позвонить Серёге и поделиться радостью, что все их переживания по поводу реакции Ромкиных родных закончились и можно вздохнуть спокойно. Тут же вспомнилось поведение Артёма, и стало не по себе. Было обидно за Сергея. Обидно и больно. Хотелось, чтобы у него тоже было всё хорошо и чтобы ему не приходилось жертвовать отношениями с братом и матерью ради Ромки.

А в Новокузнецке Анна исподтишка вытирала слёзы, пряча глаза от младшего отпрыска. Как же тяжело дались ей спокойствие и выдержка при разговоре с Романом! Она решила, что ни к чему нотациями и причитаниями рвать душу сыну. Ему, наверное, и так нелегко было всё это время. А негативные переживания вредят учёбе. И раз уж ничего нельзя с этим поделать, то как-то надо жить дальше. Если уж Сашка не оттолкнул друга, а, напротив, защищает Романа, что очень радовало и грело душу, то как она, мать, может не принять собственного сына, каким бы он ни был?

У Натальи из головы не выходил разговор с мужем. Конечно, её шокировало то, что Сергей оказался геем. Было жаль Машу. Они с ней не были особыми подругами, но относились друг к другу хорошо. Она представить себе не могла, что бы делала в такой ситуации на Машином месте. Хотя Артём сказал, что та ничего не знает о связи мужа со студентом. Но где гарантия, что рано или поздно всё не выплывет наружу? Как относиться к Сергею, Наталья ещё не могла определиться, но то, что она не хочет, чтобы муж отказывался от родного брата, она знала точно. Нужно было как-то убедить его, объяснить, что не так страшен чёрт, как его малюют. Да, неприятно, корбит от таких вещей, но ведь можно просто попросить Сергея не афишировать своих отношений с этим парнем. Не брать его с собой к ним или к матери в деревню. Не напоминать о нём при родственниках – в общем, не принимать их пары, но не самого Серёгу. Она твёрдо решила убедить мужа принять такой вариант общения с братом, а не вычёркивать его из жизни.

Ей вдруг стало интересно посмотреть на эту сладкую парочку вместе. Она представила их целующимися и поняла, что это не вызывает в ней брезгливости. Напротив, в какой-то мере даже возбуждает. «Блин, вот я извращенка». После работы зашла в книжный магазин. Улучив момент, когда рядом с девушкой-продавцом никого не было, краснея и заикаясь, спросила, есть ли литература о геях. Девушка же ничуть не смутилась от такого вопроса и бойко ответила:

– К сожалению, нет. И знаете, очень редко бывает. Можно в принципе заказать, если вам не срочно нужно. Вам какую?

– В смысле?

– Ну, статьи там научные или художественную?

– А что, ещё и художественная есть?

– Конечно. И немало. Просто наш магазин почти не закупает такую литературу, а если и появится что, то в очень маленьких количествах. Раскупают сразу. Вот, например, недавно вышла книга «Одна душа на двоих». Автор Лилия Ким. Очень интересная, советую.

Наталья покраснела ещё больше.

– Да мне не про лесбиянок, мне про геев нужно.

– Так она про них и пишет. Про лесби тоже, конечно, но эта книга именно о геях.

У Натальи глаза округлились:

– Женщина пишет о голубых?

– Да, и очень, кстати, неплохо.

– Ни фиги себе! Ну, если можно, то закажите мне эту книгу.

– Хорошо. Только скоро не обещаю. Сейчас внесу ваш заказ в компьютер. Вот вам наш номер телефона, недельки через две позвоните.

– А научное что-нибудь есть?

– Тоже заказывать нужно. Вы в интернет-клуб ходите. В интернете всё что угодно найти можно.

– Спасибо, девушка.

– Да не за что. Это наша работа.

Наталья вышла из магазина, немного обалдевшая от информации и от того, с какой невозмутимостью ей её предоставили. У неё же лицо горело, и было чувство стыда, как будто она сделала что-то непристойное.

Сергей после работы решил поехать в город. Соскучился по Ромке. Когда тот позвонил и радостным голосом сообщил, что Анна и Сергей приняли всё как есть, от сердца немного отлегло. Вот бы и его родные были бы такими, как Ромкины. Но мать – человек пожилой, старых устоев, навряд ли она поймёт и примет их с Ромкой отношения. Даже рисковать не стоит, чтоб открыться ей, с её давлением. А вот Артём, тот ведь мог хотя бы попытаться.

Ромка с порога запрыгнул на Серёгу, обхватив руками его шею, а ногами бёдра. Так что тот, смеясь, донёс его на руках до дивана, придерживая и тиская худой зад.

– Славки нет?

– Не-а. Он сегодня не придёт. У Ольги ночует. У неё родки куда-то свалили, вот они и пользуются моментом.

– Ну, тогда и мы будем пользоваться.

Прижав Ромку к дивану всей своей массой, Сергей тискал его и мял всё, что под руку попадалось. А тот пытел, кряхтел и сдавленно вякал, когда Серёга специально его посильней стискивал, уж больно ему эти звуки нравились.

– Ты меня раздавишь, – ворчал Ромка с довольной физиономией, по которой вопреки его ворчаниям было видно, что он очень даже не против, чтобы его потискали. Серёга, смеясь, сжимал его ещё крепче.

– Все твои косточки сейчас разомну.

– Да я весь в синяках завтра буду после такого медвежьего массажа. На морде только синяки сходить начали, так ты мне в других местах понаставишь. ОХ! – он непроизвольно охнул и выгнулся, когда Серёга безжалостно стиснул его ягодички. Только хотел было возмутиться, но ему не дали, заткнув рот поцелуем. Тело горело, намятое, возбуждённое, каждой клеточкой отзываясь на эти медвежьи, грубые ласки. Серёга оторвался от его губ, обхватил своими лапищами Ромкино лицо, заглянул в лихорадочно блестящие глаза.

– Люблю тебя, – Серёга сказал эти слова шёпотом, не отрывая взгляда от Ромкиных глаз.

У Ромки во рту пересохло от этих слов. Серый и раньше говорил ему о своей любви, но сегодня его признание звучало как-то по-особенному. Этот шёпот пробирал до костей, вызывая мурашки и поднимая волосы на теле. Сухое горло отказывалось выдавать членораздельные звуки, и Ромка просто обхватил Серёгу за шею, прижался к нему крепко, втискиваясь в его железные мускулы на груди. Глядя руками плечи, спину. Целуя мощную шею, колючий подбородок, губы, глаза – всё такое родное, любимое. Серёга плыл от этих ласк, от ощущения счастья – безмерного, необъятного, всепоглощающего.

Его руки больше не тискали, не мяли – они ласкали нежно, любя. На губах, языке был вкус Ромкиной кожи, которой он щедро дарил поцелуи. Роман отдавал ответные ласки, исследуя сильное, упругое тело Сергея. Его руки проводили по стальным напряжённым мышцам, ощущая, как под ладонями эти мышцы расслабляются. Чувство власти над Серёгиным телом опьяняло. Хотелось не только отдавать всего себя, но и брать, чувствуя себя сильным. Одежда была сорвана, и разгорячённые тела сплетались, обжигая прикосновениями. От поцелуев опухли губы, дыхание становилось все тяжелей, стоны громче, а плоть, казалось, готова была взорваться. Сергей не понял, в какой момент Ромка вывернулся из-под него и оказался сверху. Легкий испуг и недоумение, когда Роман навис над ним, с горящим взглядом, больно вцепившись в его плечи. Серёга закрыл глаза, выдохнул воздух из груди хрипло, надрывно. А затем обмяк, и с готовностью раздвинул ноги, подаваясь навстречу Ромке. Но

вместо ожидаемой боли почувствовал, как его пульсирующий член вторгается в горячее, тугое нутро. Роман, оседлав его бедра, наклонился и прошептал в самое ухо: «Люблю тебя, слышишь, люблю». Их пальцы сомкнулись в единый замок, тела растворились в сладкой истоме, сливаясь в единое целое. Дыхание, стук сердец – в унисон. И даже дрожь была одна на двоих, пронизывая, словно током, переходя от тела к телу, от сердца к сердцу. В тишине – только дыхание, сначала громкое и частое, затем размеренное, тихое, ровное.

Покрывало сна тоже – одно на двоих.

Глава 12

Сергей уже две недели как работал в таксопарке. От матери он съехал и жил пока у Ромки и Славки. Снять квартиру оказалось проблематичней, чем найти работу. Цены на жильё подскочили, а хозяева квартир требовали оплату вперёд за квартал. Таких денег у Сергея пока не было.

Они ютились на квартире втроём, пока Сергей не подкопит денег. Славян был не против. Он последнее время дома бывал редко. Нашёл себе подработку санитаром в ночную смену. Зарплата не ахти какая, но возможность зарекомендовать себя для прохождения практики была хорошей. Славка считал, что «Доктор Айболит» должен знать, как подложить утку под больного. Этапы: санитар, медбрат и врач – это как раз для него. Отделение, где он работал, было не экстренным, и поспать ночами удавалось, по крайней мере, на уроках он не засыпал.

Припарковав машину у подъезда в ожидании, когда выйдет клиент, Серёга с тоской думал о брате. Они работали в разных «Такси», Сергей не решился устроиться туда же, где работал Артём. Они не виделись почти месяц, и Серёга скучал. Не сказать, что раньше они встречались слишком часто, но почему-то сейчас ощущение, что ему недостаёт Артёма, было очень острым. И хотелось увидеть племянников.

Раньше Серёга не задумывался, что ему будет их не хватать. Он не слишком много уделял им внимания, и теперь, когда потерял их, понял, как семья брата ему дорога.

Из задумчивости его вывел звук открывающейся дверцы. На переднее сиденье плюхнулся симпатичный парень лет двадцати.

– Привет, шеф. Ну что, поехали? В аэропорт.

– Поехали.

– У тебя в машине курить можно?

– Окно только приоткрой немного.

Парень закурил, улыбаясь во все тридцать два ослепительно-белых зуба. Ему явно хотелось поболтать.

– Машина новая?

– Угу.

– Не жалко убивать? С такой работой быстро всё полетит.

– Другую работу сейчас найти сложно. А на хозяйской машине много не заработаешь.

– Это точно. У меня отчим на хозяина пахал, на «Волге», с последующим выкупом.

Машина не новая, убитая вся, он замучился на ремонт бабло выкидывать. Сейчас кается, что выкупил её. Дешевле новую взять.

– А он тебя почему в аэропорт не отвёз? Не жалко деньги лишние на тачку выкидывать?

Парень засмеялся.

– Какой ты заботливый и экономный. Жена, наверное, на автобусе ездит, в целях экономии?

Сергею стало стыдно. Что его примут за скупердя, он никак не ожидал. Покраснев, глянул на смеющегося пассажира. Их глаза встретились на какую-то долю секунды, и Серёге показалось, что он проваливается в бездонную пропасть. Он вынырнул из этого ощущения и быстро отвёл взгляд. По коже пробежали мурашки. «Господи, что это сейчас было?» Серёга

испугался своих ощущений. Захотелось избавиться от пассажира. Он чувствовал в нём какую-то опасность, дискомфорт и необъяснимую тягу заглянуть в эти бездонные, смеющиеся глаза.

А парень вдруг притих. Выбросив окурок в окно, он откинул голову на подголовник сиденья и прикрыл веки. Казалось, что он задремал.

– Отчим бы меня не повёз. Он даже в машину, на свои зачуханные чехлы, мне бы сесть не позволил. Он таких, как я, на дух не переносит. Если ты понял, конечно, о чём я.

Пассажир говорил тихо, с долей горечи и сарказма. Сергей молчал. Догадка, о чём говорил парень, вызывала некий мандраж.

– Как тебя зовут, шеф?

– Сергей.

– Я Макс. У тебя есть жена, Сергей? – Максим так же сидел с закрытыми глазами. И Серёга решил его разглядеть. Красивый парень, даже слишком. Длинные, изящные пальцы тёрли виски. Как будто он хотел стереть из головы какое-то неприятное воспоминание.

– Да. Есть. И двое детей. – Серёга сам не знал, зачем он врёт.

Но почему-то не хотелось, чтобы Максим знал, что они одинаковы.

– О, богатый. Любишь жену, наверное?

– Конечно, люблю.

– И что, таксистом работаешь, хочешь сказать, не изменяешь ей?

– Да с чего все думают, что таксисты блядуны?

– А что, нет? – Парень, смеясь, подмигнул и пихнул Сергея локтем.

Сергей с опаской глянул на него и невольно поёжился.

– Боишься, что приставать начну? – Пассажир, развернувшись всем корпусом, подался к нему.

От неожиданности Серёга нажал на тормоз и съехал на обочину.

– Ты что творишь? Хочешь, чтобы мы втюхались куда-нибудь? – Он со злостью развернулся к Максиму. Они уже выехали на трассу, за черту города. Серёгу трясло, и он сам не понимал, от чего больше. От испуга, неожиданного для него самого, от такого резкого торможения или от близости этих глаз, которые, казалось, вынимают из него душу.

– Прости. Я не думал, что ты такой нервный.

– А получить по своей смазливой хारे за такие выходки не боишься?

– Прости. Давай забудем. Поехали, а то я на самолёт опоздаю.

Серёга прикурил, откинулся на спинку сиденья, успокаиваясь с каждой затяжкой.

– Скажи спасибо, что я вообще тебя из машины не выкинул. Топал бы сейчас пешком в свой аэропорт.

– Спасибо. И за то, что пидором не обозвал, тоже спасибо.

Серый посмотрел на Максима. Тот опять сидел с закрытыми веками.

– Ну что ты уставился? Я чувствую твой взгляд. – Макс резко распахнул глаза.

И снова Серёга утонул в невероятной зелени в контрасте с чёрными расширенными зрачками.

Дальше ехали молча. Пассажир ни разу не повернул голову от окна. Серёга чувствовал облегчение от того, что не видит его лица. Почему-то мучила совесть из-за того, что он соврал про жену и детей. Не глядя на Максима, он заговорил.

– Я развёлся с женой, а про детей наврал. Но я живу с парнем и очень его люблю. Мой брат тоже отказался от меня. Сказал, что пидору нехрен делать в его доме.

– Как его зовут? – Максим повернул голову к Серёге. Он улыбался как-то мягко, одними уголками губ. А на щеках обозначились чуть заметные ямочки. Серёга, повернувший голову на вопрос, мотнул головой.

– Ты чего? Ну, не хочешь, не говори, чего материться-то?

– Ты про кого спрашиваешь? Кого как зовут? Брата?

Макс засмеялся.

– Парня твоего, придурок.

– Ромчик. Ромашка. – Как только Сергей произнёс вслух Ромкино имя, магия Макса исчезла. Он уже спокойно и улыбаясь посмотрел на него.

– Счастливый твой Ромчик. Меня бы кто так любил.

– Прибедняешься? Не может быть, чтобы у тебя не было никого. Ты же красивый, чертяка.

Максим отвернулся к окну.

– У меня был парень. Но после того, как мой отчим застукал нас, он даже на звонки мои не отвечает.

– Ты его любишь?

– Не знаю. Нравился, но любить... Не знаю. Сам знаешь, в нашем городе таких, как мы, по пальцам, наверное, пересчитать можно. По крайней мере, у меня не слишком много знакомых геев.

– Да? А у меня ни одного, ну, кроме Ромки, конечно. Да Ромку геям-то язык не поворачивается назвать. Мы с ним друг у друга первые и, надеюсь, последние в этом деле.

– У тебя что, не было больше никого никогда?

– Ну, был опыт в армии, но он не в счёт. Там чистое опускалово чёрта одного. Сунул, вынул и пошёл. Подходи следующий. А у тебя? В смысле, много опыта в этом деле?

Серёга с интересом посмотрел на Макса. Тот покраснел до самых ушей.

– Честно? Вообще никакого. Влад у меня первый парень, с кем я замутил. Я до этого боялся даже признаться кому-то. Он меня и познакомил со своими друзьями. Не успели мы ничего, отчим появился не вовремя.

Серёга ошарашенно глянул на парня.

– Если у тебя опыта никакого, как ты меня вычислил чуть ли не с первой минуты знакомства?

Максим засмеялся.

– Да ты бы видел себя со стороны. Ты же меня чуть не съел глазами. Меня от твоего взгляда в жар бросило.

Серый готов был провалиться куда-нибудь. Охренеть, совсем опидорасился. Уже на других парней заглядывается. Он злился на себя всё больше и больше. Захотелось побыстрее оказаться рядом с Ромкой.

– Сделай лицо попроще. А то я уже готов от страха из машины выпрыгнуть, такое оно у тебя злое.

Смех Макса был заразителен, Серёга тоже наконец рассмеялся. Остаток дороги Макс рассказывал Серёге, что летит за сестрёнкой, которая лежала в Москве в больнице. У неё отслоение сетчатки, и ей сделали операцию на глаза. У них там тётка в глазном работает. Помогла с операцией. Сейчас у сестры зрение почти восстановилось, но одна лететь домой она боится.

С ним было весело и легко. И Серёга, сам не зная, зачем он это делает, написал ему свой номер телефона на визитке такси.

– Я обязательно позвоню, как приеду. Надеюсь, ты познакомишь меня со своим Романом.

– И не надейся. Вдруг отобьёшь.

Макс со смехом захлопнул дверцу машины, помахав на прощанье рукой.

Славка, напевая под нос какую-то песенку, возился на кухне. Ромка смотрел телевизор, лёжа на диване, и боролся со сном.

И как Славка умудряется не засыпать на ходу после своих ночных дежурств. Сегодня у него был выходной, и он ждал в гости Ольгу. Чего-то там стряпал для неё. Повар хренов. На прошлой неделе загадил всю плиту. Что-то у него там сбежало. Ромка потом её чуть ли не час отскребал, чтобы от хозяйки втык не получить.

Сегодня Славка изводил Саню по телефону, консультируясь у него через каждые пять минут по поводу готовки пиццы.

Но запах с кухни шёл очень даже ничего. Лишь бы не сжёг.

У Ромки слюнки потекли, так ему захотелось пиццу. Он услышал, как щёлкнул замок и хлопнула дверь.

– Чем это у нас так вкусно пахнет? – Серёга прошёл на кухню.

– Сюрприз. Не лезь. – Славка шлёпнул Серого по руке, когда тот попытался залезть в духовку.

– А я тоже с сюрпризами. Ромчик, ты где? – Серёга заглянул в комнату. – Я вкусенького купил. Вставай, иди лопать.

– Кончайте аппетит перебивать. Сейчас пицца готова будет. И Ольга с минуты на минуту придёт. Сядем все и полопаем. Пакеты лучше разбери да приготовь всё. Чего ты там накопил? – Славка заглянул в пакет. Но Серёга отобрал его у него.

– Сам всё выложу. В комнате сидеть будем?

– Да. Раскладывай стол.

Сергей, подхватив пакеты, ретировался в комнату. Ромка всё так же лежал на диване. Серый примостился рядом. Склонился над Ромкиным лицом, чмокнул его в губы и в нос. Никакой реакции.

– Ром, ты чего? Случилось что? Ты чего вялый такой?

– Спать хочу. Глаза слипаются. И пиццу хочу. И вкусенького. А сил встать и всё это съесть нет. Ты будешь меня кормить? Я глазки закрою и только пережёвывать буду.

Серёга рассмеялся, тиская Ромку и целуя.

– А пить ты как будешь? Я шампусика купил и ананас. Ещё шоколадку большую-пребольшую, с орехами, как ты любишь. Но это всё на десерт. А так у нас ещё есть цыпленок гриль, мясной рулет и готовые салаты. А ещё яблоки и бананы.

– Шампанское, ананас? – Сон у Ромки, как рукой сняло. – В честь чего такой шик?

– В честь тебя. Соня ты моя ненаглядная. Просыпайся уже. А то придёт сейчас Ольга, и они со Славяном без нас всё съедят.

– Я всё слышу. Не клеветайте на нас, Сергей Батькович. Мы с моей дорогой возлюбленной на такое обжорство не способны, – донёсся из кухни Славкин голос. Ромка с Серёгой засмеялись.

– Да ты один всё уничтожить горазд. Знаю я тебя. – Роман поднялся с дивана, увлекая за собой Сергея на кухню.

– Чего припёрлись? Идите стол в комнате готовьте.

– Так, ты тарелочки-то нам дай. Ножички, вилочки, бокальчики.

Ромка доставал всё перечисляемое из шкафа и совал Серёге. У того уже в руках ничего не умещалось. Одна вилка упала на пол.

– О, Ольга сейчас явится, – изрёк Славян. Не успел он проговорить, как раздался звонок в дверь.

Пицца оказалась обалденной. Вечер просто чудесный. Давно Серёга не испытывал такого уюта, тепла, радости и счастья. Да чего уж там – никогда не испытывал. Сидя плечом к плечу с Ромкой, держа его руку в своей, слушая болтовню и смех за столом, он жалел, что дал свой номер Максиму. И надеялся, что тот не позвонит.

– «Библия миллениум». Что за фигня? Ты что, в секту какую-то удариться решила? – Артём с пренебрежением откинул в сторону лежащую на столе книгу.

Натаалья, смеясь, поставила перед ним тарелку с борщом.

– Нет, это не сектантская книга. Это художественная, очень, кстати, интересная.

– Про что? Опять женская муря сериальная? Тебе не надоело? По телику сериалов не хватает?

– Если я тебе скажу, про что, ты орать будешь, ещё и выкинешь её, чего доброго.

– В смысле? Это про что может быть книга, чтобы я её выкинул?

– Дай слово, что не будешь ругаться и книжку не выкинешь.

– Ну, даю.

– Не «ну, даю», а скажи, что даёшь слово не орать и книгу не выкидывать.

– Даю, даю слово не орать и не выкидывать.

– Ну, в общем, эта книга о любви.

– Ну, говорил же, очередная бабская хрень. А с чего я её выкидывать-то должен? Читай, мне-то что.

– О любви парней. Вернее между парнями.

– О чём? – Артём поперхнулся куском хлеба.

– О голубых.

– Блядь, ты совсем рехнулась? Где ты только откопала эту херню? И на фига ты читаешь это дерьмо, скажи пожалуйста? – Откашлявшись, он отодвинул тарелку с супом, аппетит резко пропал.

– Тём, ты не поверишь, но меня это так заводит. – Наталья поиграла бровями и медленно, кончиками пальцев, стала поглаживать свою шею. Провела рукой по плечу, опускаясь к декольте. Артём в ступоре уставился на неё. А когда почувствовал у себя между ног её ступню, от неожиданности соскочил со стула, который с грохотом тут же упал.

Наталья, не дав ему опомниться, подошла и прижалась к нему всем телом, при этом руками обхватила его ягодицы, а коленку просунула ему между ног.

– Ох...ть! Натка, ты белены объелась, что ли? – Артём в шоке смотрел на жену. Пока он испытывал мозговой шок, корень его жил сам по себе и заморочек по поводу неадекватного Натальино поведения не испытывал. А испытывал он нехилый стояк, упираясь в трущуюся об него коленку жены.

– Тише ты, ребятишек разбудишь. Книжек голубых начиталась. Знаешь, как возбуждает...

– Не знаю... У меня от таких книжек, наоборот, всё сейчас упадёт. Как ты можешь от такой хрени возбуждаться, скажи на милость?

– Ну, ты же, когда порнушку с лесбиянками смотришь, возбуждаешься...

– Сравнила жопу с пальцем. Там всё по-другому. Хотя, кто вас баб разберёт, от чего у вас течка... – С этими словами Артём подхватил жену за попку и поднял на руки, увлекая в спальню.

Наталья как с цепи сорвалась. За всё время их супружеской жизни Артём её никогда такой не видел. Она сама опрокинула его на кровать, он глазом не успел моргнуть, как оказался раздетым. Оседлав его бёдра и не давая подняться, целовала его с таким жаром и в таких местах, что крышу у Артёма снесло напрочь.

Когда жена начала покусывать у него кожу под мышками, перемещаясь постепенно на соски, затем живот и бёдра, Артём прикусил себе палец, чтобы не кончить, как малолетка, и не заорать при этом во весь голос.

– Ууу, какой ты у нас солёненький, воблочка моя, рыбка солёненькая... – мурлыкала Наталья, целуя Тёмкин пах.

А когда она сама, САМА без просьб, без уговоров взяла его член в рот и стала его не просто держать во рту, а вытворять какие-то невероятные доселе вещи, Артём не выдержал и разрядился. На какие-то секунды он даже потерялся от разрывающих его ощущений. И только когда уже лежал, совершенно обессиленный, с дрожью во всём теле, до него дошло, что член его всё ещё у жены во рту, а привычной липкой массы на животе не ощущается.

– Ты что, проглотила? – с удивлением прошептал он.

– Ага. Чуть не захлебнулась, как из пулемёта строчил.

Выпустив мужнин орган изо рта и уткнувшись ему в шею, Наталья засмеялась.

– Охренеть. Вот ты книжек начиталась!

– Тебе не понравилось, что ли?

Артём прижал жену к себе и впился в её губы.

– Да я тебе вагон таких книжек куплю, только читай. Извращенка голубая. – Теперь он подмял жену под себя, и тербил кружочки её сосков своим ртом.

Уснули они в четыре утра. Хорошо хоть была суббота и на работу было не нужно. Правда, они собирались поехать к матери в деревню, но это и после обеда можно...

На улице был лёгкий гололёд. Конец октября не радовал погодой. Днём холодный дождь, а ночью заморозки.

Серёга думал, как ему выкроить денег на шипованную резину. В этом месяце за квартиру решил заплатить он. Всё же они с Ромкой занимали основную жилплощадь, Славка ютился на кухне, да и то всё реже и реже.

Он то на дежурствах был, то у Ольги пропадал. Её родители в этом году переехали жить на дачу. Мать была уже года два как на пенсии, а отец только вышел. Ольгин старший брат работал генеральным директором какой-то дизайнерской фирмы, хорошо помогал им деньгами, лишь бы родители не работали после выхода на пенсию. Так что они посчитали, что Ольга достаточно взрослая, самостоятельная и умная девушка, чтобы жить в квартире без них. Против Славки тоже ничего не имели, даже, кажется, были рады их таким близким отношениям и считали его уже своим зятем. Серёга выводил в блокноте цифры – суммы кредита, оплаты квартиры, ну и матери нужно было хоть немного подкинуть. Цифры выглядели удручающе, на зимнюю резину явно не хватит. Доход в такси был неплохой, но он в этом месяце поистратился на рацию.

Основную работу он пока так и не нашёл. Ладно, придётся до следующего месяца обойтись. Из тяжёлых финансовых думок вывел телефонный звонок.

Не глядя на дисплей, он нажал кнопку вызова. В трубке послышался знакомый весёлый голос. Серёгу пробила нервная дрожь. Он сам не понимал, почему он так реагирует.

– Серёга, привет. Это Макс. Узнал?

– Узнал, конечно. Приехал уже?

– Ага. Вчера прилетели. Чем занимаешься? Ты на работе?

– Нет, я сегодня выходной. Хочу к матери в деревню съездить.

– Мать – дело святое. А на вечер есть какие-нибудь планы?

– Не знаю ещё. А ты что-то хотел?

– Да вот хотел вас с твоим Ромкой на день рождения свой пригласить. Он у меня сегодня.

– Макс, я тебя поздравляю, конечно, но тебе не кажется, что мы едва знакомы для того, чтобы ты меня на день рождения приглашал?

– Ну вот и познакомимся поближе. Не отказывайся, пожалуйста, мне ведь больше некого приглашать. У меня дата круглая, двадцать лет. Не хочется её одному справлять.

– У тебя что, друзей нет? Зачем мы тебе с Ромкой, совсем чужие люди?

– Нет у меня друзей. Я имел глупость признаться им в своей ориентации. Они теперь со мной даже не здороваются. А после того скандала с отчимом, который он на весь подъезд закатил, меня вообще все стороной обходят, а некоторые ещё и сплёвывают в мою сторону.

Голос у Макса был таким же весёлым, но Серёга чувствовал, по появившимся в нём хриплым ноткам, что стоит ему только положить трубку, и эта весёлость обернётся комком в горле.

– Максим, я тебе ничего обещать не буду, нужно ещё с Ромкой поговорить. И потом, мне завтра за руль, так что собутыльника из меня не получится. А Ромка тоже ещё тот алкоголик.

– Да ради бога. Не обязательно же пить. Я привёз из Москвы вино обалденное, мне дядька подарил. Мы с Ромкой твоим его за знакомство выпьем, и всё. Просто посидим, пообщаемся.

– Хорошо, Макс, я тебе позвоню вечером. Поговорю с Ромиком.

– Я буду ждать. Уговори его, ладно?

– Постараюсь. Пока.

Сергей никак не мог понять своей реакции на Макса. Если от Ромки у него и ехал крышак, то не так, совсем не так, как от Максима. Ромку он любил, и в этом чувстве он был уверен на все сто. Он бы жить, наверное, без него не смог. Макс же действовал на него, как удав на кролика. Серёгу тянуло непостижимым образом к его глазам. Стоило только ему вспомнить этот Максов взгляд, как по телу прокатилась волна жара. «Чёрт, как гипноз какой-то», – Серый тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Роман был у одноклассника, переписывал темы, которые пропустил, пока сидел на больничном. Серёга не знал, как тот отреагирует на предложение совершенно незнакомого ему человека. Он позвонил матери, сказал, что приедет. Она обрадовалась и сообщила, что Артём с семьёй тоже подъедут. Серёга растерялся. Осложнений с Артёмом не хотелось.

– Мам, ну раз к тебе Артём приедет, то я лучше в следующий свой выходной подъеду, среди недели. Он тебе поможет, что там нужно, а я тогда поработаю. Мы с ним и в городе увидимся.

– Ладно, сынок, работай, конечно.

Сергей позвонил Роману и сказал, что не едет в деревню и что у него к нему разговор на миллион.

– Давай, дуй домой, я тебя жду. Вечером пойдём кое-куда.

– Это куда же?

– Дома объясню. Так что давай быстрее приходи.

Он с беспокойным сердцем стал ждать Романа.

Глава 13

К тому времени, как пришёл Ромка, домой вернулся Славян. Ольга уехала с родителями на дачу, на дежурство ему было не нужно. Он возился на кухне, распахивая по холодильнику купленные продукты.

– Сергей Баткович, как вы смотрите на макароны по-флотски? – Славка выглянул из кухни, держа в одной руке пакет с рожками, а в другой мешочек с фаршем.

– Нормально смотрю. Только нас с Ромиком на день рождения пригласили. Если он согласится пойти, то мы, наверное, ужинать не будем.

– Это кто же вас пригласил? – Славка озадаченно уставился на Серёгу.

– Да парень один. Я с ним недавно познакомился.

Славка не успел больше ничего выудить у Серого. Щёлкнул замок открываемой двери, и зашёл запыхавшийся Ромка.

– Что за спешка? Куда ты собрался меня вести? – с порога засыпал он Серёгу вопросами.

– Да ты хоть разденься сначала. И пойдём на кухню, чай попьем, и я всё вам объясню.

Уже на кухне, ёрзая от прикованных к нему взглядов Ромки и Славки, Серёга собрался с духом и заговорил:

– Короче, я здесь недавно клиента одного подвозил. Он голубой, в общем...

– И? – Ромка с непониманием смотрел на него.

– Ну, мы разговорились, познакомились. Я ему про нас с тобой рассказал. А у него нет никого, и с родичами проблемы, и друзья отвернулись, а ему сегодня двадцать стукнуло. И он один совсем. Вот нас с тобой и зовёт. – Всю эту тираду Серый прострочил как из пулемёта, на одном дыхании.

– Куда зовёт? – не понял Ромка.

– На днюху, что непонятного? – Славка с ухмылкой глянул на Романа. – Голубой тусняк у вас намечается, Ромчик.

– Никуда я не пойду! Мне на фиг эти тусняки не нужны! А как это ты с ним разговорился вдруг? Он тебе с ходу, как только в машину сел, голубым представился? Или у него на лбу написано? Он что, из этих, накрашенных? – Ромка поморщился.

– Нормальный он парень. Просто разговорились. Слово за слово, вот и разоткровенничался. Таксистам часто пассажиры всё рассказывают. Ром, он хороший парень. И он на своё двадцатилетие остался один только потому, что гей. Пойдём, поддержим пацана, ну что тебе стоит?

Ромка сам не знал, почему у него внутри образовался какой-то горький комок и почему на предложение Серого он реагирует так агрессивно. Но прежде чем он смог это осознать, слова со злостью полетели Серёге в лицо.

– Тебе надо – ты и иди к своему новому другу. Я никуда не пойду, он мне сто лет не сдался.

И Серёга, и Славка ошарашенно на него уставились. А он соскочил со стула и пулей вылетел в комнату.

– М-да. По-моему, кто-то тебя сейчас приревновал. И это ваша первая семейная ссора. – Славка, хихикнув, двинул кулаком в плечо застывшего Серёгу.

– Ром, ну ты чего? – Сергей присел на диван, обнимая Романа за плечи. – Вот ты представь, если бы у тебя не было ни Сани, ни Славки, ни меня и на свой день рождения ты бы остался совсем один?

– Я бы не стал звать первого встречного! Или вы достаточно хорошо знакомы и не раз уже встречались? – Он со злым прищуром уставился Серёге в лицо.

Тот, смеясь, притянул его к себе.

– А ты и вправду ревнуешь!

– Ага! Размечтался! Больно надо. Трахайся с кем хочешь, мне пофиг!

Серый зарылся лицом в Ромкины волосы.

– Ревнуешь, ревнуешь. А мне так приятно. Но с Максом я после того не виделся, как в аэропорт его отвёз.

– А как он тебя пригласил тогда? Телепатией приглашение послал?

– Я ему свой номер тогда ещё дал.

– А тогда – это когда?

– Ну, чуть больше недели назад.

– А почему же ты мне ничего не сказал, что с ним познакомился, да ещё и телефончик свой дал?

– Да как-то забыл сразу сказать. И потом, я думал, он не позвонит. – Серёга покраснел, чувствуя себя так, будто его поймали за чем-то нехорошим.

– Ну конечно! Рассказывай мне сказки! Забыл ты, что с гомиком познакомился! Да если бы ты что-то не скрывал, ты бы такую новость тут же выпалил.

– Да ничего я не скрываю! Если бы я что-то скрывал, я бы тебя к Максиму на день рождения не звал!

Славка, варивший макароны, задолбался слушать эту семейную перепалку и решил, что с него хватит.

– Хватит ругаться! Достали! Валите уже на день рождения! – Он решительно зашёл в комнату.

– Не собираюсь я никуда валить. Тебе надо, вот и вали вместе с Серёгой.

– Ром, ты почему со мной так поступаешь? – Серёга тронул Ромку за руку.

– Как я с тобой поступаю?

– Я твоих друзей принимаю, как своих. Почему же ты игнорируешь моих?

– Ха! А он тебе уже и другом стать успел, пока в машине общались? Быстро же.

– Не успел. Но ведь можно и подружиться.

– Ну вот и дружи, иди. Вперёд и с песней! – Ромку несло. Он сам чувствовал, что не прав, но остановиться уже не мог.

– Ты прекрасно знаешь, что без тебя я никуда не пойду. Но так, Ром, не делается. Человек от всей души хочет найти в нас друзей, можно ведь хотя бы попытаться.

– Я сказал, никуда я не пойду!

– Чувак, ты в натуре сейчас не прав. Ведёшь себя, как ревнивая тёлка.

Слова Славки больно резанули. Ромка и сам понимал, каким придурком выглядит со стороны.

– При чём здесь ревность! Не хочу я никуда идти, и всё!

– Хорошо, не хочешь – не пойдём. Сейчас позвоню Максиму, скажу, чтобы не ждал. – Серёга достал из кармана телефон, но Славка выдернул трубку у него из рук.

– Погоди, Серый! Не порть пацану день рождения. Я так понимаю, он у него и так не весёлый. Раз Ромка просто не хочет никуда идти, я думаю, он будет не против, если мы пригласим этого Максима к себе.

Серёга с благодарностью посмотрел на Славку, а затем перевёл взгляд на насупленного Ромку.

Ромке же ничего не оставалось, как согласиться со Славкиным предложением. Было бы уже совсем смешно, если бы он возражал.

Максим предложению обрадовался и уже через час, с пакетами, полными всякой снедью и выпивкой, был у них.

Открывая ему дверь, Сергей со страхом ждал своей реакции на этого парня. Но то ли потому, что Ромка был рядом, то ли в такси тогда было какое-то наваждение, но на этот раз он вполне спокойно взирал на красавчика, улыбающегося своей белозубой улыбкой с ямочками на щеках.

Ромку же охватило чувство собственника, распространяющееся на Серого. Он всем своим видом давал понять, что это его бой-френд и смотреть на него другим – нефиг. Славка же от этого цирка офигевал. Он не узнавал Романа, который плюхнулся за столом к Серёге на колени и слезать с них не собирался. Что Макс был красивым парнем, Славка, конечно, видел, но что Ромчик ТАК будет ревновать к нему Серёгу, не ожидал. Макс же делал вид, что не замечает реакции Романа. Он вёл себя непринуждённо и так, как будто знал их всех уже давно. И Славке он определённо нравился. Не в том смысле, что со смыслом, а в смысле, как человек. Хотя, при взгляде на эти очаровательные ямочки и искрящиеся каким-то зелёным свечением глаза, мелькнула мысль, что если бы он и попробовал когда-нибудь секс с парнем, то этим парнем был бы Максим. И чем больше рюмок коньяка, принесённого Максом, он в себя заливал, тем чаще эта мысль появлялась в его голове.

Макс же рассказывал, как съездил в Москву и что сестре через полгода придётся снова ехать на операцию.

– А сколько твоей сестре лет? – Ромка наконец соизволил заговорить с Максом. И вообще, кажется, чувство ревности постепенно уходило. Ему было приятно, что Серёга не только не согнал его со своих коленей, а, напротив, прижал к себе покрепче и то поглаживал его щёку, то чмокал его в неё. Да и Макс ему нравился всё больше и больше. Он даже подумал, что они могли бы стать друзьями.

– В этом году семнадцать исполнится. Она у меня красавица.

– Вся в брата, наверное. Нужно было взять её с собой, познакомились бы. – Славка подмигнул Максиму, разливая коньяк по рюмкам, себе и ему.

Ромка пил вино, а Серый сок.

– У тебя Ольга! – нарочито возмутился Ромка.

– Я же дружеское знакомство имел в виду, а ты о чём?

– Ага! Знаем мы тебя! Ты этому ловеласу, Макс, сестру не доверяй. – Ромка, смеясь, ущипнул Славку за бок.

– Пользуешься, что Серый тебя в своей охапке держит и до тебя не достать! – возмутился его щипку Славка.

Серёга тут же начал пощипывать за бок Ромку.

– Я за тебя, Славян, отомщу!

Роман, смеясь, соскочил с Серёгиных колен и сел на стул подальше от него.

– Куда это ты ускакал? А ну вернись! – Серый потянул его на себя, поймав за майку.

– Здорово у вас. Молодцы вы, ребята. Я вам завидую хорошей, белой завистью. – Макс улыбался, глядя на их возню. – Сестра у меня с родичами к бабушке в деревню укатила.

– Они что, тебя на твой день рождения вот так вот одного бросили? Чего ты с ними-то не поехал? – У Славки в душе шевельнулось что-то вроде жалости к этому красивому и никому не нужному парню.

– Мать с сестрой меня звали, но отчим на меня так зыркнул, что я не рискнул нарваться на очередной ор на весь двор.

Что ему больно об этом говорить, выдавали только глаза, сразу как-то потускневшие. Сам же он по-прежнему улыбался.

– Ну, тебя хоть из дома не выгнали. А сколько таких случаев. Я лично пацана в Кузне знал. Его отец, в чём тот был, в том за порог и выставил. Хорошо, у него друг из Питера приехал, они с ним переписывались. Сейчас живёт с этим парнем в Питере, домой даже за вещами не вернулся.

– Ты никогда не рассказывал. – Ромка с обидой смотрел на Славку.

Тот пожал плечами:

– А зачем? У вас своих проблем вон хватает. Чего на вас тоску чужими нагонять.

Беседа становилась всё непринуждённой. В ход пошли смешные истории из жизни и анекдоты.

Сергей, обняв Романа, прижав его крепче к себе, смотрел на Макса, на его улыбку, глаза, изящные тонкие пальцы и понимал, что не променяет своего просто симпатичного, милого Ромашку ни на каких красавцев всех вместе взятых.

Засиделись допоздна. Домой Макса пешим ходом никто, конечно, не отпустил. А увезти Серёга был уже не в состоянии – глаза слипались. Славка не возражал против соседа по матрасу. Спать ему не хотелось. Он привык дежурить по ночам в больнице, и хоть и спал во время дежурств, но рано никогда не ложился. А выпившего его так и тянуло на разговоры.

– Макс, а ты где учишься или работаешь?

– Я учусь и работаю. Отучился два года на дневном, в ТИСИ на архитектурном. А сейчас на заочный перешёл и в магазине видеодисков работаю продавцом.

– А чего на заочку перевёлся?

– Да платить нечем. Отчим как узнал, что я неправильный парень, – Макс хохотнул, – отказался деньги на обучение давать. Сказал, чтобы я себе задницей зарабатывал, раз всё равно её подставляю.

– А ты чего?

– Что чего?

– Ну, не зарабатываешь чего? – Славка ехидненько захихикал.

– Бесплатно-то никто на мою задницу не зарится. – Макс тоже засмеялся, зажимая себе рукой рот, чтоб Серёгу с Ромкой не разбудить. – На фиг никому моя задница не сдалась, чтобы ещё и деньги за неё платить. Вот ты бы заплатил?

– Я? Повернись, заценю. – Славка пытался не ржать в голос и с очень серьёзной миной рассматривал повернутый к нему зад Макса. – Не, не заплатил бы. Задница как задница. У меня такая же, чего за неё платить.

– Во! Поэтому я и продаю диски, а не её. Скоро всё равно в армию заберут.

– Когда? А институт как?

– Отслужу, доучусь. До Нового года вроде призыв. Повестки, правда, ещё не было.

– А как ты служить-то будешь? – Славка даже протрезвел от услышанного.

– Как буду? Как все.

– Ну, все-то нормальные, а ты-то – ненормальный. Гомиков в армию не берут! – авторитетно изрёк Славян.

– А у меня что, на лбу написано, что я гомик?

– Это у тебя сейчас, может, и не написано. А будешь в закрытом пространстве с кучей парней рядом день и ночь в течение двух лет, так найдётся кто-нибудь, кто прочтает и между строк. И тогда бздец тебе, парень, в армии придёт.

– Не пугай, не боюсь. Я за эти годы научился скрывать свою ориентацию. Как-нибудь и там справлюсь.

– Ну-ну. И давно ты скрывать своё подлинное «я» научился?

- Лет с двенадцати.
- Ты что, серьёзно? Ты с двенадцати лет гей?
- А ты со скольких лет за девчонками бегать начал?
- Ну да, в принципе. Ещё раньше, лет с семи, наверное.

– У меня брат двоюродный есть, мы с ним погодки, Колька старший. Он в тринадцать лет познакомился с девчонкой и назначил ей свидание, а на мне решил целоваться поучиться. Ну вот и нацеловал, что я в него втрескался по самые уши. Бегал за ним, как на привязи. Ревновал страшно. Даже ревел по ночам.

– А он что?

– Колька сначала думал, что я как сопля младшая, хвостом за ним увязываюсь. Ну а потом понял всё, когда я его девчонке козни и мелкие пакости строить стал. Он как-то после одной такой моей выходки схватил меня за шкварник и поволок выкидывать из своей квартиры. А я разревелся в подъезде и что-то там ему ляпнул, не помню уже. Вечером он к нам пришёл и чуть душу из меня не вытряс. Я ему и сознался. А он фингал мне под глаз поставил и нос разбил. Не рассказал никому ничего только потому, что сам меня подбил на эти поцелуи. Вот тогда я и понял, что никто не должен знать, что у меня на душе и в штанах творится. Я даже с девочками встречаться стал. Менял их как перчатки, когда стал постарше. Как только дело дальше поцелуев начинало заходить, так я якобы в другую влюблялся. И все думали, что я крут. Даже Колька. Мы, кстати, с ним потом помирились и о том случае ни разу не вспоминали.

– А сейчас он правду знает?

– Нет. Он служить ушёл и по контракту там остался. Не приезжал ещё домой. Так что новости до него пока не дошли.

– Так ты с девчонками вообще ни разу не пробовал?

– Ну, не считая, что одна пьяная дура мне минет сделала, не пробовал.

– А вдруг бы тебе понравилось?

– Я целуюсь-то с ними через силу.

– Ну а после брата своего ты ещё влюблялся?

Красивые губы изогнулись в горькой усмешке.

– Влюблялся, конечно. В восьмом классе к нам из другой школы пацан перевёлся. Мы с ним даже приятелями стали. Но я, как только понял, что втрескался, стал держаться от него подальше, чтоб не спалиться. Он завёл себе другого друга. А я был весёлым, хорошим симпатягой, приятелем для всех и каждого, но никогда не знал, что такое настоящая дружба. Так что, когда я перестал скрывать, что я гей, все как-то потихоньку, молча исчезли из поля моего зрения. Пара парней, которых я считал не друзьями, но близкими приятелями, просто стали очень сильно занятыми, когда я им звонил. Ну а мой телефон с тех пор так вообще молчит.

– Да, нелегко быть геєм, не расслабишься. – Славян зевнул, устраиваясь поудобней и закутываясь в своё одеяло по самые уши.

Заметив это, Максим засмеялся и тоже укутался в выделенный ему плед чуть ли не с головой. Его приглушённое «Спокойной ночи» Славка услышал уже сквозь сон.

Воскресное утро принесло с собой первый снег и ощутимые заморозки.

Любовь Ивановна суежилась у печки, кашеварила да пекла, чтоб накормить внуков свежими булочками да блинчиками. Артём спозаранку ковырялся в машине. Его напарник заболел, и ему разрешили взять её на выходные. Он хотел уехать домой сразу после завтрака, чтобы выехать поработать.

Мать, пользуясь, что они на машине, приготовила гостинцы Серёге. И как Артём не объяснял ей, что он даже не знает, где тот живёт, и не собирается к нему заезжать, она слушать ничего не хотела. Обвинила его, что он совсем о брате не заботится, не интересуется его жизнью. Вот что за кралою тот себе нашёл? Неужели Артёму не интересно, с кем живет его брат?

И всё утро в этом духе. Да ещё Наталья масла в огонь подлила. Когда мать предложила выгрузить гостинцы у них, чтобы Серёга потом за ними заехал, она радостно подтвердила, что это хорошая идея и они так и сделают.

И Артёму ничего не оставалось, как сгрузить всё это к себе в машину. Внутри всё кипело, и, пока мать возилась в кухне, он в комнате шипел на Наталью:

– Какого хрена я должен этим пидорам продукты возить? Надо моему братцу своего пидорёныша молочком попоить, пусть на рынке купит или сам к матери едет. Я же сказал, что нехрен ему у нас делать. На фига ты встречаешь со своей добродетелью?

– Слушай, может, хватит уже. Детей перебудуишь. Не хочешь его видеть, не надо. Мне плевать, что ты своего брата игнорируешь, я его вычёркивать из своей жизни и жизни своих детей не собираюсь. Отдам ему всё, когда тебя дома не будет. И почему ты решил за своих сыновей, что им родной дядька не нужен? Серёга всегда к ним хорошо относился. Тем более своих детей у него нет и не будет, по-видимому.

– Блядь, ну и упёртый вы народ, бабы. Тебе одно, ты другое. Приедем домой, там поговорим. – Артём со злостью развернулся и выскочил во двор. И теперь возился с машиной, лишь бы в дом не заходить.

Любовь Ивановна не могла налюбоваться на внуков. Соскучилась по ним, да и вообще не привыкла она, что одна в доме. Тяготило её это одиночество. Через недельку, как только Артём с Сергеем зарежут свиней, она попросит Наталью оставить внучат у неё. Чего им в городе газами дышать. Здесь вон воздух какой чистый, да и ребятишек много. Внукам нескучно у неё будет. В огороде снеговиков налепят, на горку с соседскими детьми ходить будут. На следующий год старшенькому в школу, пусть хоть эту зиму у бабушки погостят.

Пятилетний Андрейка потянул задумавшуюся бабушку за рукав.

– Баба, а пидор – это нехорошее слово?

– Господи, дитятко, ты где такое услышал-то? Нельзя такое слово говорить.

– Папа сказал, что дядя Серёжа пидор. Ты ему ремня дашь за то, что он на дядю Серёжу обзывается?

– Конечно, солнышко, обязательно ремня дам. Бегите, играйте и у папы таким словам не учитесь.

Любовь Ивановна, озадаченная, решила поговорить с Натальей. Что это за матерки на брата у Артёма с языка срываются?

– Наташа, а Тёмка с Сергеем что, поругались? Что между ними произошло?

– С чего вы взяли? Нормально у них всё, не переживайте.

– Да как не переживать? Я вообще ничего понять не могу. Серёга эту мадам свою скрывает. Артём, как только я о нём заговорю, чернее тучи становится. И что это за маты на брата? Сроду таких слов от Тёмки услышать не ожидала.

– Каких слов? Что он вам сказал?

– Да не он. Ребятишки слышали, как он Сергея матом обозвал. Да ещё каким! стыдоба.

Наталья покраснела, вспоминая слова, которыми Артём осыпал Сергея.

– Да вы слушайте их больше, ребятишек. Это Тёмка не на нашего Серёгу матерился, а по работе, на слесарей. Видите же, что в машине ковыряется. Что-то там барахлит у него. А с Серёгой нормально всё, чего им делить-то. Ну а что Серёжка никому свою новую любовь не показывает, так успеется ещё. Времени-то всего ничего прошло. Может, он ещё не уверен, что жить с ней будет. Не переживайте.

Успокоив вынужденным враньём свекровь, Наталья решила сегодня же позвонить Сергею и сказать, чтобы он не слушал своего гомофобного братца и приезжал к ним, когда захочет.

Серёга собирался на работу с неохотой. Была даже мысль не выезжать сегодня. Всё-таки без шипов ездить по такому гололёду рискованно. Но если не выезжать, то и денег на резину не заработаешь. Макс и Славка, проболтавшие полночи, всё ещё дрыхли, а Ромка пыхтел над конспектами с утра пораньше.

Про Макса они со вчерашнего дня не обмолвились ни словом.

Ромка не заикался о нём, как будто тот не спал на кухне, а Серёга боялся заикнуться. Он хотел было разбудить Максима и спросить, не подбросить ли его домой, но не знал, как Роман отреагирует на его инициативу. Оставлять же Макса в своё отсутствие почему-то не хотелось. Мысли, что он может пригласиться Ромке, даже не возникло. Сергей интуитивно чувствовал, что Макс ему в этом смысле не конкурент. И Ромке, и Максиму нужен был парень постарше их, сильный, здоровый, как Серёга. Друг на друга они бы не клюнули. Хотя Слава ровесник Макса и не такой уж и здоровый. Ростом, конечно, Серёге не уступает, но вот мускулатура подкачала. А Макс ведь вчера на Славу нет-нет, да и зыркнет. И ночью они ещё долго шептались и хихикали. У Серого шевельнулось в груди что-то вроде ревности. «Опять! Вот какого хрена у меня мозги на этого Макса сворачивают. Ну хихикали они со Славой, мне-то что до этого? Да пусть они хоть трахаются!» Серёга злился на себя.

Нужно было избавляться от этого дурацкого наваждения под названием Макс.

Глава 14

Ромка заглянул на кухню – эти два гаврика всё ещё дрыхли. Ему хотелось чаю – горячего, крепкого, с молоком и тремя ложками сахара... Он не мог полноценно сосредоточиться на зубрёжке, так хотелось возделенного напитка. Никакой возможности вскипятить чай, не разбудив спящих, не было – матрас занимал всё пространство, и к чайнику не добраться.

Ромка перегнулся через Макса, пытаясь растолкать Славку, но тот только буркнул что-то и, дёрнув во сне Романа за руку, перевернулся на другой бок. Не удержавшись на корточках, в полусогнутом положении, Ромка плюхнулся прямо на спящего Максима.

Тот от неожиданности заорал, переполошив Славку. Роман пытался принять вертикальное положение, но за ночь матрас сдулся, и вместо твёрдой точки опоры руки натыкались то на Макса, то на Славку, то между складками матраса. В конце концов, бросив попытку подняться с проснувшихся и ржущих парней, он завалился на них полностью, создавая кучу-малу. Намаяв друг другу бока, нахохотавшись, запыхавшись от этой возни, тяжело дыша, они лежали на матрасе, вставать совершенно не хотелось, так было хорошо. Как в детстве, когда накатаешься в шуточной борьбе с друзьями где-нибудь на зелёной травке, а потом лежишь и смотришь в небо, фантазируя, на что похоже проплывающее облако.

– Ладно, лежи не лежи, надо вставать. Мне к Ольге ехать на дачу, помочь банки с заготовками привезти. – Славка поднялся первым.

Он быстро собрался, даже завтракать не стал, сказав, что есть с похмелья не может. Макс тоже начал собираться домой, чтобы выйти со Славкой вместе.

– Слав, ты меня-то подожди, я сейчас чай допью быстро и пойдём.

– Не, я побежал. Ты что, дорогу без меня не найдёшь, что ли?

– Да найду. Просто неудобно как-то, вышли бы в одни двери. Я только не могу, как ты, чай не попив. Может, подождёшь?

– Да ты не торопись, тебя гонит, что ли, кто? Пей свой чай... Пока. Ромчик, я сегодня на дежурство, меня не ждите.

И, не дав Максиму опомниться, Славка выскочил за дверь. Позавтракав, Роман вновь сел за конспекты. А Максим, попив чай, спросил у Ромки разрешения принять ванну. Получив добро, набрал горячей воды, с удовольствием погрузив в неё тело.

– Кайф. – Он, расслабившись, закрыл глаза.

Ромка совсем забыл о Максе и, только направившись в туалет и увидев горящий свет в ванной, вспомнил, что тот уже больше часа, как мыться пошёл.

– Эй, Максим, ты, часом, не утонул? – Он постучал в дверь.

«М-да, а в ответ тишина. Ну точно, сейчас дверь открою, а там труп плавает». Роман открыл дверь в ванную и не сдержал смех, видя такую картину: Максим, развалившись, подоткнув полотенце под голову и высунув из ванны одну ногу, дрых. Дрых так, что храп стоял.

– Эй, русалка, просыпайся! Не замёрз ещё? Вода-то остыла уже, наверное!

Максим вздрогнул, хрюкнул со сна что-то нечленораздельное, нахлебался воды и только тогда окончательно проснулся.

– Ой, блин, уснул. – Он отплёвывался от воды, попавшей в рот и нос.

Ромка, уже не сдерживаясь, хохотал, глядя, как Макс мотает головой, изображая фыркающего моржа. Полотенце, подложенное под голову, свалилось в воду, и Роман принёс Максиму другое. Тот уже выбрался из ванны и стоял голый и мокрый, выбивая зубами дробь. Ромка накинул на него полотенце и зачем-то начал его вытирать. И только когда поднял глаза и встретился с удивлённым взглядом, врубился, что он что-то не то творит. Ойкнув, он отдёргнул руки вместе с полотенцем и выскочил из ванной, оставив недоумённого Максима снова голым.

– Ром, полотенце-то отдай!

– Ой, извини. – И полотенце упало к ногам через чуть приоткрывшуюся дверь.

Работа, как говорится, пёрла. Вопреки ожиданиям Сергея, дороги посыпали, и ездить было нормально. Вызовов было много, и у Серёги даже азарт появился. Он, довольный, пересчитывал выручку за несколько часов работы, когда зазвонил телефон. Схватив трубку, не поглядев на дисплей и будучи уверенным, что звонит Ромка, он радостно сообщил.

– Ромчик, я на обед не приеду. Работа прёт! Перекушу шашлыком или чебуреками, так что ты меня не жди. И не обижайся. Солнце, пока заработки идут, надо их срубить!

Услышав в ответ вместо Ромкиного голоса невнятное и непонятное «Кмх, кмх», он оторвал телефон от уха и посмотрел всё же на дисплей. Трубка чуть не выпала из руки, когда он увидел, кто звонит.

– Наташ, что случилось? Что с Тёмкой?!

– Оглушишь! Ты что орёшь, оглашенный! Ничего не случилось. Я просто звоню! Что, нельзя? Или ты меня не рад слышать?

Серёгу немного отпустило. Когда он увидел, что звонит Тёмкина жена, первым делом почему-то возникла мысль, что Артём попал в аварию.

– Рад, конечно. Но ты меня напугала, я думал, что что-то случилось. – И только тут до Серёги дошло, что он только что выдал Наталье в трубку. Особенно всплыло – «солнце». Блин, вот попал! Хоть он и подозревал, что Артём рассказал про них с Романом жене, но как-то всё равно было не по себе.

– Серёж, ты сегодня можешь к нам заехать? Здесь тебе мать гостинцев передала.

– Нат, я не знаю, в курсе ли ты, но мы с Тёмкой поругались и он не горит желанием видеть меня у вас.

– Да в курсе я. Он мне всё рассказал. Придурок он. Серёга, я всегда рада тебя видеть. И я думаю, ты хоть немного по племянникам-то скучаешь. Или как?

– Конечно, скучаю! Я по вам всем скучаю! Но Артём не хочет иметь такого брата.

– Серёга, под лежащий камень вода не течёт! Что ты сделал, чтобы он тебя понял? Чего ты руки-то опустил? Ты же мужик, в конце концов! Ты приедешь или нет?

– Приеду. Только я сейчас на работе. К вечеру ближе нормально будет?

– Нормально. Как время появится, так и приезжай. Я дома. Тёмка на работе. Так что, может, его и дома-то ещё не будет. Приедешь, поговорим. Всё, жду.

«Да, блин, так оконфузиться! И чего это вдруг я полез вытирать этого Макса?» – Ромка сам от себя офигел. И главное, что он даже не понял, как это получилось и с какой стати. Стыдно было ужасно. Он уткнулся в тетради, не видя в них ни строчки. И, когда услышал шаги за своей спиной, не обернулся.

– Ром, ты меня извини, что я уснул. Сейчас волосы высохнут, и я сразу же уйду.

– Да ничего, ты мне не мешаешь, сиди. Чаю хочешь горячего? Замёрз, наверное, в холодной воде? – Ромка заставил себя обернуться. Макс, одетый, стоял, облокотившись на дверной косяк. Даже куртку уже надел. – Ого! Ты что, так замёрз, что в куртку влез? Дома вроде не холодно, чай попьёшь и согреешься.

– Да нет, я просто уже выходить хотел, да вспомнил, что волосы мокрые, а на улице минусовая температура. Мне неудобно как-то. На день рождения свой к вам напросился и сейчас вот всё уйти не могу.

– Неудобно на потолок спать. Ты мне не мешаешь, я же уже тебе сказал. Так что снимай куртку, пошли чай попьем. Тебя ждёт кто-нибудь?

– Нет, никто не ждет. Адын, савсэм адын!

– Ну вот! Я тоже сегодня адын, савсэм адын! Скучно! Так что оставайся, Серый с работы приедет, и увезём тебя домой. А если спать хочешь, так вон на диване располагайся, можешь вздремнуть. Вы же со Славой полночи, наверное, проболтали?

– Да есть немного. Но я, кажется, выспался. Может, тебе по учёбе чего помочь? Могу конспекты переписывать.

– О, здорово! А то мне ещё писать и писать. Я пропустил почти две недели, так что много писанины. Буду благодарен, если поможешь.

– Не проблема! Помогу!

Неловкость ушла. С Максом было легко, как с приятелем, которого знаешь давно.

Серёга позвонил и сообщил, что едет вечером к брату. Ромка был за него рад, хоть Серый и сказал, что радоваться особо нечему. Что инициатива встречи исходит не от Артёма, а от его жены.

– Серёж, но это ведь хоть какой-то сдвиг. Попытка не пытка. Может, и Тёмыч согласится тебя увидеть. Ты подарки племянникам купи и Наталье что-нибудь. В общем, возьми гостинцев каких-нибудь.

– Ромчик, я же не дурак. Ну ладно, а ты-то чем занимаешься?

– Мы с Максимом конспекты переписываем. Он мне помогает. Прикинь, он в ванне заснул.

– В ванне?

– Ну да. В ванне, а что?

– Да нет, ничего. А Славка где?

– К Ольге уехал, утром ещё.

– Ясно. Значит, вы там одни.

До Ромки наконец дошло, почему у Серого вдруг стал такой недовольный тон и почему он переспросил про ванну.

– Серёга, ты опять за старое? Опять Отелло из себя строишь?

– Прости. Всё, я понял. Заткнулся. Чего вкусенького купить? Что ты хочешь?

– Да ничего вроде не хочу. Не надо ничего. Не трать деньги. Отложи лучше на резину.

– Ладно, до вечера. Не шалите там!

– Давай, Отелло, блин. Пока.

Максим улыбался, слушая их разговор.

– Что, приревновал тебя ко мне?

– Да ну его. Достал.

– А к кому ещё ревнует? К Славке?

– Ну, это у нас, слава богу, пройденный этап.

– Правда, что ли, ревновал?

– И к Славке, и к Сашке.

– А Сашка – это у нас кто?

– Сашка – это Сашка! Мне он так же дорог, как и Серёга!

– Так, я теперь не отстану, пока не скажешь, что это за чел такой. И Серый об этом знает? Тогда я б на его месте тоже ревновал.

Ромка засмеялся.

– Знает, конечно. Он не против! – Ромка улыбался, не торопясь признаваться, что Саня ему как брат.

– Нифига заявочки! Здесь, значит, ни одного поймать не можешь, а у некоторых аж по двое! – Максим соорудил комичную рожицу.

– Санька – это мой друг. Мы с ним с детства вместе. Он мне как брат. Так что не завидуй.

– Ага, не завидуй! И друг у него есть, и брат, и сват, и Славка, и Серёга, а здесь сидишь как дурак – один и без подарка!

Максим надул демонстративно щёки, как в детстве дети делают, и Ромка, не удержавшись, ткнул в них пальцами. Щёки сдулись, издав неприличный звук, вызвав у Ромки смех.

Ромке было весело с Максом, а Максиму, по-видимому, нравилось его смешить. Следующие полчаса Ромка во всех красках расписывал Саню. И какой он классный друг, и как девчонки за ним бегают, и как вкусно он готовит!

– Ну всё, я влюблён! Когда познакомишь?

– Опс, – Ромка осёкся, – э, блин. Он не такой!

– Какой не такой? – Макс специально подначивал Ромку, хоть и прекрасно понял, какой «не такой» Саня.

Ему было просто весело и приятно наблюдать, как щёки Ромки вспыхивали, как он терялся и конфузился.

– Ну, он не как мы! В общем, он только с девчонками встречается!

– Да ну! Прямо уж только с девчонками. – Макс хитро сощурил глаза.

– Да Саня на парней даже не взглянет, он не такой, – распалялся Ромка.

Макс не был искушённым соблазнителем, вернее, он вообще в этом смысле даже тютей-матютей был. Всегда боялся открыться в своих чувствах и хоть как-то дать понять, что парень ему нравится. Исключением был только один случай, и этим случаем был Серёга. Тогда, в такси, на Макса как накатило, он сам не знал, что вдруг на него нашло. Но пускать пыль в глаза, что он ещё тот ловелас, он любил. А Ромка прямо сам напрашивался, чтобы его дразнили.

– Спорим, я твоего Саню раскручу на трах?

– Чего? Да Сашка в жизни не станет с парнем трахаться!

– Ну, значит, ты выиграешь! На что спорим?

– А ты что, в Новокузнецк его соблазнять поедешь?

– Зачем? Сам приедет когда-нибудь. Ты мне только дай знать. Ну, так на что спорим?

– На ящик пива.

– Лады. Договорились. Звони Сане, зови в гости.

– Как он, по-твоему, приедет, он учится, вообще-то.

– Следующие выходные будут длинные. Праздник. Забыл?

– Ладно, позвоню – готовь ящик пива!

Артём уехал на работу, совсем переругавшись с женой из-за братца. Когда они возвращались от матери, он хотел ей что-то сказать, сейчас он уже и сам не помнил, что именно, но что это Серёги не касалось, это точно. И только он рот открыл, как она его решительно перебила:

– Лучше заткнись. Ты и так до фига наговорил.

– Чего? Что за муха тебя укусила? Чего это я наговорил?

– Давай при детях не будем. Я и так тебя от матери отмазывала после твоих матов на Серёгу!

– В смысле?

– В смысле, просто веди сейчас машину, молча, потом поговорим.

Дома, когда дети были у себя в комнате и играли в игровую приставку, Наталья нежно обняла мужа, при этом совсем не ласково, а с шипящими нотками, зашептала ему в ухо:

– Благодаря тебе, милый, наши дети знают теперь слово пидорас, а твоя мама ломает голову, за что ты так неласково называешь брата. Доволен?

– Охренеть! Этот гандон с мужиками спит, а я ещё и виноват! Я что, теперь по головке гладить его должен и молчать в тряпочку?!

– Ну так иди, расскажи всё матери! Давай, тебе же никого не жалко! Ни Серёгу, ни мать! Тебе похрен, что твои дети слышат, как ты своего брата кроешь!

– Я над тобой балдею! У тебя получается, что Серёга весь хороший такой, а я монстр и козёл!

– Я так не говорила! Я просто прошу тебя прекратить его оскорблять, особенно при детях! Прекратить перекашивать свою морду при его имени, это уже даже мать заметила. И сегодня, когда он придёт за пакетами, не устраивать сцен, понял?

– А я тебе сказал, что ему нехрен у нас делать. Приедет, спусти пакеты вниз или в подъезде отдай! Порог нашего дома он не переступит!

– А ты что, один здесь живёшь? А если бы у меня брат был голубым, ты бы мне запретил к нам домой его пускать, так получается?

– У тебя нормальный брат, слава богу!

– Да какая, к чёрту, разница! Серый тоже вроде нормальным был! Дело не в том, что нормальный у меня брат или нет, а в том, что ты эгоист, каких свет не видывал! Получается, ты в доме хозяин, а я никто! И люди, которые тебе не нравятся, ко мне и прийти не могут!

Наталя уже давно не обнимала Артёма, а стояла, нависнув над ним, упираясь руками в подлокотники кресла. Она говорила негромко, но таким тоном, что Артёму казалось, что она кричит.

– Ты чего привязалась? Чего ты от меня хочешь? Чтобы я радовался приходу братца-гомосека? – Артёма этот разговор раздражал.

В душе он понимал, что глупо себя ведёт и своим поведением может навредить матери. Что встреч с Серым не избежать. Рано или поздно им придётся столкнуться, если уж не у себя дома, то в деревне точно. На следующих выходных – колоть поросят, что они делали всегда вместе. Если кто-то из них не приедет, мать будет переживать и начнёт подозревать, что они поругались. Да и в душе он не чувствовал уже той злости на Серёгу. И это его бесило больше всего! Получается, что его брат педик, а он готов его простить. Но ведь это неправильно. Не дай бог кто узнает! Как он в глаза людям смотреть будет? Да ведь его мужики на работе не поймут. Каждый бы из них пришиб такого братца! Никто бы не стал терпеть брата-гомика!

– Ты меня слушаешь? – голос жены выдернул из его мыслей.

– Что?

– Ты не будешь устраивать скандал, даже если Серёга будет сидеть и пить у нас чай! И ты не будешь запрещать ему видаться с детьми. Они его племянники.

– Они мои сыновья, в первую очередь! И я не хочу, чтобы они общались с педиком!

– Они наши сыновья! НАШИ, а не твои! И они будут общаться не с педиком, а со своим родным дядей! И уж им самим решать, когда повзрослеют, как им относиться к тому, что их любящий дядька голубой. Понял?

– Пока они маленькие, решать мне!

– Нет, дорогой, не тебе, а нам! И я решила, что не собираюсь лишать Серёгу родственников только потому, что он гей.

– А на моё мнение тебе, значит, плевать? Ты решила! А я против, поняла?

– А ты у детей спроси, соскучились они по дядьке? И что мать твоя скажет, когда те же ребятишки выдадут ей, что они его не видят?

– Блядь! Наталя! Никогда не думал, что ты такая стервозная!

– Ты идиот, Артём! Ты мне ещё спасибо потом за это скажешь.

– Делайте, что хотите. Позвонишь, когда он уедет. Я с ним встречаться не собираюсь. Домой приеду, когда его здесь не будет.

Серёга стоял у двери квартиры Артёма, не решаясь нажать на звонок. Чувствовал себя, как десятиклассник на экзамене. Ему очень хотелось, чтобы брат был дома, и в то же время он этого боялся, боялся до дрожи в коленях. Во рту от волнения пересохло, в висках стучало, а дыхание стало тяжёлым, как будто он бежал и запыхался. Наконец он решился и нажал на кнопку звонка. За дверью послышался топот ног и крики племянников:

– Мама, это дядя Серёжа пришёл, открывай быстрее!

У Серёги горло спазмом перехватило – его ждали, племяши по нему соскучились! Да хрен он от них откажется, наоборот, теперь он будет к ним внимательней, будет их водить в кино, цирк, брать на рыбалку. Лишь бы Наталья позволила. Сноха открыла ему дверь, на нём тут же повисли племянники. Серёга расцеловал их и почувствовал прилив нежности.

Нужно было испытать страх, что можешь потерять родных людей, чтобы понять, как ты их любишь. И ещё Серёга понял, когда прижимал к себе ребятшек, когда они чмокали его в щеки и цеплялись ручонками за шею, что своих детей у него не будет, а значит, всю любовь, которую он мог бы им дать, он просто обязан отдать племяшам. Андрейка и Костик, насидевшись на коленях у дядьки целых пятнадцать минут, что было большим рекордом для таких непосед, как они, убежали в комнату играть в машинки с управлением, которые он им купил. Серёга не знал, как себя вести при снохе. Он молча пил чай, уткнувшись в чашку и не поднимая глаз на Наталью. Она же всё понимала, поэтому вела себя как обычно, как будто ничего не случилось.

– Где живёшь? У Ромки?

– Угу. Нат, ты-то как всё это воспринимаешь?

– Как тебе сказать? Конечно, поначалу, как только Тёмка мне рассказал, была в шоке. Но потом поразмыслила и поняла, что это не моё дело. Жизнь твоя, и тебе решать, что с ней делать и с кем её провести. Артёма я пока в этом убедить не могу, но сегодня я, кажется, отвоевала для тебя право видиться со мной и племянниками. Дай время, Тёмка успокоится, и если не примет всё как есть, то хоть, может, избегать тебя не будет. Помиритесь, вы же братья.

– Тёмыч меня даже видеть не хочет. Он готов со мной помириться, если я Ромку брошу. Но я не могу. Я его люблю, как бы это по-дурачки ни звучало. Я люблю парня, и ничего не могу с этим сделать.

– Я тебе верю, Серёж. Дай Тёмке время, всё утрясётся, вот увидишь. А Ромкины родители в курсе?

– В курсе. Пришлось рассказать.

– И что? Что они на это сказали? Неужели приняли вот так, сразу? Или они знали уже, что Ромка голубь?

– Ну у тебя и жаргончик! Где только научилась? – Серёгу рассмешило выражение, которым Наталья наградила Ромку. – Нет, конечно, ничего они не знали. Просто сын есть сын. И они его любят.

– У него же мать, кажется, только, а отец не родной? Неужели и отчим спокойно всё принял?

– Ну, наверное, если женщину так любишь, как Серёга Анну, то и детей её тоже любишь, как своих. А он любит, это видно. Даже по тому, как переживал тогда, когда я Ромку нашёл на дороге.

– Завидую я Анне. Молодец, хорошего отца своим детям нашла.

– Наташ, ты это чего? Чем тебе Артём плохой отец?!

– Я не говорю, что он плохой. Но, знаешь, если он с тобой не помирится, то где гарантия, что своего ребёнка с такой ориентацией Артём сможет принять? В жизни всякое бывает, мало ли, какие у нас дети вырастут.

– Хочешь сказать, вдруг в дядьку пойдут? – Серёга грустно улыбнулся. – Не дай бог. Пусть лучше девчонок любят, одного урода на семью хватит. Не зря же есть поговорка «В семье не без урода» – это про меня.

– Не говори ерунды. Никакой ты не урод. Уроды – это те, для кого человеческая жизнь ничего не стоит. А ты просто не такой, как все. И не ты один, так что нехрен себя жалеть. Радуйся, что ты любишь и любим.

– Я радуюсь. Мать только жалко. Не дай бог узнает. Я даже не представляю, как она это воспримет. У Ромки-то родичи современные, более продвинутые, что ли.

– Ну, пока можешь скрывать, лучше ей об этом не знать. А вот как дальше? Ты же не сможешь всю жизнь прятаться. Она сейчас уже беспокоится за тебя. Ей хочется новую сноху увидеть. Знать, где и как ты живёшь. Она мать, а от матери ничего не скроешь.

– Да знаю я. Ладно, Наташ, поеду. Спасибо тебе за всё. Артёму передай привет и скажи, что мне его не хватает, что я скучаю.

– Давай, счастливо. Обязательно скажу.

Серёга обнял ребятшек, пообещал приехать ещё. И, уже выходя из квартиры, вспомнил, что через два дня праздник и выходные, а значит, нужно колоть свиней.

– Наташ, ты поговори, пожалуйста, с Тёмычем, чтобы он при матери хоть меня не игнорировал. Поросят ведь вместе колоть на днях придётся.

– Точно! Вот и случай вам поговорить по душам. А я тоже с детьми поеду к матери, при мне Артём будет сдержанней. И я ему воспитательное напутствие проведу, не беспокойся.

– Спасибо.

Домой Серёга приехал в приподнятом настроении. Макса он не застал. Тот не стал его дожидаться. Ромка, видя, что у Серого улыбка до ушей, прижался к нему, целуя в щёки, губы, нос и приговаривая после каждого поцелуя:

– Ну не тяни, рассказывай. Помирились?

– Нет. Но есть надежда, что всё-таки помиримся. Натка молодец! Супер-баба!

– Э, ты смотри мне, а то заревную.

– А сам-то, сам! Чем это вы здесь с Максом без меня весь день занимались?

Ромка тут же состряпал невинную рожицу.

– Ничем таким. – Его руки забрались Серому под свитер.

– Каким таким?

– Ну вот таким. – Ромкины пальцы потербели Серёгины соски, а губы переместились со скулы на шею.

– А таким вы тоже не занимались? – Серёга стянул с Романа майку и стал покусывать его кожу на груди.

– Не-а, не занимались. – Ромка, смеясь, начал стягивать свитер с Серого.

– Славка на дежурстве?

– Угу, – мычание в Серёгину шею.

– Значит, у нас вся ночь вперёди?

– Угу, – откуда-то из-под мышки.

– Ну всё, держись, Ромчик! Я тебя сегодня затрахую!

Ромка засмеялся и потащил Серёгу к дивану.

– Ну начинай уже, трахальщик-террорист.

Глава 15

Наталя подняла мужа ни свет, ни заря. Вечером накануне звонила Любовь Ивановна, она просила приехать пораньше, чтобы с первого заколотого поросёнка они с Натальей успели наделать тушёнки и колбасы.

Погода устоялась. Снег уже не таял, и решили, что зарежут всех четырёх свинок зараз. Сергей тоже должен был приехать пораньше. Наталя уже выела Артёму все мозги на тему примирения с братом. В итоге так достала, что он пообещал ей при матери не подавать вида, что они в ссоре, и держаться с Сергеем, как ни в чём не бывало.

Артём пытался настроиться на такое отношение, но получалось плохо. Чем ближе они подъезжали к деревне, тем больше он заводил себя своим нежеланием видеть младшего брата. В итоге приехал к матери уже порядком раздражённый и мрачный.

Сергея ещё не было, что разозлило его ещё больше.

– Ну и где его черти носят? Задницу свою от тёплой постели отодрать не может, что ли?

– Я думала, вы вместе приедете. Сейчас позвоню, узнаю, где он, – мать укоризненно глянула на Артёма и взялась за телефон.

Серёга уже подъезжал к деревне, ехал медленно, осторожно.

Когда позвонила мать и сказала, что Тёмка уже приехал, захотелось закурить. Как вести себя с братом? Как тот отреагирует на него? Ему так хотелось вернуть их прежние отношения. Ночью он спал плохо, переживал за предстоящую встречу. Да ещё Ромка отчебучил фортель. Они с Максимом, оказывается, поспорили, что тот затащит Саню в постель. Ромка позвонил Саньке с просьбой приехать. Тот и сам собирался к ним, даже билеты на поезд уже купил. Приедет на всю неделю. Помимо выходных и праздника отпросился в училище ещё на три дня. И теперь Роман переживал за свою глупость и не знал, сказать Сане об их с Максимом споре или нет. В общем, ночка у них была ещё та.

А день у обоих предстоял не лучше. У Серёги с братом, а у Ромки с Саней и Максом. Макс тоже хорош, а ещё говорит, что не пробовал ни разу. С трудом верится. Блядь ещё та, походу. Серёге было неприятно так думать о нём, но выводы после этого спора напрашивались не очень хорошие, и было так мерзостно, как будто его обманули и извальяли в грязи.

Подъехав к дому матери, увидел кутивших во дворе Артёма и соседа.

С соседом поздоровался по ручке, а вот брату руку пожать не решился. Тот молчком кивнул на приветствие Сергея и зашёл в дом. Сосед, пообещав подойти, ушёл. Серёга потоптался во дворе и с тревожным сердцем пошёл следом за Артёмом. Поцеловав мать, сгрёб в охапку племяшей, которые повисли на нём, как только он порог переступил. Артём прикрикнул на детей, чтобы отцепились от дядьки и не путались под ногами. Наталья неодобрительно глянула на мужа, а мать, смягчая обстановку, увлекла детей в кухню, кормить. Наталья тоже вдруг есть захотела и улизнула, оставив братьев одних.

Артём уже переоделся в рабочую одежду и, прежде чем Серёга успел рот открыть, чтобы хоть что-то сказать, вышел из комнаты, бросив ему раздражённо:

– Чего встал, переодевайся да пошли уже. Быстрей справимся, быстрей разъедемся.

Славка ворчал на Ромку, что тот поднял его в такую рань.

– Ничего не рань. Восьмой час уже, сейчас Саня приедет. У него поезд в восемь приходит, он сказал, что тачку с вокзала возьмёт, так что вставай, освобождай кухню. Если хочешь, перебирайся спать на диван.

– Ага, сдался мне ваш траходром. Мне и здесь, на матрасе, хорошо.

– Ну, Слав, будь человеком, вставай. Мне ещё поговорить с тобой надо, посоветоваться.

Славка нехотя встал и пошёл умываться.

– Матрас тогда тебе сдувать и складывать.

– Сложу, сложу, давай быстрее только мойся, а то мне до Санькиного приезда успеть надо поговорить.

– Что-то новенькое. Секреты от Санька? С чего это вдруг?

– Иди уже.

Когда они сидели и пили чай, Ромка рассказал про спор с Максимом.

– Ну вы и придурки! Нашли о чём спорить! Даже не знаю, что тебе сказать. Может тебе просто не звонить Максиму, да и всё. А если он спросит, скажи, что Саня не приехал.

– Да в том-то и дело, что после того, как я Саньке позвонил, звякнул и Максиму. Ну завёл меня этот спор. Я же в Сане на все сто уверен. Так что проиграть не боюсь. Я просто боюсь реакции Сани на Макса, вдруг он ему в морду даст? Что делать, а?

– Расскажи ему всё. А то ведь и вправду может не сдержаться и заехать этому идиоту в лобешник.

Санька приехал с огромными сумками. Ромкина мамка передала кучу всяких гостинцев и деньги.

– О, пируем!!! Сколько всего! – Славян первым делом начал опустошать сумки. Соорудив по-быстрому нехитрую закуску, достал ещё вчера купленную бутылку водки.

– Ты что, с утра пить собрался? – Ромка покосился на запотевшую бутылку.

– Ну а чё? Какая разница-то? За Санькин приезд по чуть-чуть. А вечером, если что, продолжим, когда Серый приедет.

Поговорили о друзьях и подругах, о новостях, о матерях, и Ромка наконец решился сказать Сане о споре.

– Саш, здесь такое дело. У нас один знакомый появился, голубой.

– Хе, связями гейскими обрастаете? И? Зачем ты мне это говоришь? Познакомить меня, что ли, решил? Или тебе Серёги стало мало? Я что-то не пойму тебя, Ромчик.

Славка ехидненько смотрел на Ромку. Ему было интересно, как тот будет объяснять лучшему другу, что он является предметом спора. Да ещё какого спора. Он бы, например, обиделся на Сашкином месте.

– Ну, в общем да, познакомить. Он сегодня придёт в гости.

– Ром, ты, бля, охренел, что ли? Ты в каком смысле сейчас имеешь в виду – познакомить? Надеюсь, не в том, в каком я подумал?

– Нет, конечно. Это не то, что ты думаешь.

На этой Ромкиной фразе Славка не выдержал и выдал смешок. Саня с подозрением на него покосился.

– Слав, ты знаешь этого гома? Тебя с ним познакомили или такой чести только я удостоиться должен?

– Познакомили. – Славка похлопал Санька по плечу. – Не ссы, он нормальный пацан, только спорить любит. Да, Ромчик?

– В смысле? Ром, как эту фразу Славкину понимать?

Ромку бросило в жар. Вот на фиг Славка встрял, кто только его за язык тянул?!

– Сань, ты пива на халяву хочешь?

– Так, выкладывай давай! Ты что, поспорил о чём-то?

– Ну, в общем, я с Максом поспорил, что ты не поведёшься на парня никогда, и... – Ромка замялся, не зная как сказать.

– Что – и? Договаривай, не стесняйся! Я слушаю тебя, Ромчик, давай.

Сашкин резкий тон, не предвещал ничего хорошего. Ромка совсем стушевался, боясь смотреть Сане в глаза.

– Ну, что никогда в жизни не будешь с парнем.

– Что не буду? Трахаться? Ты на это поспорил?

– Да. Сань, прости, а? Ну я же поспорил, потому что на сто процентов в тебе уверен.

– А на что поспорил этот Макс? О чём именно спор? Раз уж я его предмет, давай, выкладывай всё.

Славка ретировался в комнату и негромко включил телевизор. Ему совсем не улыбалось быть свидетелем ссоры между друзьями. Сашка разозлился, это было видно по его сразу ставшему жёстким лицу, по заходившим желвакам, сжатым зубам. Он даже когда с Серёгой дрался, не выглядел таким злым.

– Ну, в общем, Макс решил тебя соблазнить. Сань, ну не злись.

– Ну, ну! Баранки гну! Блядь, Рома, я от тебя такой херни не ожидал! Херли ты ведёшься на всякую хрень? А я вот возьму и трахну этого твоего Макса! Как тебе такой вариант? Сколько пива проиграешь, а?

На Ромку было жалко смотреть. Он сидел красный, пришибленный и не знал, куда деть глаза.

– Да не в пиве дело. Я его и так, если хочешь, куплю. Я просто был уверен в тебе, поэтому и поспорил.

– Сколько пива? Сколько я стою, Ром?

– Сань, ну ты чего? При чём здесь это?

– Сколько? – Сашка гаркнул так, что Славка не выдержал и зашёл в кухню.

– Ящик, – чуть слышно прошептал Роман.

– Ящик, значит? Готовь, Ромчик, деньги. Трахну я Макса, назло тебе трахну! Чтоб в следующий раз спорить неповадно было.

– Охренеть! Сань, да ладно тебе! Чего ты так завёлся? Ну поспорили пацаны. Я понимаю, что тебе обидно, конечно, но Ромка раскаялся. Посмотри, на нём же лица нет.

– А пусть в следующий раз думает головой, а не задницей. Наливай.

Ромку как через мясорубку пропустили, настолько ему было хреново. Не физически, нет. Ему как будто все внутренности, всю душу пустили на фарш. Фарш – в груди, в голове, которая отказывалась что-либо соображать. Он молча, пытаясь не расплакаться, глотал водку, как воду, и старался не встречаться с Саней глазами.

Славка сбегал ещё в магазин, прикупив водочки в запас, на всякий пожарный, если будет мало. Он специально побежал, надеясь, что эти два придурка помирятся, пока его не будет. Но, вернувшись, застал всё ту же картину: понурый Ромка и слишком весёлый Санька. Наигранно весёлый, болтающий всякую ахинею, лишь бы не молчать.

Вечер наступил незаметно.

От звонка в дверь Роман чуть не подскочил. С испугом посмотрел на Саню, который в упор уставился на друга. На лице ухмылка, в глазах жесть.

– Ну что, доспорился? Да ладно, что ты так переживаешь? Подумаешь, ящик пива проиграешь, не так уж и дорого.

– Саня, не надо, пожалуйста.

– Надо, Рома. Надо. А то в следующий раз ты ещё с кем-нибудь о чём-нибудь поспоришь и встрянешь по полной.

– Я понял всё. Правда, понял. Не надо мне ничего доказывать. Я не хочу, чтобы ты меня потом ненавидел.

Договорить он не успел. Славка уже открыл дверь Макс, и они вошли на кухню.

Максим выглядел не лучше Ромки. Такой же красный, растерянный, испуганный. Он чувствовал накалённую обстановку, да и Славка успел ему шепнуть, когда открывал.

– Вот вы придурки с Ромкой. Встряли, спорщики хреновы.

Макс и не собирался осуществлять спор, он даже деньги на ящик пива уже приготовил. А пришёл он потому, что уж очень хотелось посидеть в компании, среди понравившихся ему людей. Хотелось познакомиться с человеком, который не предал дружбу, узнав, что друг гей.

Саня поднялся ему навстречу. Подал первым руку, улыбаясь, пожал её, задержав чуть дольше, чем надо, в своей. И Максима отпустило. Он улыбнулся в ответ, глядя прямо Сашке в глаза. Чуть стушевался от рукопожатия, это было так похоже на заигрывание, что он не знал, как реагировать. Славка, наблюдавший эту картину, молча покачал головой, глянул с сочувствием на замершего Ромку. Александр вёл себя так, как будто провоцировал Макса. Весело болтал, подливал Максиму водку в не успевающую пустеть рюмку. Мило, как девчонке, ему улыбался и всячески ухаживал – то хлебушек подаст, то огурчик в руку закусить сунет. Чем больше расслаблялся и улыбался Максим, тем больше мрачнели Ромка и Славка.

Славке, так же как и Роману, всё это не нравилось. Неправильно как-то всё это было. Не по-людски. А вот к кому не по-людски, к Сане или к Макс, Славян определить не мог. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, он не отставал от Сашки и рассказывал всякие смешные случаи из жизни знакомых и родственников.

Вдруг Сашка встал и с улыбкой протянул Максиму руку.

– Ну что, пойдём, что ли.

– Куда? – удивился тот. И не успели растерявшиеся Славка и Роман хоть что-то сказать, как Саня, с той же невозмутимой улыбкой, выдернул Макса из-за стола.

– В ванную. Здесь вроде как трахаться больше негде. Ну что застыл? Ты же хотел. Пошли, впиндюрю тебе по самое не хочу. Чтобы пиво не проиграл. А ты, Ромчик, сбегай пока, прикупи ящичек.

Максим стоял бледный, как стенка. Кулаки сжимались и разжимались. У него, по-видимому, было огромное желание заехать Сане по роже. Славка встал между ними.

– Сань, кончай. Ну придурки они, что с них возьмёшь. Прекращай, а?

Максим повернулся к такому же бледному Ромке. Вытащил из кармана деньги и бросил на стол.

– Саш, Ром, вы простите меня. Я пошутил тогда... Подразнить хотел. Ты, Ром, так про Саню рассказывал, так за него рьяно распинался, что я просто не смог удержаться, чтоб не подначить. Ладно, пойду я. Извините, ребята.

Он схватил куртку и выскочил за дверь... Саня устало опустил на стул.

– Ну вот и поучил. Обоих. Слава, иди за ним. Прогуляйтесь за пивом. А мы пока с Ромиком поговорим. Только возвращайтесь потом оба. Пацан вроде правда неплохой. Скажи, что я не злюсь. И трахать его не собирался. Так, попугать хотел. В общем, уговори вернуться.

Славу упрашивать не пришлось, он уже на ходу, надевая куртку, бросил Сане через плечо:

– Ну ты и придурок! А если бы он согласился?

Саня засмеялся:

– Ну, тогда бы я встрял.

Макс вышел из подъезда и присел на скамейку, стоявшую рядом. Ноги не слушались, а губы предательски дрожали. Пошарил по карманам в поисках сигарет. Как назло, ни одной. Пустая смятая пачка полетела в урну. Целую оставил в квартире, из которой выскочил с комом в горле и бешено колотящимся сердцем.

– Да ладно, чего разнюнился? Впервой тебе, что ли, мордой в грязь. Сам виноват. Саня прав, за базаром следить надо, – разговаривал он сам с собой, пытаясь унять, загнать поглубже предательские слёзы, обжигавшие на холодном воздухе лицо.

Дверь подъезда резко распахнулась, и Славка плюхнулся рядом, делая вид, что не замечает слёз в темноте.

– Пошли за пивом, горе-спорщик. Саня сказал, чтобы мы без него не возвращались.

– Мы?

– Мы, мы. Он меня за тобой послал. Хотя я и сам собирался. Переборщил он, конечно, но его тоже можно понять. Обидно, когда за твоей спиной спорят о тебе на ящик пива. Да ещё и лучший друг. Так что вы квиты. А с Ромкой они сейчас, думаю, помиряются. Ну так что? За пивом идёшь? А то я уже заоченел. Да и целых два ящика одному как-то тяжело переть.

– Два?

– Ага! Это чтобы вы в следующий раз знали, как и на что спорить. Думаю, справедливо!

Максим засмеялся, вытирая рукавом лицо и поднимаясь со скамейки.

– Ну, пошли, а то два ящика и правда не дотащишь. Да и жирно вам будет, обсикаетесь без меня пиво пить.

Глава 16

Ромка с удивлением смотрел на Саню, который, сложив руки на столе, уткнулся в них лицом. Плечи друга подозрительно тряслись, и он издавал какие-то сдавленные всхлипы.

– Саня, Сань, ты чего, а? Ты ревёшь, что ли? – Роман осторожно дотронулся до Санькиного плеча. – Сань, ну прости придурка! Я на всю жизнь этот спор запомню. В жизни больше ни с кем спорить не буду. Вот честно. Ну прости, а.

Сашкины плечи затряслись ещё больше. Из-под рук уже раздавался какой-то не то вой, не то хрип. Ромка потянул его за кофту, отрывая от стола. И тут же услышал хохот.

– Ты, идиота кусок! Придурок несчастный! Чего ты ржёшь, как конь! Я распинаюсь перед ним как не знаю кто, а он! Я думал, ты на меня так обиделся, что ревёшь! А ты, блин! Сволочь ты, Саня! Вот чего ты ржёшь?

– У вас у всех такие рожи были!!! Кирдец! – Саня вытирал слёзы, выступившие от смеха.
– Ой, не могу! Я как представлю, если бы он в натуре в ванную пошёл! Прикинь, чтобы я тогда делал?

– Представляю. Макс в ванной загнулся раком и ждёт тебя, когда же ты к нему придёшь!

– Роооома! Не смеши! Я уже ржать не могу! Это ты Серёгу, что ли, так ждёшь?

– Пошёл ты!

– Ой не могу! Ну ты и пидор! Представляю – приходит Серый домой, а ты раком!

– Саня, я тебя прибью сейчас! Хватит ржать!

– Ну а если бы он и вправду не отказался?

– Один раз – не пидорас!

– Чего? Ну ты, Ромыч, и гад! А, понял! Ты, наверное, и надеялся, что не откажется! Точно! Я тебя раскусил! Ты это специально всё затеял, чтобы не одному тебе в пидорах ходить!

– Всю жизнь мечтал, чтобы ты кого-нибудь трахнул!

– Да, Ромчик, не сбылась твоя мечта. Да ещё и на пиво впух. Но с пивом ладно, ящик напополам с тобой разделим, у меня совести не хватит без бабла тебя здесь оставлять. Тёть Аня не для этого тебе деньги передавала. Хоть ты и заслужил. Интересно, Славка догнал Макса? И как он, вернётся, нет?

– А ты что, соскучился уже?

– Ага! Особенно когда представлю его в ванной, раком! – Саня опять принялся хихикать.

– Ты при нём хоть не смейся. И не вздумай ляпнуть такое.

– Какое такое? Типа – Максик, повернись к ванной передом, а ко мне задом?

– Саня, ну хватит уже прикалываться!

– Всё, всё. Видишь, я уже серьёзный. – Сашка постарался скорчить подобающее лицо, даже брови над переносицей свёл. Ромка же, глядя на его потуги, уже сам не мог удержаться от смеха.

Слава с Максимом, затаренные под завязку пивом, вернулись минут через сорок. Славка с Ромкой затеяли игру в нарды. Саня в ожидании следующей партии с победителем лениво попивал из бутылки пивко, подкалывая Ромку, когда тот в очередной раз тупил при ходах.

Макс чувствовал себя неудобно, он то и дело ловил на себе взгляды Сани, после чего у того рот расплывался до ушей. И Макс подозревал, что тот прикалывается над ним.

Наконец он не выдержал:

– Саня, ты чего это мне лыбы даришь? Может, я зря пивом проставился?

– Не, не зря. Ты же меня не соблазнил. Лыбы же не ты мне даришь, а я тебе. Так что хреновый, Макс, из тебя соблазнитель.

– Ну, из меня-то хреновый, а из тебя то, что надо. Смотри, а то соблазнюсь.

– Ага, и в ванную ждать пойдёшь! – Саню опять на смех пробило.

Ромка пнул его по ноге.

– Кончай уже.

– Прямо здесь? Или в ванной?

– Вы здесь травки пыхнули без нас, что ли? – Славка втянул носом воздух. – Макс, ты ничего не чувствуешь? Коноплём не воняет?

– Это некоторым всё смехуёчки да пиздохахоньки. – Ромка пнул хохочущего друга посильней.

– Э, ты не отвлекайся давай, а то Славян тебя сейчас обует. Кстати, чего-то твоего Серого долго нет. Не загулял, случаем?

– Да у них там не один же поросёнок. Да в баню, наверное, ещё пойдёт. Приедет, куда он денется.

Наталья намыла детей в бане и уложила их спать. Свекровь попросила оставить ребятишек ей на недельку, а то и побольше, пока сами домой не запросятся.

Артём весь провонял палёной шкурой и щетиной. Наталья брезгливо поморщилась от неприятного запаха, когда он вошёл в комнату.

– Ты в баню идти собираешься? Времени-то много уже. Я с детьми вымылась, тебя только жду.

– Серый ходит, потом я.

– Тём, ты совсем уже с крышей не дружишь? Хватит придуливаться-то уже. Всю жизнь вместе в баню ходили, а теперь ты прям смотри, застенялся брата родного.

– Я не собираюсь с ним жопа к жопе толкаться. И вообще не хочу с ним рядом даже стоять, не то что мыться вместе.

– Может, хватит уже? Ты с ним за весь день даже словом не перекинулся. И в обед какого-то хрена с чашкой в зал ушёл, вместо того чтобы есть, как все люди, на кухне за столом. Мать косится уже на вас. А на Серёжку смотреть жалко. Он как собака побитая перед тобой.

– Да отстань ты от меня! Сказал, после него мыться пойду. Или поехали, дома вымоюсь.

– Ага, чтоб меня в машине стошнило. У тебя все волосы палёной щетиной провоняли.

Мать заглянула в комнату, поманив Артёма, чтобы он вышел.

– Тём, ты чего мыться-то не идёшь? Баня выстудится. Серёга уж минут десять как пошёл. На полотенце, иди давай.

– Мам, я потом схожу.

– Когда потом-то? На улице темень уже, вам же домой ещё ехать. Какая кошка между вами пробежала? Чего ты на него волком смотришь? Я же не слепая, вижу, что у вас что-то не так. Места себе не нахожу, переживаю за вас.

– Да всё у нас нормально. Пошёл я, пошёл. Всё.

Артём, взяв сменные вещи и перекинув полотенце через плечо, направился в баню.

Серёга поддал пару.

– Тём, тебя веничком оходить? Давай попарю.

– Отвали от меня, понял. Я тебе уже сказал, нет у меня брата. Пидора иди своего веничком охаживай. А вернее, вы уже оходили друг друга. Ко мне близко не подходи. Сунешься ещё раз, я не посмотрю ни на мать, ни на Наташку, врежу по твоей пидорской морде.

Серёга сжал кулаки, подошёл близко, почти касаясь Артёма.

– Ну, давай, врежь. Может, легче станет. Может, успокоишься уже наконец. Почеши кулаки, утешь свою душеньку.

– Серый, уйди... Богом прошу, не доводи до греха. Ты и так уже дел наворотил. Воротит меня от тебя. От таких, как вы, с твоим пидорчёнком. Врежу ведь. Матери только что потом говорить?

– Да ты не переживай, с полки, скажу, навернулся, или вон на мыле поскользнулся да мордой об поллок ударился. Бей, не стесняйся.

– Да на хер ты мне сдался, руки об тебя марать. Мойся уже по-шустрому да уматывай к гомику своему.

– Тёмыч, ну хочешь, я перед тобой на колени встану, чтоб ты меня простил и принял такого, как есть.

– Херли! Вам, пидорасам, на коленях стоять не привыкать. Для тебя это, наверное, поза привычная. Не беси меня выходками своими гомосеянскими. Ополоснулся, вали. Не хрен мне здесь на жалость давить. Нет у меня её к тебе, понял?!

– Да брат ты мне или кто?! Чужие люди и те лучше относятся! Что ты за человек-то такой?! Ну не нравится тебе, что я с парнем живу, твоё дело, можешь осуждать, не принимать этот факт! Но при чём здесь связи-то родственные. Что ж ты от меня, брательник, отрекаешься? Самому-то как? Неужели не скучаешь? Неужели действительно лучше без меня? Ведь у нас из родни только ты, я да мать. Дети твои и жена. Всё! Нет больше никого! Кто меня поддержит, как не мать да ты, случись что? Ведь нет никого родней.

– Пидора своего попросишь. Ты нас на него променял, он у тебя дороже нас оказался. Дырка, видать, золотая.

Серёга сам не понял, как Артём оказался в углу бани с окровавленной губой. Он ошарашенно смотрел на казанок, рассечённый об Тёмкин зуб. Уже выскакивал в предбанник, когда услышал слова потрясённого брата, который трогал шатающийся зуб языком:

– Кирдец тебе, Серый. Теперь уж точно ты порог моего дома хер когда переступишь. И к детям моим даже близко не подходи. Понял, урод?

– Понял, братишка. Понял. Хочешь, чтоб не было у тебя брата? Да твоё желание для меня закон! Как скажешь, так и будет.

Он натянул трико и, не удосужившись надеть носки, сунул босые ноги в ботинки. Руки тряслись, пока напяливал на мокрое тело майку. Забежал в дом, сгрёб со стола ключи от машины и документы. Схватил куртку и так же бегом, чтобы не разреветься прямо там, перед ошарашенными матерью и Натальей, выскочил мимо них во двор к машине.

Мать со снохой выбежали за ним.

– Серёжа, что случилось? Ты куда? А сумки? Я тебе там мясо, колбасы, ножки для холодца, ливер положила. – Мать мягко развернула его к себе, когда трясущимися руками он пытался справиться с дверцей машины.

Увидев материны испуганные глаза, Серёга не выдержал. Сгрёб её в охапку, прижался к щеке холодными губами, уткнулся в её шею и разревелся навзрыд.

– Мам, прости меня, ладно? Прости за всё!

– Господи, да за что простить-то? Что происходит, сына? – Любовь Ивановна гладила его по голове, ничего не понимая. Материнское сердце готово было разорваться. Никогда она ещё не видела своего младшего в таком состоянии. Наталья резко развернулась и кинулась в баню к мужу.

Сергей, немного успокоившись, отстранился от матери, неловко вытер слёзы с лица, её и свои. Сел в машину и завёл мотор.

– Сынок, куда? А ну вылезай сейчас же! Я не пущу тебя в таком состоянии.

– Мам, нормально уже всё. Всё, я успокоился, видишь? Мне ехать надо, правда.

– Объясни мне, что происходит? Что между вами с Тёмкой? – Мать наклонилась к нему.

– Потом, ладно? Я всё тебе потом расскажу. – Он погладил её по лицу, мягко отстранил и захлопнул дверцу машины. Она, растерянная, стояла, прижав руку к щеке, к месту, где только что была рука сына.

Машина, как назло, медленно прогревалась, и Сергей, приоткрыв стекло, улыбнулся матери.

– Ма, я тебя, Тёмку, племяшей, Натку, всех вас люблю. Очень. Но есть один человечек, которого я тоже очень люблю. Я расскажу тебе, только чуть позже, ладно? Надеюсь, ты простишь меня за эту мою любовь.

– Я совсем уже ничего не понимаю. Замужем она, что ли? Или старше тебя намного? За что мне прощать-то тебя?

– Потом, ладно? Ма, не рви душу. Потом.

И он рванул машину с места, увидев, как Артём вместе с толкающей его Натальей выходит из бани.

Артём молча выслушивал нападки жены и причитания матери, то и дело, шевеля языком шатающийся зуб, и облизывая выступающую кровь на разбитой распухшей губе. Он видел, как рванул машину Серёга, как мать схватилась за сердце, глядя вслед уезжающему брату.

«Чёртов пидор! Чёртов придурок! Вот куда рванул по такому гололёду! Расшибётся ведь, идиот!» Он испугался своих мыслей. На душе было тяжело, а сердце словно обручем сдавило. В ушах до сих пор стоял Серёжкин голос и его слова: «Хочешь, чтоб не было у тебя брата? Если вдруг со мной что случится, в аварию попаду или ещё что, всяко ведь в жизни бывает, на могилку-то хоть придёшь? Или даже после смерти меня не простишь?» Эти слова врезались в его мозг, как клин в колодку. Ему вдруг захотелось рвануть за этим идиотом, вытащить его из машины, врезать по морде, а потом прижать к себе.

– Наталья, одевайся, поехали, – перебил он поток ругани и причитаний и пошёл прогревать машину.

Наталья, покачав головой, стала одеваться. Сердце сжималось от того, как растерянная свекровь украдкой вытирает слёзы.

– Мам, не плачьте, всё нормально будет. Помиряются они. Я сама их заставлю помириться и дурью не маяться.

– Да ты видела, как Серёжка рванул? У меня душа не на месте. Хоть бы доехал нормально.

– Не берите плохое в голову! Серёга не дурак, он на большой скорости не ездит никогда, сбавил сразу, как от нас отъехал.

– Дай-то бог! Что между ними всё же произошло? Сергей сказал, что любит кого-то, чтоб я простила его за это. Она что, замужем? Или старше его? Я уже думать не знаю что! Ты хоть намекни мне, что ли. Я же извелась уже вся!

– Не так страшен чёрт, как его малюют. Сам всё расскажет. Но вы, главное, в панику не впадайте. Нормально у него всё. Он любит, его любят. А кто, это ведь не так важно, лишь бы счастлив был.

– Ни от кого ничего не добьёшься. Наверное, замужняя. Тёмка и бесится. Он правильный у меня очень. Я права?

Наталья улыбнулась, поцеловала свекровь в щёку и вышла к мужу.

От свежего снега на улице было светло. Дорога была пустынной, ни одной машины, ни навстречу, ни на обгон. Серёга, вцепившись в руль, как будто отключился от реальности. В голове отбойным молотком: «Пидор. Пидор». Нога непроизвольно давила и давила на газ.

Он не чувствовал скорости, он не видел перед собой дороги. И только когда свет фар ослепил глаза, понял, что выскочил на встречную полосу. Вперёди машина резко затормозила. А Серый, пытаясь вернуться на свою сторону, чтобы избежать удара, до упора вывернул руль. Машину закрутило. Она, как детский волчок, крутилась по дороге.

Он жал на тормоза, но её всё крутило и крутило. Тащило в сторону деревьев на обочину. Подбросило на какой-то кочке и врезало в ствол. Все что он увидел, это ветка, разбивающая боковое стекло с его стороны. Он по инерции прикрыл руками голову. Потом почувствовал, как зубы и нос впечатываются в руль.

Машка, его Машка и какой-то парень у машины. Что-то спрашивают. Машка ревёт. Парень открыл пассажирскую дверь и пытается расстегнуть ремень безопасности.

Серёга, как во сне, хочет открыть дверцу со своей стороны, но она почему-то не открывается. На колени капает кровь. И всюду стекло. «Откуда стекло и кровь?» – мелькает мысль. Он хочет спросить об этом Машу, и ему кажется, что он это даже делает, но она, почему-то зажав свой рот рукой, смотрит на него полными ужаса глазами и ревёт навзрыд.

Наконец парень справился с ремнём и теперь тянет зачем-то Серёгу на себя. «Что ему от меня надо? И вообще, кто он такой?» Серёга хочет оттолкнуть его от себя, но руки не слушаются. И он смотрит на них, на свои руки – они тоже в крови, а один палец почему-то вывернут как-то не так и что-то белое в нем торчит. Серёгу мутит, и он проваливается в темноту.

– Тёма, смотри, там авария! – Наталья хватает его за рукав. Но Артём и так видит, что искорёженная машина – это машина Серёги. Страх заполняет сердце и мозг, тело покрывается липким потом. Он тормозит, не доезжая до аварии. На трясущихся ногах идёт к Серёгиной машине. Как сквозь туман видит рыдающую Машку и кого-то ещё, в салоне с пассажирской стороны, нагнувшегося в сторону водителя. Как сквозь вату слышит, как рядом всхлипывает Наталья: «Серёжа, Серёженька. Только бы живой. Господи, только бы живой!»

Отодвинул парня, склоняясь над братом. Всюду стекло и кровь.

– У него всё лицо разбито. Каша кровавая. И в шее сучок торчит. Мы «скорую» вызвали. Рёбра тоже сломаны, наверное. Ноги не знаю. Я побоялся его трогать. Мы когда подбежали, он

в отключке был, потом очнулся ненадолго, – слова парня – как камни, брошенные в сознание Артёма.

– Серёжка, Серёжка! Я не хочу на могилку! Слышишь, придурок! Хрен с тобой, живи ты с Ромкой своим, только живи! Слышишь!.. – уткнулся в неподвижное тело и шептал, шептал. Только бы он услышал.

Глава 17

Всё казалось нереальным: кровавая маска вместо Серёгина лица. Булькающие, хрипящие звуки его дыхания. Пропитавшаяся кровью одежда. Тихий плач Натальи за спиной. Судорожные рыдания Маши. Незнакомый парень, без конца звонивший в «скорую» и рычащий в трубку: «Где машина?! Вы что, уроды, не понимаете, что здесь человек умирает?»

«Умирает» – при этом слове Артёма скрутил спазм страха, до тошноты, до шевеления волос на голове, до тряски в ногах и судороги, током прошедшей от руки, державшей холодную кисть брата, до самого мозга – так, что в глазах стало темно от боли.

Работники ГАИ приехали быстрее «скорой». Он не заметил, как оказался в стороне от Серёгиной машины, вместе с Натальей и Машей. Парень что-то объяснял гаишникам, показывал на свою машину, на Серёгину. Один из сотрудников попытался перелезть через сугроб обочины и открыть дверь с Серёгиной стороны. Артём слушал их как издалека.

– Заклинило. Надо «спасов» ждать. Здесь у него сучок в шее, думаю, тянуть через пассажирскую нельзя. Пусть вырезают.

– Он там хоть живой ещё?

– Да живой вроде. Сипит.

Артёма сорвало: он кинулся к гаишнику, спокойно стоящему рядом с машиной и рассматривающему след от протекторов.

– Вызывай! Херли ты на дорогу-то пялишься? Он же кровью изойдёт!

– Ты чего глотку дерёшь? Вызвал уже. Едут. Ты тоже участник ДТП? Или свидетель?

– Я брат! Скоро они? – Голос сорвался. Артём вцепился в рукав формы и зачем-то начал дёргать гаишника за рукав. – Он не умрет? Не умрет же? А?

– Ну, живой же. Значит, всё нормально будет. Успокойся. Он у тебя в рубашке родился, от такого удара обычно... Вон, смотри, аккумулятор куда улетел. А он молодец – пристёгнутый. Ты следом ехал? То твоя машина стоит?

– Моя. Не следом. Мы позже с женой выехали. А он уже... Господи, где эта «скорая» грёбаная!

В «скорой» с Серёгой поехала Маша. Артём же, пересилив себя, постарался успокоиться и сел за руль своей машины, предварительно узнав, в какую больницу везут Серёгу.

Машкин парень остался с гаишниками, пообещав Маше подъехать, как только освободится.

В больнице, в приёмном покое, Артёма начало трясти. Сергея сразу же увезли в операционную. Он же сидел перед медсестрой и диктовал его данные. В коридоре тихо плакали и переговаривались Маша с Натальей.

На все его вопросы к медсестре, что будет с братом и как его состояние, та холодно отвечала:

– Ждите. Выйдет доктор, всё скажет. А ещё лучше – езжайте домой, не мешайтесь здесь. Завтра позвоните и всё узнаете.

Ему хотелось схватить эту невозмутимую сестричку за ворот её синей форменной рубашки и закричать ей в лицо: «Что же ты, сука такая, а если бы с твоими такое? Ждала бы ты дома спокойно новость, что с родным тебе человеком?»

Санитарка, пожилая уже женщина, с сочувствием на него посмотрела, угадав, по-видимому, его мысли:

– У нас врачи хорошие. Вытянут. Только долго всё это. Вам бы правда лучше домой.

Он курил на улице. Маша с Натальей тоже вышли. Тяжело было сидеть и ждать.

– К своей, видать, мчался так. Как сумасшедший на встречную выскочил. Ещё бы немного, и нас бы с Андреем тоже здесь собирали. А может, и в морге уже бы все были.

Артём зло зыркнул на Машку:

– Типун тебе на язык.

– Тём, не ругайтесь, и так тошно. Как матери-то говорить будем? Утром все на работу поедут, увидят Серёгину машину. Надо ей как-то сказать, пока кто-нибудь чужой не ляпнул. – Наталья держалась руками за голову, пытаясь унять головную боль.

– Подождём ещё. Узнаем всё, тогда и скажем. Пошли, зайдём, может, известно уже что-нибудь. – Артём выбросил окурок, направляясь в больницу.

Маша вздохнула:

– Вряд ли. Там пока сучок удалят, пока в челюстно-лицевом заштопают, пока гипс наложат. До утра, наверное, сидеть придётся. Вы телефон новой его знаете? Тоже, наверное, переживает, что домой не приехал. Сообщить бы надо.

Артём споткнулся, а Наталья метнула в него предупреждающий взгляд и твёрдо сказала:

– Надо. Артём, у тебя есть номер?

– Откуда? Он мне на хрен не нужен был.

– Ты что, опять за своё? Тебе мало, да? Не успокоишься никак? – Жена дёрнула его за подол куртки, разворачивая к себе.

– Нет у меня его номера. У матери есть. Может вон у Машки. – Он как-то сник сразу и устало кивнул на Машу, стоявшую в полном недоумении и не понимающую, о чём они говорят.

– Чей номер у меня есть? Я что, знаю её? Это не Катька, случаем? – Слово «его» она, по-видимому, приняла за оговорку.

– Без меня ей расскажешь. Я пошёл. – Артём кинул на жену усталый взгляд и зашёл в санпропускник.

– Так, давай, колись. Кто это такая? – надела на Наталью Маша.

– Подожди, ключи у Тёмки от машины возьму, в ней поговорим. А то я уже все ляжки поморозила. – И Наталья метнулась за Артёмом, озадачив Машу ещё больше.

Новостей о Серёге ещё не было, так что Артём сам открыл машину и завёл, включив обогреватель. Оставил женщин одних, взвалив на жену неприятный разговор.

– Ну, Нат, это Катька, да?

– Нет, Маш, не Катька. Вообще я не знаю, правильно ли делаю, рассказывая всё тебе. Но думаю, что сейчас выбора уже нет, и ты всё равно узнаешь. Да и Любовь Ивановна тоже.

– Он мне что, изменял, что ли, пока мы жили? Так когда бы успел? Говори уже, а то меня мандраж бить начинает.

– Дай слово, что не будешь орать и что о том, что я тебе сейчас скажу, никто больше не узнает.

У Маши глаза расширились от такого заявления, она уже вообще ничего не понимала. Потом до неё дошло:

– Что, замужняя? Из наших кто-то, из деревни?

– Маш, я не знаю, как ты отнесёшься к тому, что я сейчас тебе скажу. Но только помни, что он сейчас в больнице и ещё неизвестно, что с ним будет. Что вы с ним прожили не один год и он всё-таки был неплохим мужем, согласись.

– Может, хватит уже вокруг да около ходить? Не буду я орать. И говорить никому не собираюсь. У него своя жизнь, у меня своя. И он правда мне всё же не чужой, я за него переживаю.

– Так, подруга, учти, ты дала слово.

– Ну? Говори уже.

– Серёга не с женщиной живет, а с парнем.

– В каком смысле?

– В самом прямом. С Ромкой он живёт, из Новокузнецка который.

– Не поняла. Ну, снимают они вместе квартиру, правильно, так дешевле. А орать-то я тогда почему должна?

Наталья тяжело вздохнула. До Маши явно не доходил смысл её слов.

– Маш, они не просто квартиру снимают, они живут вместе. Как любовники.

– Что? – Машка даже про больницу забыла, смеялась до слёз.

Её Серёга и Ромка как любовники, надо же такое выдумать. Но вдруг поперхнулась смехом, встретив сочувствующий Натальин взгляд.

– Охренеть! Мама дорогая! Я что, с педиком, выходит, жила? Да ну на хрен, бред какой-то!

Наталью как прорвало. Она плакала и рассказывала – про Серёгу с Ромкой, про Артёма, ненавидящего гомиков и пожелавшего смерти родному брату. Про инцидент в бане и про то, почему Серый так гнал.

Маша сидела пришибленная всей этой информацией. Слов не было. В голове полная каша и неверие. Она просто не могла, не могла поверить, что её Серёга – такой МУЖИК – любит парня. Потом вдруг вспомнила, как Серёга не раз просил её попробовать «туда» и как он её почти изнасиловал. И резануло – а ведь Ромка у них тогда жил. Значит, это всё началось ещё при ней. Серёгу уже тогда зацепило!

Обида, боль, злость просто нахлынули горячей волной, заставляя кровь стучать в висках, а сердце сжаться. Спазмом перехватило горло, в глазах защипало. И она, не сдерживаясь, разревелась. Наталья тихонько гладила её по плечу.

Ромку после первой же бутылки пива накрыло. Сразу сказались те рюмки, выпитые, как вода. Он еле добрался до дивана и вырубился. Парни посидели ещё немного, и Саня со Славкой, выпившие больше Макса, тоже быстро стали пьянеть. Максим собирался вызвать такси, но Славка выдернул у него из рук телефон.

– Саня, вали спать. Я матрас буду надувать, мы с Максом здесь упадём.

– А я где?

– С Ромиком, где ещё?

– А если Серый приедет? Учти, я к вам приползу.

– Да время два уже. Он в деревне, походу, остался. Мог бы и позвонить Ромке, предупредить.

Максим выдернул у Славки назад свой мобильник и начал набирать Серёгу.

– Сейчас узнаем, приедет или нет.

– Да не звони, он дрыхнет уже, наверное. Устал, поди, и вырубился. Я знаю, что такое хозяйство. Держали. – Саня пошёл в комнату.

– Выключен. Точно дрыхнет уже. – Макс стал помогать Славке убирать со стола.

Когда они улеглись, Славка хохотнул:

– У меня скоро войдёт в привычку с тобой спать.

– Это хорошо или плохо?

– А хрен его знает. Лишь бы не заразиться вашей голубизной.

– А что, есть симптомы?

– Да пошёл ты!

– Куда?

– Ну не в задницу, это точно.

– А я согласен.

– Чего ты согласен?

– А пойти согласен.

– Ну ты и извращенец! Я тебя в баню послать собирался, а ты о чём?
– Не чеши.
– Допрыгаешься! Что, с Саней спор продул, на меня решил переключиться?
– Ага. Как ты угадал? А что, был бы шанс выиграть?
– Ну не знаю. Смотря как бы ты соблазнял. – Славке нравилась эта игра в подначки. Он же понимал, что Макс это не всерьёз. «А вдруг всерьёз?» – промелькнула мысль перед тем, как сонный мозг отключился.

Глава 18

Артём измучился в ожидании. Наталья и Маша всё ещё были в машине. Он снова заглянул в кабинет санпропускника.

– Девушка, узнайте, пожалуйста, как там Захаров.
– Молодой человек, я сейчас вас выпровожу, а дверь закрою. Ждите. В операционной он ещё. Выйдут врачи, всё скажут. А если вы мне надоедать будете, я вас за дверь выставлю.

Ему так хотелось ей нагрубить, сорвать на ней свой страх. Сдержавшись, Артём вышел на улицу. Сигареты закончились, а далеко отходить от санпропускника он боялся. И правда, закроет ещё, подумав, что уехали. Он уже было собрался просить девочек сходить за сигаретами, когда увидел подъезжающую машину парня, что был с Машей.

Они все стояли на крыльце больницы. Парни курили. Маша то и дело вытирала набегающие слёзы и громко сморкалась, наплевав на культуру и окружающих. Наталья гладила её по плечу, тихо приговаривая:

– Ну всё, тихо, успокойся.
– Ладно, всё. Успокоилась. Поедем мы с Андреем. А то ведь в деревню возвращаться. Мои спят уже, наверное.
– Зачем в деревню? А в городе что?
– Да в городе негде. Андрей с мамой живёт.
– К нам езжайте. Детей дома нет. Места полно. Бери ключи. А мы попозже подъедем. Правда, Артём?

Артём вздрогнул при упоминании своего имени.

– Что?
– Я говорю, чтобы Маша с Андреем у нас заночевали. Чего в деревню-то опять ехать. Поздно уже.

– Конечно, вы езжайте, чего всем здесь торчать. А я останусь. Ты, Наташ, тоже езжай. Тебе на работу завтра.

Маша взяла Андрея под руку, отводя его в сторонку.

– Мы сейчас. Поговорим и решим. Ладно?

– Хорошо, мы вас в фойе ждем. – Наталья подпихнула мужа к двери.

Оставшись наедине, Маша прильнула к Андрею. Он обнял её, поцеловал в мокрые глаза.

– Выкарабкается он. Не переживай. Вот увидишь, всё будет нормально. Если хочешь, я вас отвезу, а сам домой поеду. Тебе, наверное, не до меня сейчас.

– С ума сошёл? Не мели ерунды. Ты мне сейчас знаешь, как нужен! – Маша ткнула кулачком в бок Андрею и уткнулась носом в его грудь.

– Маш, ты его любишь до сих пор? И ты ему нужна, сейчас. Кто о нём ещё позаботится, как не жена?

– Я его ненавижу! И я бывшая жена. У него есть кому о нём заботиться.

– Ревнуешь?

– Андрей, дело не в ревности. И я правда больше его не люблю. Просто мы всё же шесть лет вместе прожили. А знаем друг друга всю жизнь. Он мне как родной, понимаешь? Только

вот не всё я знала о своём бывшем, оказывается. И такое о нём узнала, что ненавидеть впору. Больно, невозможно больно.

– Что бы ты ни узнала, прости. Ему сейчас это очень нужно. Он сейчас за свою жизнь борется. Ему поддержка нужна. Не надо сейчас его ненавидеть. Вот оклемается, потом ненавидь.

Маша засмеялась сквозь слёзы.

– Ты вот всегда так, даже когда тошно, обязательно рассмешишь. Ладно, уговорил, буду ненавидеть Серёгу потом. Я тебя обожаю! Ты мой самый-самый. Поехали к Тёмке с Натальей? Они хорошие. Будем семьями дружить.

– Угу. А потом Серёга ещё со своей присоединятся. Будем вместе на шашлыки ездить. А что, есть же люди, которые мирно расходятся. А мужья потом, бывший и нынешний, водку вместе пьют. А жены им косточки перемывают.

– Да уж, со своей. Если бы со своей. Позвонить, кстати, надо.

Маша достала свой телефон. У неё где-то был записан Ромкин номер.

– Маш, утром позвонишь. Там уже известно всё будет. Зачем сейчас человека полошить. Она уже спит, наверное. Тем более раз не со своей. Мужу ещё подставишь.

Машку разобрал смех. Она ведь тоже сначала подумала, что Серёга замужнюю нашёл. Вот разве, глядя на него, можно подумать, что он педик?

– Ладно, пойду Наталью позову. Тёмку сейчас бесполезно домой тащить. Хотя что толку сидеть? До утра ему всё равно никто ничего не скажет.

– На, сигареты ему отдай.

Леонид дежурил уже вторые сутки. Спустившись в санпропускник, тяжело опустился на кушетку, прислонившись спиной к стене. Глаза закрывались, хоть спички вставлял.

– Оленька, сделай крепкого кофе, пожалуйста. А то я прямо здесь сейчас засну.

Медсестра встала из-за стола, зевнув и потянувшись.

– Угу. Сейчас. Я тоже на ходу засыпаю. Там вас брат Захарова дожидается. Вы бы вышли к нему, а то он достал уже. Как, кстати, прошло всё?

– Нормально. Жить будет. Его сейчас травматологи штопают. Я своё дело сделал, им его передал. Кстати, надо родственникам сказать, чтобы кровь сдали. У него редкая, первая отрицательная.

– Сами выйдете или мне?

– Выйду. Покурю, пока кофе сделаешь. Только свари, терпеть растворимый не могу. Я бы сейчас коньячка в него плеснул. Ох, давно что-то никто коньячок не задаривал. Устал я, зараза. Началась зима! Сейчас аварийные попрут. Да и не аварийные тоже.

– Сильно Захаров переломался? А с шеей что?

– Да в рубашке Захаров родился. Ни артерия, ни трахея не задеты. Хорошо никто не полез сучок вынимать, а то бывают на авариях сердобольные, безголовые. Переломался, конечно. Двусторонний оскольчатый перелом нижней челюсти, скуловой кости... Язык прошить пришлось, зафиксировать. Открытый перелом костей и хрящей носа, рваные раны мягких тканей лица и надбровных дуг... Это по моей только части. А там у него рёбра переломаны, рука – пальцы, ушиб головного мозга, скорей всего. Позвонки надо проверять. Ну и ушиб брюшной полости и грудной клетки. Без внутреннего кровоизлияния, слава богу. В общем, до фига, но не смертельно. Выкарабкается.

– Лицо сильно изувечено?

– Ну, дай бог, всё срастётся как надо, без деформации будет. Зубки вставлять, конечно, придётся. Шрамы останутся, никак без них, но я аккуратно шил. Квазимодой не станет, не обгорел же. Это вот если бы обгорел...

– Да ну вас! Всё у вас легко и просто. Человеку же жить с этим. Вдруг жена бросит.

– Шрамы украшают мужчину. Кофе делай давай. Всё, иду курить да родственников Захарова успокаивать. Может, вздремнуть чуток, а? Как думаешь? Завтра на рапорте засну ведь.

Не дождавшись ответа, Леонид вышел.

Ромка проснулся от головной боли и сушняка. Полежал, приводя мысли в порядок. Рядом дрых Санька. Значит, Серый домой не приехал. Не позвонил даже, не предупредил, что в деревне остаётся. Стало обидно.

«Правильно, я ему кто? Жене бы позвонил, а мне зачем?»

Гадость во рту была невыносима. Ромка тяжело перевалился через Сашку и поплёлся в ванную. Почистив зубы и смыв с себя запахи вчерашней попойки, стал искать таблетки от головной боли.

– Ты чего там шуршишь-гремишь? Чего не спится? Сколько времени? – заворочался проснувшийся Саня.

– Башка трещит, таблетки ищу.

– На кой тебе таблетки?.. Вон пива выпей. Легче станет.

– Не хочу я пива. Я на него смотреть не могу, не то что пить.

– А ты не смотри. Хлебни через не могу. Серьёзно говорю. Сразу полегчает.

– Отстань. Всё, я уже ацетилку нашёл. Сейчас выпью, полежу чуток, и всё пройдет. Двигайся к стенке, чтобы мне через тебя не перелазить.

– Глянь время.

– Зачем тебе? Собрался, что ли, куда-то?

– Тебе тяжело, что ли? Просто хочу знать время.

Ромка нашёл свой телефон.

Пять пропущенных вызовов с неизвестного номера. Вот он дрых, ни черта не слышал. Звонили в восемь утра. Сейчас десять. Кто это в такую рань? Может, Серёга не со своего? Точно! Его телефон, наверное, разрядился.

Ромка набрал Серёгу. Абонент выключен. Нажал на вызов незнакомого номера. Трубку долго не брали. Но как только он услышал первое «Алло», ему захотелось отбросить трубку, он узнал голос Маши.

– Алло! Ром, это ты? Я тебе звонила утром. Узнал? Это Маша. Ром, ты что молчишь?

– Узнал. Привет. – Ромка лихорадочно соображал, с какой стати Машка вдруг ему звонит. Первая мысль – она всё узнала. Вторая – они помирились с Серёгой.

– Ром, Сергей в аварию попал. Он в больнице сейчас. – До Ромки не сразу дошёл смысл сказанных Машей слов. Он молча пялился на стену, пытаясь переварить услышанное.

– Рома, ты слышишь меня?

– Да. Слышу. Он... он жив?

– Я же говорю, что он в больнице, значит, жив.

– Сильно разбился? – Голос у Ромки задрожал. В горле запершило. Ещё немного, и он разревётся прямо в трубку.

– В реанимации. Но врачи сказали, что опасности для жизни нет. Переломов много. Ушиб головного мозга, но не тяжёлый. Средней тяжести. Ну и челюстно-лицевые травмы. А в реанимацию всех после операции кладут.

– В какой он больнице? – Ромка сел на пол, облокотившись на диван. Сашка сжал его плечо, словно говоря – держись.

Маша сказала номер больницы.

– Только ты не ходи сегодня к нему. Артём поехал за матерью, потом они вместе туда приедут. Мне про вас жена Артёма рассказала. Мать не знает ничего. Да и с Тёмкой нечего лишний раз сталкиваться.

Ромка, не сдержавшись, разревелся. То, что ему позвонила именно Маша, сделало эту страшную новость ещё больней. Боль, стыд, страх – он просто не мог выдержать всё зараз.

– Маш, прости меня. Ты такая хорошая. Прости, пожалуйста.

– Ладно, всё. Давай сейчас не будем об этом.

– Я видеть его хочу. Мне нужно к нему. Что мне делать?

– Не знаю, но в больницу ехать не советую. Увидит Артём, будет скандал. Да и матери неприятно будет. Что ты ей скажешь? По-дружески приехал? С зарёванной мордой? Я тебе Натальин телефон скину. Позвонишь ей вечером, она тебе скажет, как он. Тебя всё равно не пустят к нему. Никого не пускают.

– Спасибо тебе, Маш. И прости меня.

– Всё, давай.

Сашка встал и пошёл на кухню за водой. Ромку трясло. Он смотрел на телефон в своих руках, словно не верил, что только сейчас позвонила Маша. В глазах всё расплывалось. Саня вынул у него из рук телефон и сунул ему полотенце и стакан с водой.

– Хватит реветь. Слезами горю не поможешь. Вставай давай. Сейчас в больницу поедem. Ты в такси посидишь, а я всё узнаю.

Славка и Максим тоже встали. Славка кому-то звонил.

– Ну наконец-то! Привет! Дрых, что ли? По делу звоню. Очень надо. В долгу не останусь. Тим, ты в какой больнице практику проходишь? А в каком отделении? А в реанимации есть кто? Да друг вчера в аварию попал, к вам привезли. Узнать надо, как там и что. Захаров Сергей. Двадцать шесть лет. Срочно. Жду. Давай. И узнай насчёт посещений? По блату пустят, может? Сумку соберу без базара, если что.

Славка присел возле Ромки. Обнял его, ткнулся лбом ему в висок.

– Всё нормально будет, вот увидишь. Серёга, он здоровый, справится. Так что нечего киснуть и слёзы лить. Ты же мужик, в конце концов. Ему сейчас поддержка нужна будет, и моральная и материальная. Вот переведут его из реанимации в отделение, ты туда санитаром устроишься. И будешь с ним рядышком. Дежурства ночные. Больница уже закрыта, так что ни Артём, ни мать тебя не увидят. Да и деньги, хоть какие-то. Опять же уход за Серёгой.

Ромка встрепенулся. Вытер слёзы. Посмотрел на друзей и вздохнул.

– Точно. Так и сделаю.

Телефон Славки завибрировал. Все с напряжением ждали, когда он поговорит.

– В общем так. Он в челюстно-лицевом лежать будет. Сегодня и завтра ещё в реанимации, потом переведут в отделение. Опасного для жизни уже ничего нет. Главное, чтобы раны не загноились. Говорить, есть не может. Сломана челюсть. Кормить будут пока внутривенно. Ушиб мозга есть, но не тяжёлый. Перелом рёбер, сломаны пальцы на руке. Трещина голени. Лежать будет долго. И ещё, надо сдать кровь. Первую отрицательную. Чем больше, тем лучше. Так что сейчас едем в Центр, сдаём кровушку, ищем обмен, ищем доноров. В больницу соваться нечего. Тимур сказал, в реанимацию никого не пускают. Передачек не надо. Лекарства родственники привезли. Переведут в отделение, тогда сходим.

Ромка покачал головой:

– У нас кровь не возьмут, мы вчера пили.

– Значит, завтра сдадим. Переливание ему уже сделали. Надо просто вернуть кровь назад. Надо ещё доноров найти. Группа-то редкая. Есть среди нас с такой группой кто?

– У меня первая. Только вот не помню, положительная или отрицательная. У мамки моей точно первая отрицательная, наверное, и у меня такая. – Саня в задумчивости осмотрел свои вены на руке.

Максим тоже задрал рукав на рубашке.

– А я не знаю, какая у меня. Надо в карте посмотреть.

Славка снова взялся кому-то звонить. На вопросительные взгляды пояснил:

– Ольге позвоню. У неё подруг много, может, кто и найдётся. Вообще, надо всех знакомых обзвонить. Я пока звонить буду, вы пожрать соорудите. На голодный желудок плохо думается.

Саня рывком поднял Ромку на ноги. Развернул его, подтолкнул к ванной.

– Иди умойся и бери себя в руки. Если ты заявишься послезавтра к Серому опухшим, то он расстроится. А расстраиваться ему нельзя.

– Слушаюсь, командир, – вздохнул Ромка и пошёл в ванную.

Глава 19

Артём сидел у постели брата. Сегодня первый день, когда к нему разрешили пройти. Вид всего перебинтованного Серёги придавливал тяжестью вины и раскаяния. Сергей лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Левая, здоровая рука покоилась поверх одеяла. Артём осторожно взял её в свои руки, легонько сжал горячие пальцы. Серёга с трудом повернул голову в его сторону. Каждое движение отдавалось болью во всём теле. Больно было даже открывать глаза и смотреть. Дышать тоже было больно. Всё его сознание заполнила физическая боль.

Сквозь эту боль слова, произнесённые братом, дошли не сразу:

– Братишка, прости. Прости меня.

Серёга поднял здоровую руку и дотронулся до коросты на заживающей губе Артёма.

Сегодня дежурил врач, который выходил к Артёму в приёмном отделении.

Леонид Львович, кажется. Артём на всякий случай глянул на бейджик, пристёгнутый к форменной рубашке.

– Леонид Львович, я хотел про Захарова узнать.

– Ну что вам сказать? Состояние стабильное. Кормим пока внутривенно, завтра попробуем через зонд, ну а там через поильничек. Лежать долго.

– А кровь до какого числа сдать нужно?

– А не нужно уже. Кровь на вашего брата поступила. Сдали даже больше, чем надо.

– Кто? Я ещё и не нашёл никого с такой группой, – удивился Артём.

– Ну, этого я не знаю. Друзья, наверное, сдали.

– А, понятно, – хотя понятно ничего не было. – Леонид Львович, я вот ещё что хотел спросить. Вы можете справку для банка дать? Ну, что Сергей находится у вас и что он нетрудоспособный. Там обещали пойти навстречу и дать брату отсрочку выплат.

– Без проблем. Сейчас поговорю со старшей медсестрой, она выпишет.

Артём, отработав и передав машину напарнику, вышедшему с больничного, уставший, приехал домой. Вся семья, во главе с матерью, жившей у них уже третий день, встретила его вопросительным молчанием. Даже дети вели себя непривычно тихо.

– Ну? Разрешили? Ты видел его? – не выдержала Наталья.

– Видел. Всё нормально. Идёт на поправку. Завтра кормить уже будут.

– Что ему можно? Я завтра сама поеду. Степаныч звонил, с хозяйством всё нормально. Он у меня поживёт сколько надо.

– Мам, ему ещё только бульончик можно. Они сами его кормить будут. Ты пока не суетись. Вот снимут с него все его проволочки, шины, тогда откормишь.

– Ну, так ему сейчас куриный бульончик с домашней-то курочки самое то. Ты съезди завтра, Степаныча проведай, посмотри, всё ли у него в порядке, и заруби пару курочек. Яичек, молока возьми.

Односельчанин Степаныч, овдовевший два года назад, шестидесятилетний, ещё крепкий мужик, давно подбивал клинья к Любове Ивановне. Пока она жила со снохой и сыном, его подкаты игнорировала, а в последнее время они нет-нет да чаёвничали вдвоём. А как только по деревне разнёсся слух, что у Ивановны горе, он первый к ней прибежал. Видя, как она себя изводит вдали от сына, предложил присмотреть за хозяйством. У него самого после смерти жены даже кошки не было. Старая куда-то ушла, а котёнка он так и не взял. Коротал жизнь в одиночестве. Артём посмотрел на осунувшуюся мать и подумал, что хорошо бы ей сойтись со Степанычем.

– Ладно, съезжу после работы.

Любовь Ивановна тяжело вздохнула.

– Как он, ты разговаривал с ним?

– Мам, он ещё не может говорить. Он рот-то открыть не может. Но ты только не расстраивайся, всё нормально будет. Живой, не калека, поправится и будет как прежде.

– Да уж. В старости знаешь, как все эти травмы скажутся. На каждое облачко реагировать будут.

– Мам, давайте не будем о плохом. Главное, Серёга жив. – Наталья обняла свекровь за плечи.

– Артём, а с кровью что? У нас на работе только у одной женщины такая группа, но у неё гепатит был, и ей сдавать нельзя.

– Кто-то уже сдал кровь. Даже больше, чем надо.

Наталья улыбнулась:

– Кто-то. Как будто ты не знаешь – кто. Быстро Ромка друзьями обзавёлся, наверное, весь институт на уши поднял.

– Вы Ромке звонили? Вот молодец парнишка. Давно я его не видела. Вы бы его в гости, что ли, позвали. Я борща наварю, котлеток наделаю, пока вы на работе. Пусть парнишка домашнего поест. На столовских харчах сидит, поди. Вот схожу завтра к сыночке и займусь готовкой. А то совсем за эти дни духом упала, ни к чему руки не лежат.

Артём покосился на мать, потом на улыбающуюся Наталью, но ничего не сказал.

Леонид дремал, сидя на диванчике ординаторской, под тихо работающий телевизор. Дневная смена уже ушла, и он позволил себе расслабиться.

– Леонид Львович, там вас молодые люди спрашивают. – Медсестра Катюша, ураган в юбке, выдернула его из полудремотного состояния.

– Какие ещё люди? Чего хотят? – Леонид с неохотой открыл глаза.

Улыбающаяся Катюха с хитрым видом смотрела на него:

– Лечащего врача Захарова хотят.

– А. Я его брату всё сказал. Пусть ему позвонят. Или ты в двух словах всё Расскажи. Я хоть немного посижу спокойно.

– Ну ладно, пойду побеседую. Там такие мальчишки!.. Особенно один. Лапочка.

– Да? Ну, тогда я сам.

Катюха засмеялась. Она знала об ориентации Леонида. Да, собственно, он и не скрывал никогда её ни от кого. Когда он пришёл работать в отделение, то сразу сказал строившим ему глазки молоденьким сестричкам и коллегам-врачам женского пола, что он голубой. Кто-то воротил нос поначалу, перешёптывался за его спиной, кто-то, как Катюха, сразу встал на его сторону. Нашлись, в общем, и подруги, и откровенные гомофобки. Мужчины-врачи сделали вид, что ничего не знают.

Ромка и прицепившиеся к нему Саня, Славка и Макс в больницу пришли перед самым её закрытием, в надежде, что у Серёги нет посетителей. Славка настоял, что нужно поговорить с врачом и спросить у него разрешения пройти к Серому в палату. Леонид на автомате отвечал на вопросы парней, он не мог оторвать взгляда от зеленоглазого красавца. Тот стоял смущённый от его откровенного взгляда и чему-то улыбался одними уголками губ. От этой его улыбки у Леонида просто крышу снесло. Он, закоренелый гей, как радар, признал в парне своего. И, как идиот, не знал, как теперь к нему подкатить. Когда же молчавший до этого зеленоглазый парнишка, смотря прямо в глаза доктора, попросил разрешения пройти им в палату к Захарову, тот сам побежал искать белые халаты для посетителей. В палате, увидев спящего Сергея, Славка, Саня и Макс без разговоров вышли, оставив Ромку одного. Впечатление от увиденного придавило. Они вышли на улицу и все трое молча закурили.

Леонид заглянул в палату. Там лежало четверо больных. Все они спали. Возле койки Сергея сидел только один посетитель. Парнишка уткнулся лицом в подушку рядом с головой Захарова. «Ещё один брат? Или?..» – осенило понимание. Леонид тихонько закрыл дверь.

Выглянул в пустой коридор – неужели ушли? Он с надеждой вышел на улицу, где и застал курившую троицу. Славка поднёс к сигарете врача зажигалку:

– Он поправится? Не останется инвалидом?

Все трое смотрели на него с надеждой и страхом. Но видел Леонид перед собой только одного. И отвечал только ему.

– С ним всё будет в порядке. Не сразу, конечно. Но он парень здоровый, молодой, быстро восстановится.

– А лицо у него сильно изуродовано?

– Ну, шрамы будут, конечно, но не страшные. Он же не женщина, в конце концов, думаю, не заикнется на своей внешности.

– Леонид Львович...

Сердце пустилось в «галоп» от звука мягкого, тихого голоса.

– Можно просто Леонид, я не намного вас старше.

– Хорошо. Леонид, – парень одарил его своей потрясающей улыбкой, – а вам в отделение санитары не нужны? Наш друг, который у Сергея сейчас, он на врача учится, и он мог бы устроиться санитаром, чтобы ухаживать за Серёжей. В ночную смену.

Ради этой улыбки Леонид готов был уволить всех санитарок и принять на работу хоть всю эту компанию, если бы это было в его власти.

– Я не знаю. Вроде у нас все санитарки на месте. Я завтра спрошу у сестры-хозяйки. Вот, возьмите мою визитку. Позвоните мне завтра часиков в двенадцать. – Он протянул визитку, и на миг его пальцы соприкоснулись с тонкими пальцами парня.

– Тебя как зовут? Ну, чтобы знать, кто звонит.

Макс улыбнулся откровенному намёку, чтобы позвонил именно он, а не кто-то из ребят.

Вечером парни посмеивались над Максимом, который то и дело вертел визитку доктора в руках. Славка выдернул её из его рук. Взял со стола Максимов телефон и стал набирать номер Леонида. Макс забрал у него телефон.

– Ты что, дурак? Он же сказал – завтра позвонить!

– Ну а чего ты тогда его визитку чуть ли не облизываешь? Позвони сегодня, узнай, как там Серёга. Тебя что, учить надо? Вы же, как придурки последние, друг на друга пялились. Даже Серый с Ромкой так друг на друга не смотрят.

Ромка при его словах тяжело вздохнул. Серёга, напичканный лекарствами, так и не проснулся и не видел его. Леонид обещал сказать ему, что Роман приходил. Он вспомнил сегодняшний разговор с матерью. Она сразу почувствовала, что с сыном не всё в порядке. И Ромка рассказал ей про Сергея. Мать искренне расстроилась. Сказала, что если будут нужны деньги на лечение, она снимет с книжки. Ком подступил к горлу при этих словах. Ромка был благодарен матери, что она приняла его горе, как семейное. Что она отнеслась к Сергею, как к родному. Саня уезжал через три дня. Ромке повезло, что его друг в тяжёлую для него минуту оказался рядом. Максим приходил каждый день. Когда Славка был на дежурстве, он остался ночевать, и они втроём проболтали всю ночь. Эти разговоры «ни о чём» отвлекали от тяжёлых мыслей. Ребята вообще здорово его поддерживали. Даже взять с той же кровью. Славка развернул такую деятельность по розыску доноров! Поднял всю свою группу, сбегал в общежитие и там всех на уши поставил. В итоге крови они сдали больше, чем было нужно. Ромка с теплом и благодарностью смотрел на друзей. Как же ему повезло в жизни. Стольких хороших людей подарила ему судьба. Как будто старалась компенсировать потерю отца.

На следующий день Максим позвонил Леониду. По голосу было слышно, что тот рад звонку. А у Максима был мандраж. Вчерашний откровенный взгляд врача не давал ему покоя всю ночь. Сегодня еле дождался двенадцати часов.

– К сожалению, санитары нам не нужны. Но вы можете передать своему другу, что, когда будет моё дежурство, пусть приходит без проблем, даже после закрытия больницы.

– Спасибо большое. Я ему передам.

Возникло неловкое молчание, но трубку ни один из них не отключал. И когда уже разочарованный Макс собрался отключиться, Леонид спросил его, занят ли он сегодня, и если нет, то они могут поговорить о посещениях подробнее, чтобы у его друга не возникло проблем. У Максима от волнения и радости кровь застучала в висках. До вечера он улыбался как придурок, не слушая, о чём болтают ребята. Все его мысли были уже в кафе, где они с Леонидом договорились встретиться. Передав слова врача Ромке, он, сославшись на дела, помчался домой. Ему нужно было, пока никого нет дома, собраться на свидание.

Леонид не мог поверить, что встретил наконец парня, по всем параметрам подходившего на его бой-френда, – мечту. Красивый, весёлый, умный, и главное – гей.

Макс не стал ломаться, когда Леонид позвал его к себе домой. Он хотел этого мужчину. Хотел секса с ним. Он вообще хотел секса. Его уже достала дрочка под интернетовскую порнуху. Они, не сговариваясь, потянулись друг к другу, как только входная дверь захлопнулась за их спинами. Леонид целовал Максима с жадностью голодного. Вжимал его стройное тело в стену коридора, ощущая коленом «стояк».

– Снимай куртку. Пошли в спальню. Не могу больше. С ума сойду, если не трахну тебя сейчас. – Он сам не узнал свой охрипший, как будто пропитой голос.

Максим на трясущихся от возбуждения ногах отступал под напором доктора, пока не уперся в край кровати. Он плохо соображал, горя от ласк и поцелуев. Его тело требовало их, жаждало, с готовностью раскрываясь перед Леонидом. Его состояние было сродни утопающему, увлечённому волной под воду. Он захлёбывался в этом чувстве, его уносило всё дальше и дальше эйфорией блаженства. Он подавался бёдрами навстречу толчкам, хрипел, задыхался, обливался потом. Ощущал, как капли чужого пота каплют ему на лицо, шею, грудь. Волна превратилась в цунами, и, когда его снесло ею, он закричал. Его трясло, удары колотящегося сердца оглушали.

Тяжесть чужого тела, расслабленного, мокрого, тяжело дышащего, была настолько приятной, что Максим от избытка чувств застонал. Леонид поднял голову и с беспокойством заглянул ему в глаза.

– Ты как? Живой?

Максим засмеялся:

– Нет, кажется, я умер и попал в рай.

– Я тебя реанимирую. Буду делать тебе искусственное дыхание, пока ты не оживёшь.

– Доктор сказал в морг – значит, в морг, – хохотнул Максим.

– Я некрофилией не занимаюсь. Ты мне живой нужен.

– Нужен? Доктор, это не врачебная ошибка?

– Нужен, ещё как нужен. Я хороший доктор, ошибок не делаю. И, кажется, я заболел и могу поставить себе диагноз.

– И каков он?

– Максим. Мое заболевание – Максим.

Глава 20

Анна места себе не находила от беспокойства за сына. Она прекрасно знала, что он сейчас чувствует. Им всем пришлось пережить потерю родного человека. И Ромкин страх пройти через это вновь она понимала. Притупившаяся боль с новой силой сжала сердце. Лицо первого мужа, улыбающееся, весёлое, всплыло в воспоминаниях. Ей повезло в жизни с мужьями. Валера, царствие ему небесное, был замечательным человеком. Они были почти ровесники. Небольшого роста, крепкий, коренастый, с кудрявой головой, смеющимися серыми глазами и белозубой улыбкой. С самого их знакомства он всегда старался

угодить ей. Предупредить любое её желание. Анна была сиротой, и Валера отдал ей всю свою любовь, жалея и оберегая. Жарила котлеты, обожглась – он побежал и купил ей фритюрницу, только бы капли масла не брызгали на руки жены. Появились микроволновки, он тут же побежал покупать новинку – Аннушке можно не стоять у плиты, мешая пригорающий завтрак. Кухонный комбайн – самый лучший. Нечего овощи и капусту такими маленькими ручками шинковать и обдирать костяшки пальцев о тёрку. Стиральная машинка – только автомат, ещё не хватало отжимать руками бельё. Он любил её. Обожал детей. И работать пошёл на самую высокооплачиваемую работу для работяг, только бы у неё и детей всё было. Он любил по выходным поднять всю семью и устроить поход по кафе, пиццериям или в «Макдональдс». Воспоминания, как спираль, раскрутились и захлестнули. Такие чёткие, такие свежие, как будто только вчера ещё они все вместе – она, живой Валера и ребятишки гуляют по парку. Валера тащит её на карусели, а она упирается: «Что я, маленькая, что ли, на каруселях кататься!» А он смеётся: «А какая? Конечно, маленькая! Метр с кепкой! Дюймовочка моя». Слёзы сами побежали по щекам. Она всхлипнула, схватила платок, вытерла покрасневшие глаза, высморкалась, встряхнулась. Не хотелось расстраивать Сергея своими слезами. С ним Анне тоже повезло. Он, конечно, старше её, но такой же, как и Валера, любящий и заботливый. А главное, любит он не только её, но и детей.

Сергей всё равно заметил, что жена плакала. Притянул её к себе, усадил на колени, выключая телевизор с пульта.

– Давай съездим на выходных к Ромке. Я напарника попрошу, чтобы отработал смену с утра за меня, потом, когда ему надо будет, я за него отработаю. Приду завтра с ночи, посплю часика два, и поедем. Как ты на это смотришь? Заодно и Саню заберём. Чего пацану на поезде трястись?

Анна уткнулась ему в колючий подбородок:

– Положительно смотрю. Надо позвонить ребятишкам, пусть билет сдадут. Спасибо тебе, Серёженька. Как хорошо, что ты у меня есть.

– Это мне на старости лет повезло, что у меня такая вот жена и три сына.

У Сергея был сын от первого брака. Старше Ромки на семь лет. Он окончил институт и уехал в Магнитогорск работать, там женился и даже уже сделал отца дедом. Внука, правда, Сергей только на фото видел. Бывшая Серёгина жена вышла замуж. Жила она хорошо, на Серёгу не обижалась. Они оба понимали, что жили только ради сына. И, когда он стал взрослым и самостоятельным, разрыв произошёл как-то незаметно, сам собой.

Сергей крепче прижал к себе хрупкую, маленькую Анну. Ему нравилось, когда она, как ребёнок, сидела у него на коленях. Нравилось ощущать себя не старым рядом с ней, а нужным и сильным.

– Ань, надо, наверное, денег с книжки снять. Давай заплатим за Ромкину квартиру на полгода вперёд?

Анна улыбнулась. Она прекрасно поняла, что муж предполагал, что Сергей после больницы не сможет оплачивать жильё.

– Ну, квартиру мы так и так Ромке снимали, не рассчитывая на Сергея, так что, конечно, оплатим. А с соседями он сам пусть разбирается. Если Слава или Сергей будут отдавать ему часть за жильё каждый месяц, не надо будет лишний раз слать деньги переводом на питание.

– И ещё, – Сергей отстранил от себя Анну и заглянул ей в глаза, – я вот думаю, может, Ромке машину подарить? За то, что в институт поступил.

– Сдурел, что ли? Какая машина? У него даже прав нет! А после этой аварии, да я даже думать боюсь, что он за руль сядет!

– Ань, на права он весной сдаст. А пока доверенность на Сергея сделает. Купим ему какую-нибудь шестёрочку подержанную, тысяч за тридцать.

– Да Серёге ещё из больницы выйти надо. И неизвестно, сядет он после этого за руль или нет.

– А куда он денется? Сядет, конечно! Ты водил не знаешь. Как только всё заживёт, обязательно за руль потянет. А его десятка, думаю, только на запчасти сейчас сгодится. И потом, я же не предлагаю тебе завтра машину бежать покупать.

– Ладно, там видно будет. Какой же ты у меня всё-таки! Я так переживала, как ты будешь к Ромке относиться, после всего. А ты ещё и о Серёге заботишься! Неужели действительно тебе всё равно, что Ромка не такой, как все? Что он с мужиком сошёлся?

– Не всё равно, конечно. Только толку с этим бороться? Я ещё когда молодым был, у нас работал один парень. В то время даже разговоров об этом не было, не то что каких-то там подозрений. Парень как парень. И как гром среди ясного неба, когда его посадили по статье за мужеложство. Посадили его и мужика, с кем он жил. На работе, помню, все харкались и матерились, когда узнали. Я тоже. Сейчас как представляю, через что им пришлось пройти на зоне, волосы дыбом встают. И ведь они знали, чем может кончиться их связь, а всё равно сошлись. Вот я и думаю, что толку с этим бороться, если это сильнее страха даже перед зоной. И я не хочу, чтобы у Ромки была своя зона. Ещё не хочу, чтобы он в подворотнях и подъездах трахался. Находил себе случайных партнёров. Из двух зол нужно выбирать меньшее. Сергей мужик хороший. Ромку в обиду не даст. Дай бог, чтобы у них это надолго. Чтобы не разбежались через год.

Анна молча обняла мужа, крепко, со всей благодарностью и любовью.

Ромка сидел на краешке Серёгиной койки и еле сдерживался, чтобы не прильнуть к нему, не поцеловать свободную от бинтов кожу. Швы Серёге сняли неделю назад. Ромке хотелось провести пальцем, дотронуться до шрамов.

– Шыльно ташно? – Серёга говорил ещё с трудом, шепелявя, коверкая слова. Но Ромка понимал всё, что он говорил. Даже если бы Серый молчал, Ромка бы понял его вопрос по глазам. Он отрицательно помотал головой и, наклонившись к самому уху, зашептал:

– Круто. Похож на бандюгана. Как блатной. Все будут бояться, хрен кто подойдет. Мне только на руку.

Серёга хотел засмеяться, но челюсть и ребра с прессом ещё болели, и вместо смеха получился хрип.

– Зато я теперь знаю, на кого учиться. Выучусь на хирурга челюстно-лицевой. Буду на тебе опыты по удалению швов проводить, ну и морщины заодно убирать.

– Ома, шмяться не могу! Качай! – Серёга сжал его пальцы здоровой рукой и посмотрел с такой тоской и любовью, что Ромка готов был чихать на мужиков в палате и прильнуть к Серому, уткнуться в его плечо.

Мужики и так уже косились на них. Ромкины вечерние посиделки не остались незамеченными. Как-то Артём пришел к Сергею и один из мужчин, пожав ему руку, сказал:

– Завидую белой завистью. Повезло парню с братьями. Один с утра каждый день как штык, другой вечерами, даже после закрытия ухаживает, лучше санитарок. Молодцы! Дружные!

Артём с удивлением посмотрел на него, потом перевел взгляд на Сергея и по тому, как тот отвернулся, всё понял. Кивнул мужчине:

– На то братья и нужны, чтобы поддержать и быть рядом. – И глянул опять на Серёгу, сглотнув комок, образовавшийся в горле.

Так все и думали, что Ромка – младший братишка. А Ромка боялся выдать себя. Чем больше выздоравливал Сергей, тем больше приходилось сдерживаться, чтобы не прижаться к нему.

В палату заглянул Леонид.

– Как дела? У всех всё нормально?

– Нормально, док. Всё путём, сейчас спать укладываться будем, – ответил за всех один из больных.

Леонид взглядом и чуть заметным кивком дал понять Ромке, что пора закругляться.

Серёга ещё крепче сжал его руку:

– Жафта пидёшь?

– Приду, к вечеру. – Он наклонился и зашептал: – Завтра противный врач дежурит. Леонид с ним не смог договориться, чтобы меня пускали. Так что я недолго побуду. Надеюсь, Артём в это время к тебе не придёт?

– Ну и пидёт? Пусь тепит. Пывакет.

– Я не хочу с ним встречаться.

Серёга глянул по сторонам. Мужики уже улеглись. Свет в палате выключен. Он взял Ромкину руку и приложил к своей щеке, прижимаясь к ней и морщась от боли. Ромка вздохнул и, высвободив свою руку, уже легонько, чуть касаясь, погладил Серёгины шрамы. Потом быстро поднёс пальцы к своим губам и приложил их к губам Серёги.

Артём с матерью были у него уже довольно долго. Сергей с беспокойством ждал прихода Романа. Хотя он вчера и сказал Ромке, что пусть Артём привыкает, в душе он переживал за его реакцию. Тем более при матери. Мать первые недели фактически жила в больнице и переживала, что женщина, из-за которой поругались перед аварией братья, ни разу не появилась при ней у Серёги. Спрашивать сына, приходит ли она к нему, Любовь Ивановна не решилась. Поспрашивала медсестёр да санитарок. По их словам, женщины к её сыну не приходили. Не считая жены Артёма, которая таскала санитаркам и медсёстрам конфеты, чтобы они лучше за Серёгой присматривали. И они знали, что она жена брата Захарова. Зато чуть ли не каждый вечер, перед самым закрытием, приходит парнишка и ухаживает за Сергеем, как заправский санитар. Любовь Ивановна удивилась, но виду не показала. Она догадалась, что это Роман, было приятно, что он заботится о её сыне. Такой благодарный молодой человек. Ишь, не забыл добро.

Роман открыл дверь в палату. Артём и Любовь Ивановна обернулись на скрип двери. Ромка готов был выскочить назад в коридор, но Серёгина мать, улыбаясь, уже шла к нему.

– Ромочка! Как же я тебя не видела давно. Проходи, солнышко, проходи, родной.

Сергей вцепился побелевшими пальцами в пододеяльник. Артём поглядел на побледневшего, напряжённого брата и шагнул навстречу парнишке:

– Ну, здорово, Роман. Спасибо, что присматриваешь за брательником. – Он протянул руку и сам взял в свою ладонь Ромкину кисть, крепко, но не больно её пожав.

Мужики в палате с недоумением наблюдали за этой картиной. Поймав их взгляды, Артём приобнял и стиснул Ромкины плечи.

– Братишка двоюродный. Умничка. В меде учится. Видимся вот редко, к сожалению...

Мужики понимающе заулыбались.

– То-то, мы смотрим, он так заправски с уткой управляется. Молодец, не бросает двоюродного брата. Не каждый родной так ухаживать будет, – одобрительно закивал мужик, что позавидовал их братским отношениям в первый раз.

Артём слышал, как Серёга облегченно вздохнул. Видел, как расслабились его напряжённые мышцы. Встретился с его благодарным взглядом. И ему самому вдруг стало легче, как будто тяжкий груз с плеч свалился. Смущённый, покрасневший Ромка отвечал что-то на вопросы матери. Она погладила его по голове:

– Ромочка, ты совсем, деточка, исхудал. Чтобы завтра же пришёл к Артёму, я тебя домашней едой кормить буду. Я ещё недельку у Тёмы с Наташей поживу да в деревню уеду. Так что давай, не стесняйся, приходи.

Ромка покраснел ещё больше и с испугом и растерянностью взглянул на Артёма. Тот же смотрел на Сергея. Глаза в глаза. Потом повернулся к Ромке:

– А чего завтра-то ждать, сейчас от Серёги и поедem сразу к нам.

– Я... я не могу. Мне некогда. Меня ждут. – Роман с мольбой посмотрел на Серого.

Но тот кивнул ему, прикрыв на секунду глаза, и по губам Ромка прочитал: «Съезди. Пожалуйста».

Артём тоже понял брата и улыбнулся Ромке:

– Подождут. Давай, не выделяйся. Ты нам не чужой. Ты родня.

И непонятно было, что он имел в виду, – что соврал мужикам, что он их двоюродный брат, или что признал его как Серёгину половинку.

По дороге домой Артём заехал в магазин и купил бутылку вина и торт. Всю дорогу Ромка боялся даже дышать, не то что смотреть на Серёгина брата. Посидели хорошо. Ни Наталья, ни Артём и словом не обмолвились об их с Серым отношениях. Вели себя так, как будто ничего не произошло. Артём вино пить не стал, сказал, что отвезёт Ромку домой, нечего по темноте пешком шастать. И никакие возражения не принимаются. Наталья и Любовь Ивановна поддержали его. Роману ничего не оставалось делать, как покорно сесть в машину. Напарник уволился, и Тёмка окончательно перебрался в таксопарк, бросив вторую, мало оплачиваемую работу. Машина была фактически в его распоряжении, и он даже подумывал выкупить её. Уже у подъезда дома, прежде чем Ромка успел выйти из машины, Артём повернулся к нему:

– Ром, я тебе от всего сердца благодарен, что ты не бросил Серёгу. Что ухаживаешь за ним. Спасибо тебе.

– Я его люблю, Артём. Люблю наравне с мамой, братом, отчимом. Он мне очень дорог, хоть ты и не хочешь этого понять и признать.

– Я понимаю. Я вижу. Я привыкну. Слово тебе даю. Вот увидишь.

– Спасибо. – Ромка счастливо улыбнулся. Глаза его засияли, и Артём перестал осуждать брата. Он действительно наконец понял, что любовь и правда бывает разная. И этого не дано изменить. Не ему решать, кого любить брату и с кем жить.

Глава 21

Серёга смотрел, как мать собирает его вещи, и размышлял о её словах.

Сегодня его выписывали, но предстояла ещё амбулаторная реабилитация, на работу он выйдет не скоро. Да и на какую? Значит, мать права, надо ехать в деревню и жить там. Не сидеть же у Ромки со Славкой на шее. Он всё это прекрасно понимал и знал, что так и поступит. Но хотелось после больницы, хотя бы несколько дней, побыть с Романом. Артём должен был увезти его в деревню вместе с матерью. И он не знал, как сказать им, что в деревню ехать пока не хочет.

Тёмка пошел за выписками. А мать, упаковывая его вещи в сумку, напутствовала:

– Поживёшь со мной, поправишься, окрепнешь, а потом уж в город, если что, переберёшься. Я понимаю – что тебе одному-то в деревне делать. В городе и заработки больше.

– Мам, мне же ещё на перевязки ходить, на лечебную физкультуру, может, я недельку эту у Артёма поживу?

– Это всё и в деревне сделать можно, у нас нормальная поликлиника.

– Я хотел к Леониду Львовичу походить.

– Серёж, скажи честно, ты не хочешь домой ехать из-за женщины, с которой жил? Даже имя её не знаю. Она хоть раз пришла к тебе в больницу?

– Нет, не из-за женщины, – улыбнулся Сергей.

Любовь Ивановна присела на край кровати, провела рукой по его отросшим за два месяца волосам.

– Не приходила? Ну и плюнь. Найдёшь ещё.

– Ма, мы с тобой на эту тему потом поговорим, дома. Ты не обижайся, но мне надо хоть денька на три в городе остаться.

– Ну, надо так надо.

Артём понимающе посмотрел на брата, когда мать сказала, что Сергей хочет остаться на несколько дней у него. Он отвёз Серого к себе домой, а потом уже повёз мать в деревню.

Дома у Артёма никого не было. Телефон Серёге Тёмка привёз ещё в больницу, свой, старенький. Как только дверь за матерью и братом закрылась, он набрал Ромкин номер. Разговаривать было всё ещё больно, да и шепелявил он страшно, оставшись фактически без передних зубов. Ромка долго не брал трубку. Сергей уже хотел скинуть вызов, вспомнив, что тот на занятиях, когда услышал тихое «Алло».

– Серёж, я в коридор вышел ненадолго. Говори.

– Всё, меня выписали.

– Класс! За тобой приехать? Я отпрошусь сейчас.

– Не надо, я у Артёма. Они с матерью меня уже забрали.

– Ты что, домой не придёшь? – В голосе послышались обиженные, расстроенные нотки.

Серёга улыбнулся, было приятно услышать Ромкино «домой».

– Куда я денусь? Я знаешь, как соскучился? Артём приедет, попрошу, чтобы он меня отвёз. Ты как раз из института вернёшься. Только не сбегай с занятий.

– Я не дотерплю. Я тоже соскучился, сил нет как.

Брат вернулся быстро. Вернулся с полным багажником. Мясо, картошка, солонина, молоко, яйца – всего нагрузил. Он прекрасно понимал, почему Серёга остался в городе. И так же понимал, что у студента Ромки холодильник, наверное, от продуктов не ломится. Хоть Серый и ел ещё всё жидкое да перетёртое, продукты всё же не будут лишними. Он сунул в руку брата тысячную купюру.

– Ну, на первое время хватит, а там ещё подкину.

– У тебя самого денег нет. Я не возьму.

– Прекращай! Серый, не буди во мне зверя. Бери, говорю.

Серёга обнял Артёма, уткнулся ему в плечо, вдыхая родной запах.

– Спасибо, братишка.

– Ладно, давай без соплей. А то я их за последнее время и так хорошо на кулак намотал.

Ромке хотелось сжать Серёгу покрепче. Прижаться к его телу так, чтоб их ребра трещали. Но, сдерживая себя, он ласково гладил его шрамы. Нежно проводил пальцами по коже. Целовал отметины от удара, оставшиеся на теле. Исследовал языком соски, плечи, пресс живота. Сергей гладил его по спине.

– Ромчик, не могу больше. Мне ещё тяжело над тобой зависать будет, ты сам...

Ромка хотел поцеловать его в губы, но Серёга отвернулся.

– Ром, не надо. Зубов нет, да и не зажило ещё до конца.

Руки Сергея сжимали Ромкины ягодицы, тепло от его ладоней заводило Романа не хуже поцелуев. Как он любил это тепло. Эти горячие, сильные, мозолистые руки. Мускулистое тело. Это родное, хриплое дыхание. Голос, смех. Весёлые искорки в глазах, виноватую улыбку, сдвинутые к переносице брови, недовольное сопение и довольное: «Эх, хорошо!» Любил всё – от волос до кончиков пальцев на ногах.

Уже поздно вечером, сидя на кухне за столом, Роман поведал Серёге последние новости. Славка неделю назад съехал к Ольге. Она забеременела, и теперь они готовились к свадьбе. Институт бросать не собирались, родители обещали помочь. Ольга возьмёт академический на год, ну а Славик будет пахать помимо учёбы. Пока санитаром, а с четвёртого курса его обещали взять медбратом. Родители Ольги окончательно переехали жить на дачу. Брат устраивал свадьбу и сказал, что с голоду бедным студентам помереть не даст. У Славки родители богатыми не были, но и не бедствовали. Помимо квартиры, где они жили всей семьёй, была квартира, оставшаяся от бабушки и оформленная на него. В ней никто не жил, стояла закрытой. Мать не хотела пускать квартирантов. Теперь же квартиру сдавали, а деньги пересылали сыну. В общем, всем миром решили, что вытянут молодую семью, пока они учатся. Ромка всё это рассказывал Серёге, глядя, как тот цедит куриный бульон с размяклой в нём картошкой и хлебом.

– Ромчик, я дня на три останусь, потом к матери, пока всё не заживет.

Ромка ошарашенно уставился на него:

– Что? В смысле, ты меня бросаешь?

Серёга поперхнулся.

– С ума сошёл? Я же сказал, что пока не выздоровею и не устроюсь на работу. Но приезжать-то я буду. А там, как первую получку получу, сразу к тебе перееду.

– А ты со мной это обсудить не собирался? Сам всё решил?

– Ром, ты чего? Ты что, не понимаешь, что у меня сейчас денег нет, чтобы жить в городе?

– А в деревне у тебя что, деньги появятся?

– В деревне мать, хозяйство. В деревне расходов меньше. Пойми, я не могу прихлебателем при тебе сидеть.

– За квартиру уплачено вперёд, до конца учебного года. Я получаю пенсию по утере кормильца, плюс стипендия, и мамка высылает. Ты сегодня продуктов на месяц привёз. Нам что, на бумагу туалетную денег не хватит? Или я для тебя чужой? А если я в будущем попаду в такую ситуацию, мне тоже надо будет к матери в Кузню ехать?

Сергей встал из-за стола, подошёл к сидящему на стуле Ромке, провёл большими пальцами по дрожащим от обиды губам.

– Прости, я придурок. Прости, Ромашка.

– Прощаю. Я знаю, что ты идиот деревенский. – Он обхватил Сергея руками и прижался к его животу. – Мне дядь Серёжа сказал, что машину подарит. Жигулёнок подержанный купит. Месяца через два, когда у тебя всё окончательно заживёт.

– Пойдёшь на права учиться?

Ромка засмеялся:

– Я что, дурак – зимой учиться? Летом пойду.

– А зачем тогда сейчас машину покупать?

– А ты на что? Или тебя прав лишили?

– Ты серьёзно? А Сергей знает, что ты до лета не собираешься на права сдавать?

– Знает, конечно.

– Тогда получается...

– Угу. Получается. Классный у меня отчим, правда?

– Нам с тобой несказанно повезло с роднёй и друзьями. Как бы мне ещё матери всё рассказать. – Сергей тяжело вздохнул, а Ромка прижался к нему сильнее.

Любовь Ивановна была от всего сердца благодарна односельчанину за его помощь. Степаныч хорошо справлялся с хозяйством и домом, пока её не было. Она даже решила подумать над его предложением сойтись, но только после того, как выздоровеет Серёжа, и в том случае, если он снова переедет в город. Сын позвонил сегодня и сказал, что приедет. Как только Артём отработает, отвезёт его в деревню. Любовь Ивановна всё время думала о женщине, бросившей сына. Как, должно быть, ему сейчас тяжело. Он ведь перед самой аварией признался, что очень любит её. Сердце зашлось от боли. Верно люди говорят: «Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети, и проблемы большие». Дети навсегда остаются детьми, за которых душа болеть будет до самой смерти.

Её мысли прервал звук подъезжающей машины. «Ну слава богу, приехали».

Серёга вошёл во двор и замер. Его прошиб озноб, а ноги налились тяжестью, когда он увидел грудку искорёженного металла.

Сзади подошёл Артём, положил ему руку на плечо.

– Мужики её без меня притащили. Главное, ты живой, а машина – дело наживное.

Сергей молча кивнул и, не глядя на брата, пошёл к дому. На душе было погано. Висевший на нём кредит, разбитая, такая долгожданная «десятка», переломанные ноющие кости, выбитые зубы, которые он неизвестно когда вставит, и не только из-за недостатка денег, но и из-за операции на челюсти. «Зачем такой урод и неудачник Ромке?» И как ответ на эту мысль, возникла другая: «Ну, давай, брось парня. Втянул его в это, перед родителями, друзьями

гомиком выставил, а теперь брось». Он горько усмехнулся и взял себя в руки. Выкинул всё плохое из головы и твёрдо сказал уже вслух:

– Прав брательник. Главное – жив. Руки, ноги, голова – всё на месте, а остальное приложится. Живы будем – наживём.

Артём остановил его у самой двери в дом, придержав за локоть.

– Серый, ты матери говорить собираешься?

– Да. Сегодня ей всё расскажу.

– Может, не надо? Я не знаю, как она эту историю с аварией выдержала. Думал, следом за тобой в больницу отправлять придётся.

– Лучше сейчас, чем потом от кого-нибудь. Мало ли. Маша обо мне теперь знает.

– Я останусь. Говори при мне. Вместе, думаю, будет проще ей всё объяснить.

Сергей внимательно посмотрел на брата.

– Точно? Не стошнит от разговора?

Артём отвернулся.

– Я знаю, что я урод, Серый. – С тяжёлым вздохом повернул голову к Серёге и вдруг улыбнулся. Открыл рот и продемонстрировал шатающийся зуб, раскачивая его языком. – Хорошо ты мне вмазал тогда. На всю жизнь запомню. – И, обняв брата за плечи, увлёк в дом.

Любовь Ивановна прибирала со стола.

– Мам, присядь, мне поговорить с тобой надо.

Она глянула на сыновей – они нервно теребили бахромку скатерти, привычка ещё с детства у обоих. Значит, разговор серьёзный. Сердце ёкнуло. Тяжело опустилась на стул, заранее приготавливаясь к плохим новостям.

– Мам, ты меня про женщину спрашивала. Так вот, не хочу тебе больше врать. Нет никакой женщины, и не было никогда.

Любовь Ивановна с непониманием смотрела на сына:

– Ты же мне перед самой аварией сказал, что любишь её сильно. Как же не было?

Серёга покачал головой:

– Я не говорил тебе, что это – она. Я сказал, что люблю одного человека.

– Ты меня что-то запутал. То нет никого, то всё-таки есть. Ничего уже не понимаю.

– Я Ромку люблю. Ромку, мам.

Любовь Ивановна потрясла головой, как будто хотела вытряхнуть из неё слова сына. Артём метнулся в её комнату и вышел из неё уже с валерьянкой. Но она оттолкнула его руку:

– Не надо. Считайте, что я ничего не слышала. – Она стала подниматься из-за стола.

– Мам. Мам, пожалуйста. – Сергей подскочил к ней, но она отстранила его от себя. Потом внимательно посмотрела в глаза, покачала головой, провела рукой по шраму на шее.

– Я ничего не слышала, а ты ничего не говорил. А с Ромкой вы просто друзья.

– Но это не так, мам. Я знаю, что тебе тяжело это понять и принять, но попробуй. Артём ведь смог.

Она перевела взгляд на старшего сына, он всё ещё сжимал в руке пузырёк с валерьянкой.

– Мам, выслушай его, прими. Это лучше, чем приходить в больницу или на кладбище.

Любовь Ивановна вздрогнула всем телом и снова села на стул. Слёзы сами полились, она пыталась утереть их трясущейся рукой. Артём поднёс ей уже разведённое лекарство, она выпила его залпом, как рюмку водки, и дала волю слезам. Оба сына, присев перед ней на корточки, обняв, уткнулись в её грудь с двух сторон. А она плакала и гладила их головы, как в детстве, приговаривая:

– Да за что мне такое наказание? Да что же вы у меня такие непутёвые? Ой, горе ты моё, вставай, у тебя же нога болит, нечего на коленях елозить.

Эпилог

Июль 2010 г.

Маша ругала Андрея на чём свет стоит. Он опять забыл закрыть свой чемодан с инструментами, и теперь она собирала их по всей квартире. Но это ещё полбеды. Андрейка-младший залез с отвёрткой от неё под шкаф, и она со своим огромным животом никак не могла его оттуда достать. На все уговоры отдать мамочке отвёртку пятилетний Андрей дразнил её:

– Не отдам, не отдам.

– Ох и избаловал же тебя отец! Вот доберусь я до тебя, будешь весь день в углу стоять.

В ответ он смеялся из-под шкафа, знал, что мамка только грозитя. Маша с Андреем усыновили мальчонку два года назад. А семь месяцев назад Машку вдруг стало мутить по утрам. Когда она с ошалевшими глазами и с тестом в руках примчалась к гинекологу, врач уверила, что так бывает, биологические часы сработали. Маша не верила ни в какие часы, она знала, что это ей награда за усыновленного Андрейку.

Макс мчался домой, чуть не сшибая прохожих. Сегодня Леонид должен был приехать из Москвы. Десять дней без него казались годом. Он соскучился по своему доктору Айболиту. Леонид ездил на какой-то симпозиум. Макс был далёк от заковыристых названий медицинских терминов. Это с Ромкой Лёня часами мог говорить о работе. Тот учился уже на пятом курсе и проходил практику в отделении челюстно-лицевой хирургии. Максим взбежал по ступенькам на свой этаж. Из-за двери их квартиры была слышна музыка, а на площадке стоял запах жареного картофеля.

– Приехал, – вздохнул Максим.

Открыв дверь, он, разувшись, на цыпочках прошёл на кухню. Доктор, подпевая певцу, жарил картошку. Макс обхватил его сзади руками и прислонился к спине:

– Ты опять на весь подъезд картошкой развонялся?

– Что, слюнки текут?

– Ага, по тебе.

– Ну, значит, сейчас подтирать будем. – Он обернулся к Максиму: – Ну, здравствуй, что ли.

– Привет.

– Соскучился?

– Не-а.

– Так я тебе и поверил.

– А ты проверь.

Картошка остывала на отключённой плите. Им было не до неё.

– Серый, ты решил, что мы Сане на свадьбу подарим?

– Деньги. Деньги, Ромочка. Сами купят себе подарок, им видней, что им надо.

– У Сани с Ленкой деньги не держатся. Они их все на поездку истратят, вот увидишь.

– Ну и пусть тратят, на то они и деньги. А в свадебном путешествии они тем более нужны.

– Да их, сколько ни возьми, все там оставишь. Может, вещь лучше какую-нибудь купить?

– Предлагай. Друг твой, тебе лучше знать, что ему дарить.

– Телевизор.

– А если им родичи телик подарят? На кой им два телевизора?

– Блин, ладно, уговорил – деньги так деньги.

Ромка включил ноут. Саня был «онлайн».

Серёга заглянул ему через плечо:

– Что пишет?

– Пишет, чтобы мы дурью не маялись, главное не подарок, а наше присутствие. И ещё пишет, чтобы мы там себя не выдали.

– Может, ты лучше один поедешь? Я там каким боком? Знать никого не знаю. Если честно, я бы лучше дома остался, матери в деревне помог.

– Приедем и вместе поможем.

– Ромчик, солнце, ну съезди один, а? Ну я правда не хочу ехать. – Серёга развернул Романа вместе со стулом к себе.

– А что мне за это будет?

– А что ты хочешь?

– Много секса!

Сергей сдёрнул его со стула прямо на пол:

– Ну всё, допросился.